

Диккенс Чарльз Одного поля ягода

ГЛАВА I, трактующая о педагогике

Школа, в которой Чарли Хэксем впервые стал обучаться по книге (пройдя подготовительный курс в великом учебном заведении, известном под названием Улица, где подобные ему ученики усваивают без книги и до знакомства с книгой многое такое, от чего потом не отучишься никакими силами), ютилась под самой крышей дома, стоявшего посреди смрадного двора. Воздух в этой школе был спертый, удушливый; в битком набитых классах не прекращался шум, беспорядок; одна половина школьников клевала носом или же цепенела в состоянии полного отупения; вторая способствовала и тому и другому монотонным бормотанием, напоминающим гудение волюнок, на которых дерут без всякого лада и размера. Учителя, исполненные благих намерений, и только, не имели ни малейшего понятия, как вести урок, и все их потуги приводили лишь к тому, что в классах стоял сущий содом. Школа эта предназначалась для детей любого возраста и обоего пола. Мальчиков и девочек держали порознь, старших и младших сортировали поровну. В основе же этого учебного заведения лежала вздорная ханжеская идея, что его воспитанники, все до одного, невинные младенцы. Идея эта, особенно милая сердцу дам-патронесс, приводила к чудовищным нелепостям. Так, например, молодым девушкам, закоснелым в пороках, всегда сопутствующих беспросветной нищенской жизни, вменялось в обязанность восхищаться книжкой для благодетелей, где рассказывалось о маленькой Марджери, которая жила в деревенском домике возле мельницы, строго отчитывала и прямо-таки подавляла своим моральным превосходством мельника, когда ей было пять, а ему пятьдесят лет, делилась кашей с певчими пташками, однажды даже отказалась от нового нанкового капора на том основании, что брюква не носит нанковых капоров, равно как и овечки, которые эту брюкву кушают, плела корзиночки из соломы и читала нуднейшие проповеди всем и каждому, выбирая для этого самое неурочное время. В свою очередь великовозрастным дылдам и сорванцам ставили в пример некоего Томаса Тапенса, который, решив не красть у своего ближайшего друга и покровителя восемнадцати пенсов (к тому же при самых страшных обстоятельствах), вскоре совершенно сверхъестественным образом стал обладателем трех шиллингов шести пенсов и в дальнейшем преобразился в светоч добродетели. (Заметьте, что покровитель его добром не кончил.) В том же духе были написаны автобиографии и других чванливых грешников, и из поучений каждого такого ханжи неизменно вытекало, что надо творить благие дела не ради благих дел, а ради собственного благополучия. Взрослых учили читать Новый завет (правда, их не всегда можно было научить чему-нибудь), и, спотыкаясь на каждом слоге, растерянно тараща глаза на следующий, они ровным счетом ничего не усваивали из этого великого повествования. Короче говоря, это была на редкость нелепая школа - не школа, а сущий содом, где каждый вечер пировали черт и ведьма с помелом. И в особенности каждый воскресный вечер, так как по воскресеньям злосчастных малышей, посаженных лесенкой по росту, отдавали во власть самого скучного и самого бесталанного из всех благонамеренных учителей, какого школьники постарше просто не стали бы слушать. Он высился над ними, как палач, бок о бок с традиционным в таких случаях добровольцем-подручным из учеников. Не важно, когда и где впервые зародилась эта традиция, при которой уставшему или рассеянному малышу полагается "устраивать смазь", то есть проводить потной ладонью по лицу, когда и где такие добровольцы увидели эту традицию в действии и, восплавав священным рвением, взялись применять ее. Главному палачу вменялось в обязанность разглагольствовать, а его помощнику вменялось в обязанность кидаться на уснувших малышей, зевающих малышей, непоседливых малышей, плачущих малышей и проводить рукой по их жалким личикам - когда одной, будто помазуя на ношение бакенбард, а когда и двумя, будто приставляя им шоры к глазам. И такой содом обычно продолжался в этом классе битый час. Учитель, то и дело присюсюкивая:

"Милые детки, милые детки", мямлил им, ну, скажем, про гроб повапленный и повторял слово "повапленный" (как известно, одно из самых распространенных в детском словаре) раз пятьсот, ни разу не пояснив, что оно значит; доброволец-помощник совал кулаками направо и налево в виде безошибочного комментария к тексту, и весь этот рассадник болезней - орава вспотевших, измученных малышей обменивались между собой корью, ветряной оспой, коклюшем, лихорадкой и желудочными коликами, будто совершали сделки на рынке Хэймаркет*.

Но даже в таком обиталище благих намерений исключительно смышленный мальчик с исключительно твердой решимостью преуспеть в науках мог научиться чему-то и, научившись, передавать свои знания другим много лучше, чем учителя, потому что у него было больше жизненной сметки и он не так уж проигрывал в глазах класса по сравнению с самыми способными учениками. Вот почему Чарли Хэксем выделился в этом содоме, стал помощником учителя в этом содоме и со временем перешел в другую, лучшую школу.

- Итак, ты хочешь навестить сестру, Хэксем?

- Да, если вы разрешите, мистер Хэдстон.

- А что, если я пойду с тобой? Где живет твоя сестра?

- Да она еще не нашла себе подходящего жилья, мистер Хэдстон. Мне бы не хотелось, чтобы вы увидели ее до того, как она устроится.

- Слушай, Хэксем. - Мистер Брэдли Хэдстон, учитель на жалованье, вооруженный не только благими намерениями, но и всяческими аттестатами, продел в петлю на, куртке мальчика указательный палец правой руки и внимательно посмотрел на него. - Я надеюсь, общество сестры тебе не вредит?

- Почему вы в этом сомневаетесь, мистер Хэдстон?

- Разве я сказал, что сомневаюсь?

- Нет, сэр, не говорили.

Брэдли Хэдстон снова посмотрел на свой палец, высвободил его из петли, пригляделся к нему еще внимательнее, прикусил зубами и посмотрел на него еще раз.

- Видишь ли, в чем дело, Хэксем. Ты готовишься вступить на наше поприще. Пройдет положенный срок, ты выдержишь экзамены и тоже будешь учителем. А тогда...

Глядя на Брэдли Хэдстона, который опять занялся осмотром своего пальца и прикусил его с другой стороны, мальчик долги ждал, что последует дальше, и, не дождавшись, повторил:

- А тогда, сэр?..

- Тогда тебе, может быть, придется оставить ее.

- А разве это будет хорошо, если я оставлю сестру, мистер Хэдстон?

- Я ничего такого не советую, потому что не могу судить о твоих обстоятельствах. Предоставляю решать тебе самому. Только прошу тебя подумать об этом как следует. И все взвесить. Помни, что твои дела в школе идут очень хорошо.

- Ведь это она послала меня учиться, - нехотя проговорил мальчик.

- Сознывая, насколько это необходимо, и решившись даже на разлуку с братом? Да, верно, - согласился учитель.

Мальчик, видимо, не хотел уступать и сопротивлялся, борясь с самим собой. Наконец он поднял глаза на учителя и сказал:

- Хорошо, мистер Хэдстон, пойдете, я познакомлю вас с моей сестрой, хотя она еще не устроилась. Пойдете! Мы застанем ее врасплох, но все равно, судите о ней сами.

- А ты не считаешь нужным предупредить ее? - спросил учитель.

- Мою Лиззи не надо предупреждать, мистер Хэдстон! - горделиво сказал мальчик. - Какая она есть, такая и есть, притворяться ей незачем. В моей Лиззи нет ни капли притворства.

Уверенность в сестре пристала ему больше, чем колебания, которым он поддавался дважды. В этой братской преданности сказывалось доброе начало натуры мальчика, тогда как злое толкало его на эгоизм. И пока что доброе начало брало в нем верх.

- Ну что ж, вечер у меня сегодня свободный, - сказал учитель. Хорошо, пойдете.

- Благодарю вас, мистер Хэдстон. Пойдете хоть сейчас.

Брэдли Хэдстон - молодой человек двадцати шести лет, в приличном черном сюртуке с жилеткой, приличной белой сорочке с приличным строгим галстуком, в приличных панталонах цвета соли с перцем, с приличными серебряными часами в боковом кармане и с приличной, плетеной из волос часовой цепочкой на шее - выглядел очень прилично. В другом одеянии Брэдли Хэдстона никто никогда не видел, и тем не менее, в том, как он носил все это, чувствовалась какая-то скованность, словно от непривычки, и она придавала ему сходство с мастеровым, разрядившимся по-праздничному. Готовясь стать учителем, Брэдли Хэдстон сумел накопить, хоть и механически, большой запас знаний. Он мог совершенно механически производить в уме сложные вычисления, механически пел с листа, механически играл на духовых инструментах и даже на большом церковном органе. С раннего детства голова его представляла собой кладовую механически приобретенных сведений. Товары в этой кладовой были размещены так, чтобы их по первому требованию можно было отпускать в розницу, - история здесь, география там, астрономия направо, политическая экономия налево, естествознание, физика, арифметика, музыка, алгебра, геометрия и прочее тому подобное, все стояло по своим местам. Такое размещение приносило обладателю всех этих ценностей немало забот, отчего и взгляд у него был крайне озабоченный, а привычка задавать вопросы и отвечать на вопросы придавала ему недоверчивый вид, точно он был всегда начеку. Тревожное выражение не сходило с его лица. Это лицо говорило о негибком и вялом от природы уме, который с великим трудом завоевывал поставленную перед собой цель, и завоевав ее, цепко держался за достигнутое. Глядя на Брэдли Хэдстона, можно было подумать, будто он только и знает что тревожиться, не пропало ли что-нибудь из его умственной кладовой, и то и дело проверяет сохранность своих товаров.

Вдобавок ко всему этому его сковывала необходимость подавлять в себе многое, чтобы освободить побольше места в голове. И все же в нем чувствовалась неукротимость, чувствовался внутренний огонь (правда, тлеющий), а это наводило на мысль, что, если бы Брэдли Хэдстона еще мальчишкой, нищим оборвышем отправили в море, он был бы не последним в корабельной команде. О нищете, в которой прошли его юные годы, он хранил угрюмое, гордое молчание; ему хотелось, чтобы о его прошлом забыли. И о нем действительно мало кто знал.

Брэдли Хэдстон заметил в содоме этого Хэксема. Подходящий мальчик на должность помощника учителя. Безусловно подходящий! Такой мальчик сделает честь тому, кто подготовит его. Возможно, что этим мыслям сопутствовали воспоминания о нищем оборвыше, которыми теперь ни с кем нельзя было поделиться. Так или иначе Брэдли Хэдстон хоть и с трудом, но все-таки добился того, что мальчика перевели в его школу и дали ему там работу, за стол и помещение. Таковы были обстоятельства, столкнувшие в этот осенний вечер Брэдли Хэдстона и Чарли Хэксема. Осенний вечер - ибо с тех пор, как стервятника нашли мертвым на берегу Темзы, прошло целых полгода.

Школы, о которых идет речь (их было две, мужская и женская), находились в той части низины, спускающейся к Темзе, где смыкаются графства Сэррей и Кент и где железнодорожные пути все еще проходят среди огородных участков, ожидающих от такого соседства своей неизбежной гибели. Школы эти, построенные недавно, ничем не отличались от других школ в здешних местах, и, глядя на них, можно было подумать, что это одно и то же непоседливое здание, наделенное, подобно дворцу Аладина, способностью передвигаться. Они стояли в кварталах, похожих на игрушечные, кое-как сложенные из кубиков блаженным ребенком: вот одна сторона новой улицы; вот глядит фасадом куда-то в пространство большой трактир; еще одна улица, недостроенная, но уже вся в развалинах; здесь - церковь; там - огромный новый склад; рядом - обветшалый загородный дом; дальше - черная глубина канавы, поблескивающие стеклами рамы парников, заросли бурьяна, старательно возделанный огород, каменный виадук, канал с перекинутой через него аркой моста, и всюду, куда ни глянь, неразбериха и грязь и туман. Словно ребенок под конец толкнул стол с игрушками, а сам заснул.

Но даже среди школьных зданий, школьных учителей и школьников, созданных по

одному шаблону, согласно библии наших дней, суть которой единообразие, нет-нет да и давал о себе знать шаблон более древний, тот, что, к добру ли, к худу ли, вершит судьбы многих людей. Он давал о себе знать в лице учительницы мисс Пичер, которая поливала цветы, в то время как мистер Брэдли Хэдстон шагал рядом со своим учеником. Он давал о себе знать в лице учительницы мисс Пичер, которая поливала цветы в насквозь пропыленном маленьком садике, примыкавшем к ее скромной школьной квартирке с маленькими оконцами, похожими на игольное ушко, и маленькой дверью, похожей на переплет букваря.

Какая же она была миниатюрная, аккуратная, чистенькая, методичная и пухленькая, эта мисс Пичер, с румяными, словно вишни, щечками и певучим голосом! Подушечка для иголок, рабочая шкатулка, нравоучительная книжка, мешочек с рукодельем, таблица умножения, таблица мер и весов и... маленькая женщина - все одно к одному. Она умела писать сочинения на любые темы, размером ровно в грифельную доску, которые начинались в левом верхнем углу доски и кончались в правом нижнем. И сочинения ее всегда строго соответствовали установленным на этот счет правилам. Если бы мистер Брэдли Хэдстон адресовался к ней с письменным предложением руки и сердца, она, вероятно, ответила бы ему коротеньким безупречным сочинением на эту тему, размером ровно и грифельную доску, и ответила бы, безусловно, "да". Потому что она любила его. Приличная волосая цепочка, которая обвивала шею мистера Брэдли Хэдстона и охраняла его приличные часы, была для нее предметом зависти. Мисс Пичер сама обвилась бы вокруг шеи мистера Брэдли Хэдстона и сама бы с радостью его охраняла. Его - бессердечного, потому что он не любил мисс Пичер.

Снискавшая благосклонность мисс Пичер ученица, которая стояла сейчас наготове с кувшином воды для пополнения лейки, помогала ей по хозяйству, весьма несложному, и, угадывая состояние чувств мисс Пичер, считала своей обязанностью быть влюбленной в Чарли Хэксема. Поэтому между двух грядок махровых левкоев и желтофиолей биение двух сердец участилось, когда учитель и мальчик остановились у маленькой калитки.

- Прекрасный день, мисс Пичер! - сказал учитель.
- Чудесный, мистер Хэдстон! - сказала мисс Пичер. - Вы собрались погулять?
- Да, мы с Хэксемом отправляемся в дальнюю прогулку.
- Для такой прогулки погода сегодня самая подходящая, - заметила мисс Пичер.
- Мы идем не столько ради удовольствия, - ответил учитель, - сколько по делу.

Перевернув лейку вверх дном и стряхнув на цветок последние две-три капли с таким усердием, словно они обладали некоей силой, способной взрастить к утру из этого цветка волшебный боб вышиной до неба *, мисс Пичер попросила еще воды у своей ученицы, которая тем временем разговаривала с мальчиком.

- Всего хорошего, мисс Пичер, - сказал учитель.
- Всего хорошего, мистер Хэдстон, - сказала учительница.

Ее ученица была столь привержена школьному обычаю поднимать руку (точно останавливая омнибус или кэб), когда ей хотелось сообщить что-нибудь мисс Пичер, что она поступала так и в домашней обстановке. То же самое произошло и сейчас.

- Да, Мэри-Энн? - отозвалась мисс Пичер.
- С вашего позволения, сударыня, Хэксем сказал, что они идут навестить его сестру.
- Нет, это что-то не так, - возразила мисс Пичер, - потому что с ней у мистера Хэдстона не может быть никаких дел.

Мэри-Энн снова остановила омнибус.

- Да, Мэри-Энн?
- С вашего позволения, сударыня, наверно, какое-нибудь дело есть у самого Хэксема?
- Может статься, - сказала мисс Пичер. - Мне такая мысль просто не пришла в голову.

Впрочем, это не важно.

Мэри-Энн снова остановила омнибус.

- Да, Мэри-Энн?
- Все говорят, она очень красивая.
- Ах, Мэри-Энн, Мэри-Энн! - с легкой досадой воскликнула мисс Пичер, чуть краснея и

покачивая головой. - Сколько раз я повторяла тебе: не употребляй таких неопределенных выражений, изъясняйся точнее! "Все говорят" - что под этим подразумевается? Какая часть речи "все"?

Мэри-Энн заложила левую руку за спину, зацепив ею локоть правой, точно на экзамене, и ответила:

- Местоимение.

- Какое?

- Безличное.

- Число?

- Множественное.

- Так сколько же это человек, Мэри-Энн? Пятеро? Или больше?

- Извините, сударыня, - смущенно пролепетала Мэри-Энн после минутного раздумья. - Подразумевается только ее брат, больше никто. - И, сказав это, она отпустила локоть правой руки.

- Так я и думала! - Мисс Пичер снова улыбнулась. - Но в следующий раз, Мэри-Энн, будь внимательнее. Помни: "Он говорит" - это совсем не то же самое, что "все говорят". Разница между "он говорит" и "все говорят"? Ну?

Мэри-Энн немедленно заложила левую руку за спину, зацепив ею локоть правой, - позиция совершенно обязательная при таких обстоятельствах, - и ответила:

- В первом случае - изъявительное наклонение, настоящее время, третье лицо единственного числа, действительный залог от глагола "говорить". Во втором - изъявительное наклонение, настоящее время, третье лицо множественного числа, действительный залог от глагола "говорить".

- Почему действительный залог, Мэри-Энн?

- Потому что действительный залог требует после себя прямого дополнения в винительном падеже, мисс Пичер.

- Очень хорошо, - одобрительно заметила мисс Пичер. - Даже отлично. Итак, не забывай правил, Мэри-Энн. - С этими словами мисс Пичер кончила поливать цветы и, удалившись в свои скромные апартаменты, сначала привела себя в равновесие восстановлением в памяти ширины и глубины главнейших рек и высоты горных вершин земного шара, а потом занялась измерением выкройки корсажа, которому предстояло облечь ее собственные формы.

Тем временем Брэдли Хэдстон и Чарли Хэксем добрались до Вестминстерского моста, перешли на правый берег Темзы и зашагали вдоль него по направлению к Милбэнку. В этом районе Лондона есть маленькая улочка под названием Черч-стрит и маленькая, глухая площадь под названием Смит-сквер, в центре которой возвышается на редкость уродливая церковь с четырьмя башенками по углам, похожая на какое-то окаменелое чудовище - огромное, страшное, задравшее все четыре лапы вверх. Учитель и мальчик увидели в дальнем конце площади дерево, рядом с ним кузницу, штабеля дров и лавчонку, торговавшую железным ломом. Зачем и почему ржавый котел, большое железное колесо и прочая рухлядь должны были валяться, наполовину уйдя в землю, у входа в эту лавку, никто не знал и, видимо, не желал знать. Подобно не очень-то жизнерадостному мельнику из одной старинной песенки, рухлядь эта, вероятно, рассуждала так: "Коль никто обо мне не тужит, я не буду тужить ни о ком!"

Обойдя всю площадь и заметив, что в ее безлюдье было что-то мертвое, словно она приняла снотворного, а не погрузилась в естественный сон, учитель и мальчик помедлили в том месте, где Черч-стрит примыкала к ней своими тихими домиками. К этим домикам Чарли Хэксем и повел учителя и около одного из них остановился.

- Кажется, моя сестра поселилась вот здесь, сэр. Она перебралась сюда временно, вскоре после смерти отца.

- А ты виделся с ней с тех пор?

- Всего два раза, сэр, - ответил мальчик по-прежнему неохотно. - Но это ее вина, а не моя.

- На что она живет?

- Лиззи всегда хорошо шила, а сейчас она устроилась у одного портного, который шьет матросское платье.

- А ей случается брать работу на дом?

- Иногда случается, но большую часть дня она, по-моему, проводит там, в мастерской. Вот сюда, сэр.

Мальчик постучался; в двери что-то щелкнуло, и она распахнулась. Следующая дверь, выходящая в маленькую переднюю, стояла настежь, и они увидели перед собой неведомо кого - девочку... карлицу... девушку?., которая сидела в старомодном низеньком кресле перед низенькой скамейкой наподобие рабочего станка.

- Я не могу встать, - сказала девочка, - потому что у меня спина болит и ноги не слушаются. Но я здесь хозяйка.

- А еще кто-нибудь есть дома? - спросил Чарли Хэксем, с изумлением глядя на нее.

- Сейчас никого нет, - бойко и с чувством собственного достоинства отвечала девочка. - Никого, кроме хозяйки. А что вам нужно, молодой человек?

- Я хотел повидаться с сестрой.

- У многих молодых людей есть сестры, - возразила ему на это девочка. - Вы лучше скажите мне, как вас зовут, молодой человек?

У этой странной маленькой особы с остреньким, но отнюдь не уродливым личиком, на котором сверкали ясные серые глаза, был такой острый взгляд, что ей, видимо, сам бог велел стать острой и на язык. Как будто и слова ее и вся повадка не могли быть иными при таком обличье.

- Я Хэксем.

- Ах, вот оно что! - воскликнула хозяйка дома. - Я, собственно, так и думала. Ваша сестра придет минут через пятнадцать. Я очень люблю вашу сестру. Мы с ней большие друзья. Садитесь. А этого джентльмена как зовут?

- Это мой учитель, мистер Хэдстон.

- Садитесь и вы. Только, пожалуйста, затворите сначала дверь. Мне самой трудно это сделать, потому что у меня спина болит и ноги не слушаются.

Они молча повиновались, а маленькая особа, принявшись за прерванную работу, взяла волосяную кисточку и стала смазывать клеем тонко нарезанные кусочки картона и дощечки. Ножницы и два-три ножика, лежавшие на скамье, свидетельствовали о том, что девочка нарезала все это сама, а разноцветные ленты, лоскуты шелка и бархата, вероятно, должны были приукрасить ее изделия, набитые как полагается (набивка лежала тут же). Проворные пальцы девочки двигались с поразительной быстротой; она соединяла тонкие краешки, прикусывала их зубами для прочности и то и дело посматривала на гостей исподтишка своими серыми глазами, взгляд которых стал еще острее, чем прежде.

- А вот вам ни за что не угадать, какое у меня ремесло, - сказала она после очередного осмотра.

- Вы делаете подушечки для булавок, - ответил Чарли.

- А еще что?

- Перочистки, - сказал Брэдли Хэдстон.

- Ха-ха-ха! А еще что? Хоть вы и учитель, а вам не отгадать.

- Вы делаете что-то из соломы, - и он показал на край скамьи, - а что именно, я не знаю.

- Молодец! - воскликнула хозяйка дома. - На подушечки для булавок и перочистки идут остатки материала. А самое главное в моем ремесле солома. Ну! Отгадайте, что я делаю из соломы?

- Кружочки под блюда?

- Выдумали тоже, а еще учитель! Вот отгадайте загадку, это будет вам вроде подсказки. Я люблю тебя, когда ты начинаешься на "К", потому что ты красивая. Я бегу от тебя, когда ты начинаешься на "К", потому что ты капризная. Мы пойдем с тобой в "Королевскую корону", и я подарю тебе капор. Зовут тебя Кривляка, а живешь ты в курятнике. Ну! Что я делаю из соломы?

- Капоры?

- Да! Для модниц, - сказала хозяйка дома, утвердительно склонив голову. - Для кукол. Я кукольная швея.

- Надо полагать, это прибыльное дело?

Хозяйка дома пожала плечами и тряхнула головой.

- Нет. Платят гроши. И всегда спешка. На прошлой неделе одна кукла выходила замуж, и я просидела за работой всю ночь. А мне это вредно, потому что у меня спина болит и ноги не слушаются.

Учитель и мальчик со все возрастающим удивлением смотрели на эту маленькую особу, и, наконец, учитель сказал:

- Как жаль, что ваши важные заказчицы не желают с вами считаться.

- Они всегда так, - ответила хозяйка дома, снова пожав плечами. - И платья свои не берегут, да еще привередничают - месяц поносят, и уже из моды вышло, подавай им новое. Я шью на одну куклу с тремя дочерьми. Вот транжирка! Разорит она когда-нибудь своего муженька!

И, рассмеявшись странным отрывистым смешком, хозяйка дома снова покосилась на гостей своими серыми глазами. Подбородок у нее был остренький, как у эльфа, и весьма выразительный, а бросая по сторонам такие вот острые взгляды, она еще и вздергивала его вверх. Получалось так, будто и глаза и подбородок приводились в действие одной пружинкой.

- И у вас часто бывает такое горячее время?

- Бывает куда горячее. Но сейчас работы мало. Третьего дня я сдала большой заказ - траурное платье. У куклы, на которую я шью, умерла канарейка. - Хозяйка дома рассмеялась и несколько раз покачала головой, словно хотела сказать: "Вот она, суэта мирская!"

- И вы так и сидите целый день одна? - спросил Брэдли Хэдстон. - Или соседские дети...

- О господи! - воскликнула хозяйка дома таким пронзительным голосом, точно последнее слово кольнуло ее. - Не говорите мне о детях! Я терпеть не могу детей! Мне все их повадки и фокусы давно известны. - И она сердито потрясла кулачком, поднеся его к самым глазам.

Вряд ли требовался большой учительский опыт для того, чтобы понять, как больно было кукольной швее чувствовать разницу между собой и другими детьми. Во всяком случае, оба - и учитель и ученик - сразу об этом догадались.

- Только им и дела, что бегать, кричать, играть во всякие игры, драться. Только им и дела, что скок-скок-скок на одной ножке по тротуару да чертить по нему мелом. Мне их повадки и фокусы давно известны! - И она снова потрясла кулачком. - Да это еще не все! Кто заглядывает в чужие замочные скважины и кричит всякие обидные слова и передразнивает, какая у кого спина и ноги? Да, да! Мне все их повадки и фокусы давно известны. А знаете, какое я придумала им наказание? У нас на площади есть церковь, а под этой церковью - черные двери в черное подземелье. Так вот, я отворила бы одну такую дверь и затолкала бы туда их всех, а потом - дверь на замок, и в замочную скважину - перцу им, перцу!

- А перец зачем? - спросил Чарли Хэксем.

- Чтобы чихали, - пояснила хозяйка дома, - и обливались слезами. Чихают, слезы из глаз кап-кап, а тут я и начну их дразнить в замочную скважину, как они сами, озорники и проказники, других дразнят.

Потряхивание кулачком перед глазами, на сей раз особенно энергичное, видимо, принесло некоторое облегчение хозяйке дома, и она добавила уже более спокойным тоном:

- Нет, нет, нет! Бог с ними, с детьми. Я больше люблю взрослых.

Возраст этой маленькой особы не поддавался определению: фигурка у нее была щупленькая, а личико одновременно и юное и старообразное. Ей было, вероятно, лет двенадцать, от силы - тринадцать, никак не больше.

- Я всегда любила взрослых, - продолжала она, - и всегда с ними водилась. Они такие умные. Сидят смирно. Не скачут, не прыгают. У меня уж давно решено: пока не выйду замуж,

только с ними и буду знаться. А замуж, хочешь не хочешь, все равно придется выходить.

Кукольная швея замолчала, прислушиваясь к чьим-то шагам на улице; в дверь тихо постучали. Тогда она дернула за рычажок возле ручки кресла и сказала с веселым смехом:

- Вот, например, одна взрослая особа, которую я считаю своим большим другом.

И в комнату вошла Лиззи Хэксем, одетая в черное.

- Чарли! Ты?

Она обняла брата - как встарь, что явно смутило его, и никого больше не замечала вокруг.

- Ну, ну, Лиз! Довольно! Посмотри, кто со мной пришел - мистер Хэдстон!

Ее взгляд встретился со взглядом учителя, который, видимо, не ожидал, что у Чарли Хэксема такая сестра, и они пробормотали обычные слова приветствия. Девушка была немного смущена этим неожиданным посещением; учитель держался натянуто. Впрочем, он никогда не чувствовал себя вполне свободно.

- Я говорил мистеру Хэдстону, что ты еще не устроилась как следует, Лиз, но он оказал нам любезность и все равно захотел пойти со мной. И вот я его привел. Как ты хорошо выглядишь!

Брэдли, по-видимому, был того же мнения.

- Хорошо? Правда, хорошо? - воскликнула хозяйка дома, снова принимаясь за работу, хотя в комнате уже стемнело. - Вы это правильно заметили! Но продолжайте, продолжайте болтать!

Раз и два, и два и три,

На меня ты не смотри,

А с гостями говори,

пропела она свой экспромт, показывая на каждого по очереди тоненьким пальцем.

- Я не ждала тебя, Чарли, - сказала Лиззи Хэксем. - Я думала, если ты захочешь меня увидеть, то пошлешь за мной и назначишь мне встречу где-нибудь недалеко от школы, как в прошлый раз. Мы с братом виделись возле школы, сэр, - пояснила она, обращаясь к учителю, - потому что мне проще туда прийти, чем ему сюда, - я работаю в мастерской, как раз на полпути между домом и школой.

- Вы, кажется, не очень часто встречаетесь, - сказал Брэдли, держась все так же натянуто.

- Да, - о грустном покачиванием головы. - Вы довольны успехами Чарли, мистер Хэдстон?

- Очень доволен. Я считаю, что дорога перед ним открыта.

- Я так на это надеялась! Спасибо вам. А ты, Чарли, какой ты молодец! Мне лучше уйти с его дороги, разве только он сам захочет повидаться со мной кое-когда. Вы тоже так считаете, мистер Хэдстон?

Помня, что ученик ждет его ответа и что он сам советовал ему держаться подальше от сестры, - вот от этой девушки, которая сейчас впервые предстала перед ним, Брэдли Хэдстон проговорил, запинаясь:

- Видите ли, ваш брат очень занят. Ему надо много работать. Ведь чем меньше он будет отвлекаться от своих занятий, тем лучше для него. Вот когда он окончательно устроится, тогда... тогда другое дело.

Лиззи снова покачала головой и сказала со спокойной улыбкой:

- Я всегда ему так говорила. Ведь правда, Чарли?

- Ну, ладно, ладно, сейчас об этом не стоит вспоминать, - ответил мальчик. - Расскажи лучше, как ты живешь.

- Очень хорошо, Чарли. Я ни на что не могу пожаловаться.

- У тебя здесь своя комната?

- Да, конечно. Наверху. Там тихо, спокойно и воздуха много.

- А когда к ней приходят гости, она принимает их в этой комнате, сказала хозяйка дома, глядя на Лиззи, точно в бинокль, сквозь костлявый кулачок, причем глаза и подбородок действовали у нее в полном согласии. Гостей принимают всегда в этой комнате. Правда, Лиззи?

И тут Брэдли Хэдстон заметил легкое движение руки Лиззи Хэксем, словно она хотела предостеречь кукольную швею, а кукольная швея перехватила его взгляд, поднесла к глазам уже оба кулачка и направив свой бинокль на него, воскликнула с шутливым потряхиванием головы:

- Ага! Попались? Наблюдаете за нами?

Это могло быть простым совпадением, но Брэдли Хэдстон заметил также, что немедленно вслед за тем Лиззи, еще не успевшая снять капор, поспешила предложить им выйти на улицу, так как в комнате совсем стемнело. Гости попрощались, и они вышли втроем, а кукольная швея откинулась на спинку кресла, сложила руки на груди и, глядя им вслед, стала задумчиво напевать что-то тихим, нежным голоском.

- Я пойду погуляю по берегу, - сказал Брэдли. - Вам, наверное, хочется поговорить друг с другом.

Лишь только он отошел от них деревянной походкой, мало-помалу скрываясь в вечерних сумерках, мальчик заговорил недовольным тоном:

- Когда же, наконец, ты устроишься по-человечески, Лиз? Я думал, ты давно уж об этом позаботилась!

- Мне и здесь хорошо, Чарли.

- Тебе и здесь хорошо? А мне было стыдно привести сюда мистера Хэдстона. И как ты попала к этой маленькой колдунье?

- Совершенно случайно, Чарли. Но теперь мне кажется, что тут дело не только случая, ведь эта девочка... Ты помнишь объявления, которые висели у нас дома по стенам?

- Будь они прокляты, эти объявления! Я стараюсь забыть, что у нас было дома, и тебе советую то же самое, - сердито проговорил мальчик. - Ну, при чем тут эти объявления!

- Эта девочка внучка того старика.

- Какого старика?

- Страшного пьяного старика в войлочных туфлях и ночном колпаке.

Мальчик потер нос, не то сердясь, что ему напоминают о таких вещах, не то любопытствуя, что же последует дальше, и спросил:

- Как ты об этом дозналась? Странная ты девушка, Лиззи!

- Отец девочки работает вместе со мной. Вот как я об этом дозналась, Чарли. Он такой же, каким был ее дед, - безвольный, всегда пьяный, жалкая развалина, но мастер хороший. Мать у девочки умерла, а она, бедняжка, больна, вот и выросла такая. Ты подумай, ведь пьяницы окружали ее с колыбели... если только у нее была колыбель, Чарли.

- И все-таки я не понимаю, что у тебя может быть общего с ней, сказал мальчик.

- Не понимаешь, Чарли?

Мальчик молчал, глядя на реку. Они вышли на Милбэнк, и река была теперь слева от них. Сестра легко коснулась его плеча и показала на воду.

- Воздаяние... долг... назови это как хочешь, ты знаешь, о чем я говорю. Могила отца.

Но он не смягчился и, помолчав еще минуту-другую, заговорил с раздражением:

- С твоей стороны очень дурно, Лиз, тащить меня назад, когда я стараюсь выбиться в люди.

- Я тащу тебя назад, Чарли?

- Да, Лиз! Неужели ты не можешь забыть прошлое? Неужели ты не можешь оставить все это позади, как советовал мне сегодня мистер Хэдстон, правда по-другому поводу? Нам с тобой теперь нужно только одно: смотреть вперед и идти все прямо и прямо.

- И ни разу не оглянуться назад? Даже не попытаться хоть как-то искупить то, что было?

- Какая ты фантазерка! - все так же раздраженно воскликнул мальчик. Хорошо нам было мечтать, когда мы с тобой сидели у огня и видели перед собой ямку в углях, но ведь теперь перед нами настоящая жизнь, а не твои фантазии.

- Настоящая жизнь была перед нами и тогда, Чарли.

- Я понимаю, что ты хочешь сказать, но это неправильно. Я не собираюсь отречься от тебя, Лиз. Мне хочется, чтобы ты поднялась вместе со мной. Так я решил, и так это и будет. Я

знаю, чем я тебе обязан. Только сегодня вечером я сказал мистеру Хэдстону: "Ведь сестра сама послала меня учиться!" Так вот, не удерживай меня, не тяни назад. Это единственное, чего я прошу, и совесть моя чиста.

Она выслушала все, не сводя с него пристального взгляда, и ответила спокойно и сдержанно:

- Ты думаешь, мне приятно жить здесь, Чарли? Нет! Чем дальше от реки, тем для меня было бы лучше.

- А для меня и подавно. Забудем ее оба. Почему ты не можешь с ней расстаться? Я стараюсь и близко не подходить к этим местам.

- А я, кажется, не в силах уйти отсюда, - сказала Лиззи, проводя рукой по лбу. - Меня что-то удерживает здесь помимо моей воли.

- Вот опять, Лиз! Опять твои фантазии! Ты сама, по собственному желанию, поселилась в одном доме с каким-то пьянчужкой - кто он, портной, что ли? - и с какой-то калекой, не то девочкой, не то старушонкой, не разберешь, - и говоришь, будто тебя тянет сюда, удерживает здесь что-то. Надо смотреть на жизнь трезво!

Ее ли упрекать в недостатке трезвости - ее, которая столько билась с ним, столько выстрадала из-за него! Но сейчас она подняла руку - в этом жесте не было ни тени укоризны - и легонько похлопала Чарли по плечу. Так она еще в прежние дни успокаивала маленького брата, таская его на руках, хотя он был ничуть не легче ее самой. И Чарли прослезился.

- Клянусь тебе, Лиз! - Он вытер глаза ладонью. - Я хочу быть хорошим братом, хочу доказать, что помню добро. Прошу тебя об одном: думай обо мне и не давай воли своей фантазии. Как только меня определят на должность учителя, ты будешь жить со мной, и тогда о фантазиях придется забыть. Так кончай с ними теперь же! Скажи, я не рассердил тебя?

- Нет, Чарли, нет!

- И не обидел?

- Нет, Чарли. - Но на этот раз она ответила не сразу.

- Я и не хотел тебя обидеть! Веришь мне? Ну говори - веришь? Вон мистер Хэдстон остановился и смотрит на воду. Начинается прилив, и он намекает, что нам пора идти. Поцелуй меня и скажи еще раз, что я не обидел тебя.

Она так и сказала; они обнялись, потом повернули к реке и подошли к учителю.

- Но нам по дороге с твоей сестрой, - сказал Брэдли, когда мальчик обратился к нему со словами: "Пойдемте, сэр". И неловким угловатым движением он подал ей согнутую в локте руку. Она коснулась ее и тут же отдернула свою. Учитель резко повернулся к ней, недоумевающая, чем это вызвано.

- Я не домой, - сказала Лиззи. - А вам еще так далеко идти. Без меня вы дойдете скорее.

Они решили перейти Темзу по Воксхоллскому мосту, так как он был совсем близко, и простились с девушкой. Брэдли Хэдстон пожал ей руку, а она поблагодарила его за внимание к брату.

Учитель и ученик быстро и молча пошли домой. Они уже сходили с моста, когда на противоположном берегу появился джентльмен с сигарой во рту, шагавший не спеша, заложив под пальто руки за спину. Небрежные манеры этого джентльмена, лениво-надменный вид, с которым он шествовал, занимая вдвое больше места на тротуаре, чем следовало, сразу привлекли к себе внимание мальчика. Как только джентльмен поравнялся с ними, он оглядел его с головы до ног, остановился и посмотрел ему вслед.

- Почему ты на него так смотришь? - спросил Брэдли.

- Да ведь это... - проговорил мальчик, сосредоточенно хмурия брови, это тот самый, Рэйберн!

Брэдли Хэдстон взгляделся в своего ученика не менее внимательно, чем тот вглядывался в молодого джентльмена.

- Простите, мистер Хэдстон, но меня удивило, что ему вдруг здесь понадобилось!

Хотя мальчик сказал это спокойным тоном и как ни в чем не бывало зашагал дальше, учитель не мог не заметить, что он оглянулся через плечо еще раз и что недоуменное

выражение осталось у него на лице, а складка между бровями так и не разгладилась.

- Этот человек, кажется, не очень тебе нравится, Хэксем?

- Совсем не нравится, - ответил мальчик.

- Почему?

- В первую же нашу встречу он позволил себе дерзость - взял меня за подбородок.

- А это почему?

- Да просто так. Или потому - правда, это дела не меняет, - потому, что ему, видите ли, не понравилось, как я отозвался о своей сестре.

- Следовательно, он знает твою сестру?

- Тогда не знал, - ответил мальчик, все еще хмурясь.

- А теперь?

Мальчик так ушел в свои мысли, что вместо ответа только посмотрел рассеянно на мистера Хэдстона, и тому пришлось повторить вопрос. Тогда он кивнул головой и сказал:

- Теперь знает, сэр.

- Вероятно, идет сейчас к ней?

- Не может быть! - быстро проговорил мальчик. - Они слишком мало знакомы. Ну, только попадись мне там, любезный!

Они невольно прибавили шагу и некоторое время шли молча; потом учитель заговорил, сжав мальчику руку повыше локтя:

- Ты хотел что-то рассказать мне об этом человеке. Повтори, как его имя?

- Рэйберн, мистер Юджин Рэйберн. Называет себя ходатаем по делам, только по каким, неизвестно. Первый раз он явился к нам еще при жизни отца. По делу, правда, не по-своему, - своих у него нет, - а за компанию с приятелем.

- А потом?

- Потом он у нас побывал еще один раз. Когда мой отец погиб, этот Рэйберн оказался в числе тех, кто нашел его тело. Наверно, слонялся где-нибудь неподалеку и позволял себе вольности с чужими подбородками. Словом, рано утром он пришел к моей сестре с этим известием и привел с собой на подмогу нашу соседку, мисс Аби Поттерсон. Я прибежал домой только среди дня, потому что меня разыскали, когда сестра немножко пришла в себя и смогла послать за мной. Прибежал и увидел его около дома, а потом он куда-то исчез.

- И это все?

- Это все, сэр.

Продолжая шагать медленно, словно в раздумье, Брэдли Хэдстон разжал пальцы, сжимавшие руку мальчика. Потом, после долгого молчания, заговорил снова:

- Я полагаю... сестра твоя... - странная пауза предвляла и сопровождала последние два слова, - не умеет читать?

- Можно сказать, что нет, сэр.

- Наверно, безропотно покорила отцовскому запрету? Я ведь помню, как было с тобой. Тем не менее... твоя сестра... и по виду и по разговору не похожа на неграмотную.

- Лиззи девушка умная, мистер Хэдстон. Ума у нее, пожалуй, даже слишком много для неученого человека. Я, бывало, когда еще жил дома, называл нашу жаровню ее книгой, потому что, глядя на огонь, Лиззи любила фантазировать, и иной раз слушаешь и удивляешься, так все складно получалось.

- Я этого не одобряю, - сказал Хэдстон.

Мальчик несколько удивился столь неожиданно резкому и горячему заявлению, но счел это доказательством заинтересованности учителя в его личных делах. Ободренный этим, он сказал:

- Я все никак не мог поговорить с вами начистоту, мистер Хэдстон, да и сегодня меня задело, когда вы первый о ней начали. А вдруг и на самом деле, если я оправдаю ваши надежды и выйду в люди, она... не то что опозорит меня - тут ничего позорного нет... Но вдруг о ней узнают?.. Не придется ли мне краснеть за сестру, хотя я от нее ничего кроме добра не видел?

- Да-а, - машинально протянул Брэдли Хэдстон, потому что мысли его были заняты

совсем другим. - Надо подумать вот о чем. Что если найдется человек, пробивший себе дорогу в жизни, - человек, которому понравится... твоя сестра... и который со временем даже захочет жениться на... твоей сестре... Вообрази, как прискорбно и как тяжело ему будет, если, презрев неравенство положения и другие препятствия, он почувствует все же, что неравенство между ними осталось в полной силе.

- Вот и я так думаю, сэр.

- Да, да, - продолжал Брэдди Хэдстон, - но ты брат. А я имею в виду более серьезный и более сложный вопрос, потому что жених, супруг свяжет себя с ней по доброй воле и, кроме того, будет вынужден объявить об этом во всеуслышание, чего брат может избежать. Ведь в конце концов ты не волен в таком родстве, а про супруга скажут: что ж, вольному воля.

- Вы правы, сэр. После смерти отца Лиззи сама себе хозяйка, и я теперь часто думаю, что такая девушка может подготовиться за самое короткое время. А иной раз мне даже приходило в голову... если попросить мисс Пичер...

- Для этих целей я не стал бы рекомендовать мисс Пичер, - не дал ему договорить Брэдди Хэдстон, и в голосе его послышались прежние, весьма решительные нотки.

- Может, вы будете так добры и сами об этом подумаете, мистер Хэдстон?

- Да, Хэксем, да. Я подумаю. Хорошенько подумаю. Непременно подумаю.

С этой минуты они не обмолвились почти ни словом и вскоре подошли к зданию школы. В одном из маленьких окошек мисс Пичер, похожем на игольное ушко, горела свеча, и в уголке около окошка, глядя на улицу, сидела Мэри-Энн, а мисс Пичер прострачивала за столом аккуратно скроенное по выкройке платье, которому предстояло облечь ее формы. Нотабене: ни сама мисс Пичер, ни ученицы мисс Пичер не встречали особого поощрения со стороны властей в столь ненаучном занятии, как рукоделие.

Не отводя глаз от улицы, Мэри-Энн подняла руку.

- Да, Мэри-Энн?

- Мистер Хэдстон вернулся, сударыня.

Через минуту Мэри-Энн снова подняла руку.

- Да, Мэри-Энн?

- Вошел в дом и запер за собой дверь, сударыня.

Мисс Пичер подавила вздох и, складывая работу, так как пора было идти спать, вонзила в ту часть корсажа, которая пришлась бы как раз над ее сердцем, острую-преострую иглу.

ГЛАВА II - Все еще о педагогике

Хозяйка дома, она же кукольная швея и поставщица нарядных перочисток и подушечек для булавок, сидела в своем чудном низеньком кресле, напевая в темноте, до самого возвращения Лиззи. Хозяйка этого дома заслужила столь высокое звание еще в самом нежном возрасте, потому что она была единственным положительным человеком в этом доме.

- Ну-с, Лиззи-Миззи-Виззи, - сказала она, прерывая пение, - какие там новости на воле?

- А какие новости тут, в четырех стенах? - в свою очередь спросила Лиззи, с улыбкой поглаживая густые золотистые волосы кукольной швеи.

- Сейчас посмотрим, как сказал слепец. Ну-с, последние новости таковы, что я не собираюсь замуж за твоего братца.

- Неужели?

- Ни в коем случае! - Головка и подбородок пришли в движение. - Не нравится мне этот мальчишка.

- А учитель?

- Сердце учителя уже занято.

Лиззи аккуратно разобрала длинные локоны на сутулых плечах девочки, потом зажгла свечу. Ее огонек озарил маленькую комнату - бедную, но чистенькую и прибранную. Лиззи поставила подсвечник на каминную полку, чтобы свет не резал глаза кукольной швее, распахнула настежь обе двери - в комнату и на улицу, и подвинула низенькое креслице вместе с девочкой ближе к свежему воздуху. Так уж у них было принято кончать рабочий день в жаркую погоду, а сегодня вечер как раз выдался особенно душный. В довершение всего этого

Лиззи сама села на стул рядом с низеньким креслом и бережно продела себе под локоть украдкой протянувшуюся к ней худенькую руку.

- Вот эти минуты для твоей Дженни Рен лучшие за весь день, - сказала хозяйка дома. На самом деле ее звали Фанни Кливер, но она предпочитала величать себя мисс Дженни Рен.

- Я сегодня все думала за работой, - продолжала Дженни. - Вот было бы славно, если бы ты так и осталась при мне до самого моего замужества или хотя бы до тех пор, пока за мной не начнут ухаживать. Потому что как только за мной кто-нибудь начнет ухаживать, я поручу ему многое из того, что ты теперь делаешь. Правда, он не сумеет причесывать меня так, как ты, или водить по лестнице так, как ты, и вообще, где ему с тобой сравняться! Но пусть этот увалень хоть носит мне работу на дом и принимает заказы. Я не дам ему сидеть сложа руки. Он у меня побегает!

Дженни Рен одолевала суетные мечты - к счастью для нее самой, - и ни о чем другом не фантазировала она с таким жаром, как о всевозможных мучениях и пытках, которые со временем должны были выпасть на ее долю,

- Где бы он сейчас ни обрелся и кто бы он ни был, - продолжала мисс Рен, - мне все его фокусы и повадки заранее известны, и пусть он держит ухо востро, предупреждаю!

- А не слишком ли ты строга к нему? - спросила Лиззи, улыбаясь и поглаживая свою приятельницу по голове.

- Ни чуточки! - ответила мисс Рен тоном женщины, умудренной житейским опытом. - Милочка моя, да эти разбойники в грош тебя не будут ставить, куда их не приструнишь как следует. Да-а... вот было бы славно, если б ты подольше осталась при мне. Ах, это "если"!

- Я не собираюсь расставаться с тобой, Дженни.

- Не зарекайся, не то сию же минуту расстанемся!

- Неужели моему слову совсем нельзя верить?

- Твое слово вернее золота и серебра. - Но, сказав это, мисс Рен вдруг умолкла, прищурила глаза, вздернула подбородок и приняла необычайно многозначительный вид. - Ага!

Вот драгун

Лихой на диво! *

Что он хочет?

Кружку пива.

Пиво молодцу отрада. И больше, милочка, ему ровнехонько ничего не надо.

Какой-то человек остановился на тротуаре у входной двери.

- Если не ошибаюсь, это мистер Юджин Рэйберн? - спросила мисс Рен.

- Как будто так, - последовал ответ.

- Можете войти, если вы человек почтенный.

- Я человек далеко не почтенный, - сказал Юджин, - но тем не менее войду.

Он поздоровался за руку с Дженни Рен, поздоровался за руку с Лиззи и стал рядом с ней, прислонившись к дверному косяку. Мистер Рэйберн, как он сам пояснил, вышел погулять и выкурить сигару на свежем воздухе (сигара давно была выкурена и брошена) и нарочно сделал крюк, чтобы заглянуть сюда по дороге домой. Здесь, кажется, только что был ее брат?

- Да, - ответила Лиззи, явно чем-то встревоженная.

Как мило, что наш братец изволил снизойти до нас, Мистеру Юджину Рэйберну показалось, будто он повстречал этого юного джентльмена на мосту. А кто был с ним?

- Его учитель.

- Ну, разумеется! Это сразу видно.

Лиззи сидела так тихо, что трудно было определить, в чем именно сказывается ее волнение, но в том, что она волнуется, сомневаться не приходилось. Юджин держался с обычной непринужденностью, но теперь, когда девушка потупилась перед ним, стало особенно заметно, что в его взгляде, обращенном на нее, было такое внимание, каким он вряд ли удостоивал подолгу кого-либо другого.

- Новостей у меня нет, Лиззи, - сказал он. - Но поскольку я обещал вам держать под

наблюдением мистера Райдергуда с помощью моего друга Лайтвуда, мне хочется время от времени подтверждать, что я не забыл своего обещания и не даю забыть о нем и Лайтвуду.

- Кто же станет в этом сомневаться, сэр!

- Вообще-то говоря, сомневаться во мне не грех, - хладнокровно признался Юджин.

- А почему? - спросила эта заноза, мисс Рен.

- Потому, моя милочка, - ответил легкомысленный Юджин, - что я личность непутевая и ленивая.

- Тогда почему бы вам не взяться за ум и не стать путевой личностью? - осведомилась мисс Рен.

- Потому, моя милочка, - повторил Юджин, - что не для кого стараться. Ну как, Лиззи, вы думали о моей затее? - добавил он вполголоса, но не из осторожности - присутствие хозяйки дома ему не мешало, - а просто переходя на более серьезный тон.

- Думала, мистер Рэйберн, но согласиться так и не решилась.

- Ложная гордость! - сказал Юджин.

- Нет, мистер Рэйберн, нет. Вы не правы.

- Ложная гордость, - повторил Юджин. - Ничего другого тут быть не может. Ведь речь идет о таких пустяках! Для меня это пустяк, сущий пустяк! Неужели тут есть о чем говорить? Вы знаете, как я к этому отношусь. Захотелось принести кому-то пользу - чего до сих пор мне еще не приходилось делать и вряд ли придется. Захотелось принести пользу тем, что буду платить какой-нибудь опытной особе вашего пола и возраста столько-то презренного металла (на мой взгляд весьма немного) с тем, чтобы эта особа приходила сюда по вечерам в определенные дни недели и давала вам уроки, в которых у вас не было бы необходимости, если бы вы в свое время не лишили себя всего ради брата и отца. Вам стоило таких трудов дать образование брату, значит вы понимаете, как оно нужно. Зачем же тогда отказываться от уроков, если они к тому же пойдут на пользу нашей приятельнице, мисс Дженни! Предложи я сам свои услуги в качестве учителя или пожелай я присутствовать на занятиях - мысль явно несуразная! - но ведь ваш покорный слуга будет все равно что за тридевять земель отсюда. Можете даже считать, что его вовсе нет на свете! Ложная гордость, Лиззи! Потому, что гордость истинная не позволила бы вам стесняться вашего неблагодарного брата и не потерпела бы, чтобы он стеснялся вас. Истинная гордость не допустила бы, чтобы сюда приводили какого-то учителя, точно доктора к тяжелобольному. Истинная гордость приказала бы вам сразу взяться за дело. Вы прекрасно отдаете себе в этом отчет, вы знаете, что истинная гордость усадила бы вас за книжку завтра же, имей вы на это средства, которые гордость ложная не велит вам принять от меня. Ну, что ж, прекрасно! Мне остается добавить только одно: ложная гордость принижает и вас и память вашего покойного отца.

- При чем же тут мой отец, мистер Рэйберн? - спросила Лиззи, бросив на него испуганный взгляд.

- При чем? Надо ли спрашивать! Да при том, что вы усугубляете последствия его невежественного и слепого упорства. При том, что вы не хотите исправить то зло, которое он причинил вам. При том, что по вашей воле лишение, на которое он вас обрек и которое навязал вам силой, всегда будет чернить его память.

Случилось так, что этими словами Юджин тронул струну, сразу же зазвучавшую в сердце той, которая всего лишь час назад делилась такими же мыслями с братом. Струну эту заставила зазвучать еще сильнее и внезапная перемена в Юджине Рэйберне: откуда вдруг взялась в нем серьезность, твердая вера в свои слова, великодушное, бескорыстное участие, обида за то, что его в чем-то подозревают. И девушка сразу почувствовала: то новое, что проявилось в нем, всегда таком легкомысленном и беззаботном, находит совсем иной отклик в ее сердце. "Между нами такая разница, - думала она, - этот человек настолько выше меня, неужели же я отвергла его бескорыстную помощь лишь потому, что мне кажется, будто он меня преследует, неужели я возомнила, будто он нашел что-то привлекательное во мне?" Бедная девушка, чистая душой и помыслами, не могла простить себе этого. Презируя самое себя, она опустила голову, уверенная, что и вправду жестоко обидела его, и молча залилась

слезами.

- Не огорчайтесь, - ласково, очень ласково сказал Юджин. - Неужели это я огорчил вас? Мне только хотелось, чтобы вы увидели все так, как оно есть на самом деле, хотя, признаюсь, мною руководили эгоистические побуждения, и вы заставили меня разочароваться.

Разочароваться потому лишь, что ему не удалось оказать ей услугу! Что же другое могло разочаровать его?

- Сердце мое не разбито, - со смехом продолжал Юджин. - Я не буду горевать и двух дней, и все же я испытал подлинное разочарование. Мне так хотелось оказать пустяковую услугу вам и нашей общей приятельнице мисс Дженни! Новизна такого ощущения - принести кому-то хоть малейшую пользу имела для меня свою прелесть. Но теперь мне ясно, что уладить все это можно было с большим умением. Например, притвориться, будто я стараюсь исключительно ради нашей приятельницы, мисс Дженни, или предстать перед вами в роли такого Юджина Великодушного. Но, видит бог, такие уловки мне не по нутру, и я предпочитаю остаться при своем разочаровании.

Если Юджин разгадал мысли, бродившие в голове Лиззи, это нельзя было сделать с большим искусством. Если же он попал в цель неожиданно для самого себя, вряд ли можно назвать такое совпадение счастливым.

- Все это получилось так естественно, - продолжал Юджин. - Я словно поймал мяч, ненароком брошенный в мою сторону. Случайные обстоятельства вы знаете, какие, Лиззи, - сводят нас дважды. Случайные обстоятельства позволяют мне дать вам слово, что за Райдергудом, который оклеветал вашего отца, будет вестись слежка. Случайные обстоятельства позволяют мне умерить ваше горе в самую тяжелую для вас минуту - умерить тем, что я не верю обвинениям Райдергуда. При тех же обстоятельствах я рекомендую себя вам, как самого ленивого и самого никчемного из адвокатов, но добавляю, что в деле, которое началось у меня на глазах, лучше иметь такого советчика, чем вовсе никого, и что в вашем стремлении оправдать покойного отца вы всегда можете полагаться на мою помощь, а также на помощь Лайтвуда. И вот мало-помалу мною овладевает мысль, а не смогу ли я - и с какой легкостью! помочь вам снять с вашего отца другое обвинение, обвинение вполне справедливое и заслуженное, о котором я упомянул несколько минут назад. Мне очень жаль, что это вас так огорчило; надеюсь, теперь вам все стало ясно и понятно. Я терпеть не могу разглагольствовать о своих намерениях, но они были самые простые и хорошие и мне хочется, чтобы вы это знали.

- Я никогда в этом не сомневалась, мистер Рэйберн, - ответила Лиззи, чувствуя тем большее раскаяние, чем скромнее оказывались притязания Юджина.

- Рад это слышать. Но если бы вы поняли меня правильно с самого начала, вряд ли я получил бы отказ. Не так ли?

- Я... я думаю, что нет, мистер Рэйберн.

- Тогда зачем же отказываться теперь, когда все разъяснилось?

- Мне трудно с вами спорить, - в замешательстве проговорила Лиззи, потому что вы заранее знаете, какие выводы можно сделать из моих слов.

- Примиритесь с этими выводами, - рассмеялся Юджин, - и тогда мое разочарование исчезнет само собой. Лиззи Хэксем! Человек, который относится к вам с глубочайшим уважением, ваш друг и джентльмен, хоть и не весьма блистательный, клянется, что ему все еще не понятно, почему вы колеблетесь!

Откровенность, чистосердечие, бескорыстное великодушие, звучавшие в его голосе и смехе, покорили бедную девушку, и не только покорили, но снова напомнили ей, что до сих пор в голове у нее были совсем другие мысли и, в первую очередь, тщеславные.

- Я больше не колеблюсь, мистер Рэйберн. И, пожалуйста, не осуждайте меня за мои прежние колебания. От своего имени и от имени Дженни... Ты позволишь, дружок?

Маленькая хозяйка дома сидела все это время, откинувшись на спинку кресла, опершись о подлокотники, уткнув подбородок в ладони, и внимательно слушала их разговор. Не меняя позы, она так отчеканила "да!", точно отрезала свой односложный ответ ножом.

- От своего имени и от имени Дженни я с благодарностью принимаю ваше любезное

предложение.

- Ну вот, и дело с концом! - воскликнул Юджин, протянул Лиззи руку, а потом помахал ею, как бы отмахиваясь от дальнейших разговоров на эту тему. - Приходит же людям в голову делать из мухи слона!

Вслед за тем он шутливо обратился к мисс Дженни Рен:

- Знаете, мисс Дженни, я собираюсь завести себе куклу.

- Не советую, - ответила кукольная швея.

- Почему?

- Непременно ее разобьете. За вас, детей, ведь нельзя поручиться.

- Но это в ваших же интересах, мисс Рен, - возразил Юджин. - Так же как в моих интересах, когда гибнут чьи-нибудь поручительства.

- Ну, не знаю, - отрезала мисс Рен. - На мой взгляд, вам лучше завести себе перочистку и стать прилежным мальчиком. Тогда она пойдет у вас в дело.

- Боже упаси! Да если бы мы все были такие прилежные, как вы, маленькая моя хлопотунья, нам пришлось бы приниматься за работу чуть ли не с колыбели, а это очень вредно.

- Вы говорите, вредно? - переспросила девочка, вся вспыхнув. - Вредно для спины и для ног?

- Нет, нет! - Надо отдать ему справедливость, Юджин испугался, как бы кто не подумал, что он подшучивает над ее болезнью. - Для дела вредно, для дела! Если мы все впряжемся в работу с молодых ногтей, тогда кукольным швеям придет конец.

- Пожалуй, правда, - согласилась мисс Рен. - Оказывается, голова у вас не такая уж пустая, кое-какие мысли в ней есть. - Потом совсем другим тоном: - Кстати, о мыслях, Лиззи. - Они опять сидели рядом. - Сама не знаю почему, но летом, когда я корплю здесь за работой день-деньской, и все одна, мне кажется, будто в комнате пахнет цветами.

- Как личность самая что ни на есть прозаическая, - вяло протянул Юджин, которому хозяйка дома уже наскучила, - я скажу, что цветами, вероятно, пахнет на самом деле.

- Ничего подобного, - ответила девочка, опершись одной рукой о подлокотник кресла, уткнувшись подбородком в ладонь и задумчиво глядя прямо перед собой. - В наших местах цветам неоткуда взяться. Тут найдешь что угодно, только не цветы. И все-таки, когда я сижу за работой, мне чудится, будто они растут на целые мили вокруг. Вот запахло розами, ну, словно на полу у меня целые охапки, груды розовых лепестков. А то потянет опавшими листьями, кажется, опустишь руку, - вот так, - и они зашуршат у тебя под пальцами. Потом будто живые изгороди благоухают не то бело-розовым боярышником, не то другими цветами, каких я даже никогда и не видывала. Ведь мне их почти не приходилось видеть.

- Какие у тебя приятные мечты, Дженни! - сказала ее приятельница и бросила взгляд на Юджина, словно спрашивая, не дарованы ли эти мечты в воздаяние девочке за всю ее обездоленность.

- Да, Лиззи, очень приятные! А каких я слышу птичек! - воскликнула Дженни, протянув вперед руку и подняв глаза ввысь. - Как они поют!

В этом жесте и в выражении ее личика было что-то одухотворенное и прекрасное. Потом она снова задумалась, подперев подбородок ладонью.

- Мои птицы поют лучше всех других птиц, и мои цветы самые душистые на свете, потому что, когда я была совсем маленькая, - она сказала это таким тоном, будто вспомнила о чем-то давно минувшем, - дети, которые прилетали ко мне рано по утрам, были совсем не похожи на тех, что видишь на улице. И на меня не похожи. Ничто их не заботило, не было на них тряпья, не тряслись они от холода, не боялись колотушек. Совсем, совсем другие, чем наши соседские ребяташки! Меня никогда не бросало в дрожь от их криков, они никогда не дразнились. А сколько их слеталось ко мне! И все в белых платьях с блестящей каймой, и на голове у них тоже что-то поблескивало. Я пробовала шить такие платья своим куклам, да у меня ничего не получалось. Эти детки спускались ко мне по длинным сверкающим лучам и спрашивали хором: "Кто это тут болеет? Кто тут болеет?" А когда я называла им свое имя, они

говорили: "Пойдем играть с нами!" Я отвечала: "Я никогда не играю. Я не умею играть!" Тогда они окружали меня со всех сторон и поднимали все выше и выше, словно пушинку. И мне становилось так легко на душе и так покойно, а потом они спускались со мною вниз и говорили хором: "Жди нас, жди терпеливо, и мы снова придем!" И я всякий раз, еще задолго до того, как передо мной загорались длинные сверкающие лучи, знала, кто летит ко мне, потому что слышала издали: "Кто это тут болеет? Кто тут болеет?" Я отвечала: "Детки, милые детки! Это я! Пожалейте меня бедную! Поднимите меня, словно пушинку, выше, выше!"

Рука девочки тянулась вверх, восторг преобразил ее личико, и оно стало прекрасным. Застыв на мгновение с поднятой рукой, она улыбнулась, прислушиваясь к чему-то, потом огляделась по сторонам и пришла в себя.

- Какой дурочкой я, наверно, кажусь! Правда, мистер Рэйберн? По лицу вижу, что вам надоело меня слушать. Но сегодня суббота, и я не стану вас задерживать.

- Другими словами, уважаемая мисс Рен, - сказал Юджин, готовый воспользоваться этим намеком, - вы хотите, чтобы я удалился?

- Да ведь сегодня суббота, - повторила она, - и мой ребенок скоро вернется домой. Он у меня нехороший, непослушный и его то и дело приходится бранить. Мне не хочется, чтобы вы с ним тут столкнулись.

- Это кукла? - Юджин перевел удивленный взгляд с хозяйки дома на Лиззи, в надежде, что ему объяснят, в чем тут дело.

Но так как Лиззи беззвучно, одними губами произнесла "ее отец", он не стал больше задерживаться и немедленно откланялся. На углу он остановился закурить сигару и, может статься, спросил самого себя, каковы же, собственно, его намерения? Если так, то ответ на это последовал весьма неопределенный и маловразумительный. Да разве может определить свои намерения человек, которому безразлично, что он вообще делает.

Лишь только Юджин завернул за угол, какой-то встречный, толкнув его, пьяным голосом пробормотал извинение. Юджин посмотрел незнакомцу вслед и увидел, что тот вошел в дверь, из которой он сам вышел минутой назад.

Пьяный переступил порог комнаты, и Лиззи тут же поднялась со стула.

- Не уходите, мисс Хэксем, - смиренно проговорил он, еле ворочая языком. - Не избегайте горемыки, потерявшего последнее здоровье. Удостоите несчастного больного своим обществом. Я... я... не заразный.

Лиззи сослалась на то, что ее ждут кое-какие дела, и пошла к себе наверх.

- Ну, как моя Дженни? - робко залепетал пьяный. - Как моя Дженни Рен, золото, а не дочка, бальзам для разбитого сердца.

На что хозяйка дома ответила с неумолимой суровостью, повелительно протянув руку:

- Не подходи ко мне! Ступай в свой угол! В угол, немедленно!

Жалкое существо попыталось было для виду воспротивиться этому, но, не смея перечить хозяйке дома, почло за благо отойти в угол и сесть на стул, на котором ему полагалось сидеть, когда он впадал в немилость.

- У-у! - воскликнула хозяйка дома, тыча в ту сторону пальцем. - У-у, дрянной старый мальчишка! У-у! сорванец, негодник! В-вот я ему задам!

Расслабленный, трясущийся всем телом пьянчуга бессильным движением протянул к ней руки, ища прощения и мира. Слезы стояли у него в глазах, капали на испещренные красными жилками щеки. Синеватая нижняя губа дрожала от всхлипываний. Эта жалкая, убогая развалина - вся, начиная со сбитых башмаков и кончая преждевременно поседевшими жидкими волосами, - являла собой зрелище полного унижения. Но причиной и поводом для таких пресмыкательств была не страшная по своему смыслу (если только тут имелся какой-то смысл) перемена ролей между отцом и ребенком, - нет! пьянчуге хотелось лишь одного - избежать проборки.

- Я знаю все твои фокусы и повадки! - воскликнула мисс Рен. - Я знаю, где ты пропадал! (На что не требовалось особенной пронизательности.) Ах ты старикашка бессовестный!

Все в этом человеке было омерзительно, даже то, как он дышал, натужно, хрипло, словно

часы с испорченным заводом.

- Корпишь тут, корпишь за работой с утра до ночи, - продолжала хозяйка дома, - и ради чего? В-вот я ему задам!

В слове "в-вот", произносимом каждый раз с особой выразительностью, было что-то такое, что приводило пьянчугу в трепет. Лишь только хозяйка дома добиралась до этого словечка или уже была готова произнести его, он терялся окончательно.

- Хоть бы тебя в каталажку посадили и заперли там на замок! говорила хозяйка дома. - Хоть бы тебя упрятали в темный подвал, в нору какую-нибудь с крысами, пауками и тараканами! Я-то знаю все их фокусы и повадки, вот бы они тебя там пощекотали! И не стыдно тебе?

- Стыдно, душенька, - промямлил отец.

- Ах, так! - вскричала хозяйка дома, наводя на него ужас силой своего гнева и голоса и неминуемым "в-вот я ему задам!"

- Обстоятельства... от меня не зависящие... - Это было все, что мог сказать в свое оправдание несчастный пьянчуга.

- Только поговори у меня! - еще сердитее перебила его хозяйка дома. Я тебе такие устрою обстоятельства, от меня зависящие, что ты навек их запомнишь! Отправлю в полицию, там тебя оштрафуют на пять шиллингов, а платить тебе нечем, и я не заплачу, и упекут тебя на каторгу на всю жизнь. Хорошо тебе будет на каторге?

- Нет, плохо... Я больной... Недолго буду обременять! - возопил несчастный.

- Ну, довольно, довольно! - Хозяйка дома деловито постучала пальцами по столу, тряхнула головой и вздернула подбородок. - Ты сам знаешь, что от тебя требуется. Выкладывай деньги на стол, немедленно!

Пьянчуга начал покорно шарить по карманам.

- Наверно, все свое жалованье растратил, - продолжала хозяйка дома. - Клади сюда. Все, что осталось. До последнего фартинга.

С каким старанием начал пьянчуга собирать деньги по своим обтрепанным карманам! Вот, наверно, здесь... нет, пусто. В этом вряд ли, и лазить не стоит. Наконец все обследовано, а кармана с деньгами так и не нашлось.

- И это все? - спросила хозяйка дома, когда на столе накопилась небольшая горка шиллингов и пенсов.

- Все, - последовал унылый ответ, сопровождаемый столь же унылым покачиванием головы.

- Сейчас проверим. Ну, ты же знаешь, что от тебя требуется. Выворачивай все карманы наизнанку, пусть так и болтаются! - распорядилась хозяйка дома.

Он повиновался. И если что-нибудь могло придать ему еще более жалкий и нелепый вид, то именно эта унижительная процедура.

- Да тут всего-навсего семь шиллингов и восемь с половиной пенсов! воскликнула мисс Рен, сложив монеты стопкой. - Ах ты старый блудный сын! Ну погоди, теперь ты у меня посидишь впроголодь!

- Не надо впроголодь! - захныкал он.

- Если б тебя наказать как следует, - ответила ему на это мисс Рен, ты бы у меня ничего, кроме вертелов, на которых продают мясо для кошек, и не увидел. Мясо кошкам, а тебе после них одни палочки. Ну ладно, ложись спать.

Пьянчуга выбрался из своего угла и снова заканючил, протянув к дочери руки:

- Обстоятельства... От меня не зависящие.

- Спать ложись, сию же минуту спать! - перебила его мисс Рен. - Не смей со мной разговаривать! Я тебя еще не простила. Ложись спать!

Чувствуя приближение очередного "в-вот", пьянчуга решил повиноваться. Хозяйка дома проводила его взглядом до лестницы и долго сидела и слушала, как он тяжело поднимался по ступенькам, потом закрыл за собой дверь и рухнул на кровать. Через несколько минут в комнату спустилась Лиззи.

- Ужинать будем, Дженни?

- И в самом деле! - ответила мисс Дженни, передергивая плечиками. Надо же как-то поддержать силы.

Лиззи накрыла скатертью низенькую скамейку, заменявшую хозяйке дома рабочий стол, подала обычный их скромный ужин и села на табуретку.

- Ну, ешь, Дженни. О чем ты задумалась, дорогая?

- Я думаю о том, - проговорила девочка, отрываясь от своих размышлений, - что я буду делать с ним, если он окажется пьяницей.

- Не будет он пьяницей, - сказала Лиззи. - Ты заранее в этом удостоверись.

- Удостовериться-то удостоверюсь, но он может обмануть меня. Ох, милая, ведь я знаю этих молодцов, все их фокусы и повадки знаю. Они ужасные обманщики! - Маленький кулачок взлетел в воздух. -- А если он меня все-таки обманет, сказать тебе, что я с ним сделаю? Дождусь, когда он заснет, раскалю докрасна ложку на огне, вскипачу в кастрюльке рому или еще чего-нибудь спиртного, чтобы ключом кипело, потом одной рукой открою ему рот, - хотя он и спать-то, наверно, будет с открытым ртом! - а другой волью туда полную ложку, так, чтобы горло ошпарило и чтобы из него дух вон!

- Вот ужас! Я уверена, что ты ничего такого не сделаешь, - сказала Лиззи.

- Но сделаю? Может, и не сделаю. А как хочется!

- И это неправда.

- Думаешь, не хочется? Ну, может быть. Ты ведь умница, всегда все знаешь. Только тебе не приходилось жить так, как мне, и спина у тебя не болит, и ноги тебя слушаются.

За ужином Лиззи старалась вызвать в девочке прежнее, куда более приятное и светлое настроение, но чары были нарушены. Хозяйка дома стала хозяйкой дома, омраченного позором и тяжкими заботами, - дома, в верхнем этаже которого спало жалкое существо, позорящее даже невинный сон своим глубоким падением и изменностью своих страстей. Кукольная швея превратилась в особу на редкость сварливого характера - из мирских мирскую, из суетных суетную.

Бедная кукольная швея! Сколько раз те руки, которым следовало бы служить ей опорой, толкали ее все ниже и ниже; сколько раз плутала она на пути к добру и тщетно ждала помощи! Бедная, бедная кукольная швея!

ГЛАВА III - Меры приняты

В одно прекрасное утро Британия, сидя в задумчивой позе (быть может, так, как ее изображают на медных монетах), вдруг приходит к выводу, что без Вениринга в парламенте ей не обойтись. Вениринг, размышляет она, отличный "представитель" - в чем по нынешним временам не должно сомневаться, следовательно, верная ее величеству палата общин будет без него как без рук. И вот Британия намекает одному известному ей джентльмену-законнику, что если Вениринг "выложит" пять тысяч фунтов, ему позволят ставить после своей фамилии буквы "Ч. П." * по самой сходной цене, а именно по две с половиной тысячи за букву. Британия и законник твердо знают: эти пять тысяч фунтов никому не достанутся, они исчезнут сами собой, как только их выложат, - исчезнут совершенно чудесным и колдовским образом.

Законник, пользующийся доверием Британии, прямо от этой дамы направляется к Венирингу; Вениринг почитает себя польщенным сверх меры, но требует отсрочки, чтобы выяснить, удастся ли ему "объединить вокруг себя друзей". В такую знаменательную в его жизни минуту, говорит он, ему прежде всего надлежит выяснить, "объединятся ли вокруг него друзья". Блюдя интересы своей клиентки, законник не может предоставить Венирингу много времени на выяснения, ибо Британия склонна обратиться к другому лицу, которое, как ей достоверно известно, готово выложить все шесть тысяч фунтов; однако на четыре часа Вениринга все же отпускают.

И вот Вениринг говорит миссис Вениринг: "Надо принять меры", - и в мгновение ока уже сидит в кэбе. Ни минуты не медля, миссис Вениринг сует малютку няне, хватается своими орлиными пальцами за голову, стараясь остановить происходящее там бурление мыслей, приказывает подать карету и с видом безумным и фанатическим - не то Офелия, не то любая,

какая вам угодно, античная матрона, собирающаяся возложить себя на жертвенник, повторяет вслед за супругом: "Надо принять меры".

Тем временем Вениринг, приказавший своему кучеру, словно гвардии под Ватерлоо, крушить публику на улицах, во весь опор мчится на Дьюк-стрит в Сент-Джеймс-сквере. Там он застаёт Твемлоу, который только что высвободился из рук таинственного художника, производившего какие-то манипуляции с его волосами при помощи яичного желтка. Так как после этой процедуры Твемлоу полагается в течение двух часов сидеть со вставшими дыбом волосами, подвергая их медленной сушке, вид его как нельзя более соответствует получению разительных известий, ибо он похож одновременно и на Монумент с Фиш-стрит-Хилл и на Приама * в хорошо известных нам из классиков обстоятельствах, имеющих непосредственное отношение к пожару.

- Дорогой Твемлоу! - говорит Вениринг, хватая его за обе руки. Скажите мне, как самый мой близкий и давний друг...

"Значит, конец сомнениям, - думает Твемлоу. Я - первый!"

- ...не согласится ли ваш кузен, лорд Снигсворт, стать номинальным членом моего комитета? У меня не хватает смелости просить лорда Снигсворта войти в комитет, я мечтаю только о его имени. Как по-вашему, он даст свое имя?

Твемлоу, сразу пав духом, отвечает:

- По-моему, нет.

- В политических убеждениях, - говорит Вениринг, до сих пор и не подозревавший, что у него имеются убеждения, - я ни в чем не расхожусь с лордом Снигсвортом, и, может быть, лорд Снигсворт не откажется дать свое имя для комитета на благо общества и, так сказать, из чувства долга перед обществом.

- Я вас понимаю, но... - Твемлоу растерянно чешет в затылке (он позабыл о желтке) и приходит в полное расстройство, убедившись, какие липкие у него волосы.

- Между старыми закадычными друзьями, - продолжает Вениринг, - в таком деле не должно быть недомолвок. Обещайте мне! Если я попрошу вас сделать для меня что-нибудь, что будет вам неприятно или хотя бы в малейшей степени обременительно, вы так прямо без всяких обиняков и скажете.

Твемлоу охотно соглашается выполнить его просьбу, и по всему видно, что он сдержит слово.

- Вас не затруднит написать письмо в Снигсворти-парк и попросить лорда Снигсворта оказать мне эту любезность? Разумеется, если он даст нам свое согласие, я буду знать, что обязан этим исключительно вам. Но вы, со своей стороны, постарайтесь внушить лорду Снигсворту, что от него ждут выполнения его общественного долга. Не возражаете?

И Твемлоу говорит, поднеся ко лбу руку:

- Вы просили ответить без всяких обиняков?

- Да, да, мой дорогой Твемлоу.

- И рассчитываете, что я так и отвечу?

- Разумеется, мой дорогой Твемлоу.

- Тогда, принимая во внимание все в целом - заметьте, все в целом, осторожно начинает Твемлоу, как бы подчеркивая, что если б он принимал во внимание только частности, то просьба Вениринга была бы исполнена немедленно. - ...Принимая во внимание все в целом, я попрошу вас уволить меня от каких-либо сношений с лордом Снигсвортом.

- Боже правый! Ну разумеется! - восклицает Вениринг, до крайности разочарованный, но тем не менее с еще большим жаром пожимает Твемлоу обе руки.

Нет ничего удивительного в том, что бедняга Твемлоу не хочет навязываться с письмами своему знатному кузену (характер которого сильно испортился от подагры), ибо знатный кузен, выплачивающий ему ежегодно небольшую пенсию на прожитие, возмещает свои расходы чрезвычайной строгостью, заставляя родственника подчиняться чуть ли не военному уставу во время его визитов в Снигсворти-парк, а именно: вешать шляпу только на один определенный колышек, сидеть только на одном определенном стуле, беседовать только на

какую-нибудь одну определенную тему с определенными людьми и выполнять определенные обязанности, как-то: расточать хвалы размалеванным фамильным вывескам (не называть же их портретами!) и воздерживаться от употребления тончайших вин из фамильного погреба до тех пор, пока ему не предложат их самым настоятельным тоном.

- Но кое-что я все же смогу для вас сделать, - говорит Твемлоу. - Я приму меры.

Вениринг осыпает его благодарностями.

- Я поеду в клуб, - продолжает Твемлоу, воодушевляясь. - Сейчас посмотрим... Который час?

- Без двадцати одиннадцать.

- Я буду в клубе, - говорит Твемлоу, - без десяти двенадцать и просижу там весь день.

Вениринг чувствует, что друзья объединяются вокруг него, и восклицает:

- Благодарю вас, сердечно благодарю! Я знал, на кого можно положиться. Я сказал Анастасии перед тем, как ехать к вам - по такому важному для меня делу прежде всего, разумеется, к вам, мой дорогой друг! я сказал Анастасии: "Надо принять меры".

- Правильно, совершенно правильно! - отвечает Твемлоу. - И как она уже начала?

- Начала, - говорит Вениринг.

- Великолепно! - восторгается наш учтивый, скромный джентльмен. - В таких случаях женский такт неоценим. Если прекрасный пол на нашей стороне, это решает все.

- Но мне важно знать ваше мнение, - вдруг спохватывается Вениринг. Как вы относитесь к тому, что я выставляю свою кандидатуру в палату общин?

- По моему мнению, - с чувством произносит Твемлоу, - это лучший клуб в Лондоне.

Вениринг снова благодарит его, бежит сломя голову вниз по лестнице и, вскочив в кэб, приказывает кучеру брать Сити приступом, не щадя британских граждан.

Тем временем Твемлоу, воодушевляясь все больше и больше, усиленно приглаживает волосы - хотя все его усилия почти ни к чему не приводят, потому что после применения такого клейкого вещества, как яичный желток, они сильно взъерошены, а на ощупь будто покрыты глазурью, - и в назначенное время прибывает в клуб. Там он сейчас же запасается местечком у большого окна, пером, чернильницей, газетами и замирает в полной неподвижности, позволяя Пэлл-Мэллу * почтительно взирать на себя. Когда кто-нибудь из знакомых, входя в комнату, приветствует его кивком, он спрашивает: "Вы знаете Вениринга?" Знакомый говорит: "Нет. Член клуба?" Твемлоу отвечает: "Да. Проходит от Покет-Бричеза". Знакомый говорит: "А-а! Что ж, надеюсь, он не зря потратит деньги!" - зеваает и не спеша идет к двери. Часам к шести вечера Твемлоу убеждается, как много он потрудился, "принимая меры", и сожалеет, что в свое время не избрал карьеры парламентского агента.

От Твемлоу Вениринг скачет в контору Подснепа и застает его там. Стоя у камина, Подснеп держит в руках газету, пробудившую в нем ораторский пыл по поводу сделанного им минуту назад поразительного открытия, что Италия это не Англия. С приличествующими случаю извинениями Вениринг прерывает поток его красноречия и сообщает ему, куда ветер дует. Уверяет Подснепа, что их политические убеждения одинаковы. Дает Подснепу понять, что его, Вениринга, политические убеждения складывались, когда он поучался, внимая ему, Подснепу. Жаждет знать, "объединится ли вокруг него" Подснеп. И Подснеп говорит довольно сурово:

- Прежде всего выясним, Вениринг, чего вы от меня ждете - совета?

- Такой старый, близкий друг... - лепечет Вениринг.

- Да, да, все это прекрасно, - перебивает его Подспеп, - но вы уже решили принять условия, на которых вас берет Покет-Бричез, или вас интересует, что я посоветую - принимать или отказываться?

Вениринг повторяет, что всеми силами души и всем сердцем своим он жаждет, чтобы Подснеп объединился вокруг него.

- Я буду откровенен с вами, Вениринг, - говорит Подснеп, насупив брови. - Надеюсь, вы понимаете, что раз меня нет в парламенте, значит мне это совершенно не нужно.

Ну, разумеется, Вениринг все понимает! Разумеется, Вениринг уверен, что Подснепу

стоит только захотеть, и он займет там место как раз в такой срок, который люди легкомысленные и пустые называют мгновением ока!

- Не считаю нужным, - говорит совершенно умиротворенный Подснеп. Кроме того, для человека с моим весом в этом не было бы ни малейшего смысла. Но я не намерен навязывать свои правила людям, занимающим иное положение в обществе. Вы считаете, что вам стоит пройти в парламент и что ваше положение это улучшит. Так, что ли?

Так, вынужден подтвердить Вениринг, думая лишь об одном, как бы объединить вокруг себя Подснепа.

- Следовательно, вы не нуждаетесь в моем совете, - говорит Подснеп. Прекрасно! Я ничего не стану вам советовать. Однако вы обращаетесь ко мне за помощью. Прекрасно! Я приму соответствующие меры.

Вениринг немедленно осыпает Подснепа благодарностями и сообщает ему, что меры принимает и Твемлоу. Подснепу это не совсем приятно - как его смели опередить! Какая вольность по отношению к нему! - но в конце концов он примиряется с Твемлоу, ведь эта старая баба имеет хорошие связи и музыки не испортит.

- Особенно важных дел у меня сегодня нет, - добавляет Подснеп, - и я повидаясь кое с кем из влиятельных людей. Мы званы на обед, но я пошлю миссис Подснеп одну, а сам как-нибудь отговорюсь и приеду обедать к вам в восемь часов. Надо извещать друг друга о ходе событий и обмениваться впечатлениями. Так... сейчас подумаем... Для разездов по городу вам следовало бы подыскать одного-двух джентльменов порасторопнее и с хорошими манерами.

После короткого раздумья Вениринг останавливает свой выбор на Бутсе и Бруэре.

- Которых я встречал у вас? - спрашивает Подснеп. - Что ж, подойдут. Наймите каждому кэб, и пусть разезжают по городу.

Вениринг не упускает случая отметить, какое это счастье иметь друга, способного подавать столь полезные в административном отношении советы, и прямо-таки ликует при мысли о предстоящих разездах Бутса и Бруэра, что, по его мнению, вполне в духе избирательной кампании и страшно похоже на настоящую деятельность. Легким галопцем выскочив от Подснепа, он обрушивается на Бутса и Бруэра, которые с восторгом объединяются вокруг него, то есть немедленно садятся в кэбы и исчезают в противоположных направлениях. Вслед за тем Вениринг отправляется к джентльмену-законнику доверенному лицу Британии, улаживает с ним кое-какие щекотливые вопросы и составляет послание к независимым избирателям Покет-Бричеза, объявляя им, что он прибудет туда за их голосами, словно моряк, который возвращается в места, где протекало его детство. Фраза звучит несколько не хуже от того, что Вениринг никогда в жизни не бывал в Покет-Бричезе и даже теперь не совсем ясно представляет себе, где находится этот Покет-Бричез.

В эти полные событий часы миссис Вениринг тоже не сидит сложа руки. Как только ее карета подкатывает к подъезду, она выкатывает на подъезд и дает команду: "К леди Типпинз". Эта прелестница живет на окраине фешенебельной Белгравии *, в доме, где внизу корсетная мастерская, за окном которой видна изящная, в голубой нижней юбке, красавица в натуральную величину, затягивающая на себе корсетные шнурки и с невинным удивлением взирающая через плечо на город. Что вполне понятно, когда одеваешься при таких обстоятельствах.

Леди Типпинз принимает? Леди Типпинз принимает, сидя в затемненной комнате и весьма предусмотрительно повернувшись спиной к свету (подобно красавице в окне нижнего этажа, хотя и совсем по другим причинам). Леди Типпинз так удивлена ранним визитом дорогой миссис Вениринг - ни свет ни заря, как выражается это очаровательное создание, - что веки у нее даже приподнимаются от волнения.

Миссис Вениринг сбивчиво рассказывает ей, что Венирингу предложили Покет-Бричез, что сейчас настало время объединиться, что Вениринг сказал: "Надо принять меры", что она приехала сюда, как мать и жена, умолять леди Типпинз принять меры, что их карета в полном распоряжении леди Типпинз, что она, владелица новехонького, элегантного экипажа, вернется

домой пешком и, если понадобится, сотрет ноги в кровь, и тоже будет принимать меры (какие именно, не уточняется) до тех пор, пока не падет замертво у колыбели малютки.

- Душенька, - говорит леди Типпинз, - успокойтесь! Мы проведем его в парламент. - И леди Типпинз принимает меры: носится по городу весь день, не давая отдыха ни себе, ни лошадям Венирингов, заезжает ко всем знакомым, весьма удачно демонстрирует свое умение вести светскую беседу и свой зеленый веер и трещит без умолку: - Душенька моя, как вы думаете, кто я такая? Никогда не догадаетесь! Перед вами агент по избирательным делам! И можете себе представить, за какой город я ратую? Нет, вы только подумайте за Покет-Бричез! А почему? Потому, что мой самый, самый близкий друг купил его. А кто мой самый, самый близкий друг во всем мире? Некто по фамилии Вениринг. А его жена мой второй самый близкий друг во всем мире. Боже правый! Я совсем забыла их малютку! Она тоже мой друг. Мы затеяли этот маленький фарс, чтобы все было как у людей, и я просто наслаждаюсь. Но забавнее всего то, мое сокровище, что этих Венирингов никто не знает, и они сами никого не знают. Но дом у них будто из восточной сказки, а обеды как из "Тысячи и одной ночи!" Вам, милочка, не любопытно на них посмотреть? Ах, доставьте мне удовольствие, познакомьтесь с ними! Приезжайте к ним обедать. Они вам не наскучат, только скажите, кого позвать. Мы пригласим своих гостей, а уж я постараюсь, чтобы хозяева к вам и близко не подходили. Вы просто должны посмотреть их серебряных и золотых верблюдов. Я называю обеденный стол моих Венирингов караваном. Умоляю вас, приезжайте обедать к Венирингам, к моим Венирингам! Это моя собственность, мои самые, самые близкие друзья во всем мире! А главное, душенька, обещайте мне голосовать за него и употребите все свое влияние, чтобы другие тоже голосовали. Мы не вложим в это предприятие и шести пенсов! Нет, нет, голубушка! Мы согласны пройти в парламент только после единодушного ура-ура-ура этих... как их там... неподкупных избирателей. Кажется, это так называется?

Обворожительная Типпинз убедила себя, будто бы объединение вокруг Вениринга и "принятие мер" задумано исключительно ради того, чтобы все было как у людей, и, вероятно, в этом есть доля истины, но только незначительная доля. Прелестная Типпинз не подозревает, что расходами на кэбы и разездами в них по городу кое-кто достигает или предполагает достичь - это, в сущности, одно и то же - гораздо более серьезной цели. Сколько дутых, сомнительных репутаций создано вот такими разездами в кэбах по городу! Это особенно относится ко всем парламентским делам. Нужно ли ввести человека в парламент, или вывести из парламента, или вовсе обвести вокруг пальца, или же поддержать проект железной дороги, или провалить проект железной дороги, или добиться еще чего-нибудь в том же роде - самым верным средством считается скакать сломя голову взад и вперед; точнее говоря, нанимать кэбы и разезжать в них по городу.

Это соображение, видимо, принято ко всеобщему руководству, так как Подснеп своим усердием побивает Твемлоу, хотя тому тоже кажется, будто он горы ворочает на благо Вениринга, а Подснепа в свою очередь побивают Бутс и Бруэр. В восемь часов все эти труженики съезжаются к обеду у Венирингов, но кэбы, нанятые для Бутса и Бруэра, разумеется, остаются ждать их, а с ближайшего постоянного двора носят ведрами воду и тут же у подъезда поливают лошадям ноги, чтобы Бутс и Бруэр могли незамедлительно сесть каждый в свой кэб и умчаться кто куда. Эти проворные гонцы приказывают Химику положить их шляпы где-нибудь на самом видном месте, чтобы потом не пришлось долго разыскивать, и обедают (правда, с завидным аппетитом) точно пожарные, отлучившиеся от своей машины только на минуту, в ожидании известий о вспыхнувшем где-то большом пожаре.

Когда все садятся за стол, миссис Вениринг замечает томным голосом, что еще несколько таких дней, и она не выдержит.

- Еще несколько таких дней, и никто из нас не выдержит, - говорит Подснеп. - Но в парламент мы его все-таки проведем.

- Мы проведем его в парламент, - говорит леди Типпинз, игриво помахивая зеленым веером. - Да здравствует Вениринг!

- Мы проведем его в парламент! - говорит Твемлоу.

- Мы проведем его в парламент! - говорят Бутс и Бруэр.

По совести говоря, трудно было бы выискать причину, которая помешала бы им провести Вениринга в парламент, так как Покет-Бричез уже успел обделаться дельце и оппозиции его кандидату не предвидится. Однако все единодушно решают "принимать меры" до последней минуты, ибо, если меры не будут приняты, произойдет нечто... словом, нечто произойдет. С не меньшим единодушием все решают, что "принятие мер" в недалеком прошлом совершенно их измучило и им совершенно необходимо поддержать силы для "принятия мер" в ближайшем будущем, - следовательно, сейчас требуется особое подкрепление из винного погреба Вениринга. И вот Химик получает приказ подать к столу самые сливки из своих запасов, после чего всей честной компании становится не так-то легко выговорить слово "объединиться". Леди Типпинз, например, задорно настаивает на том, чтобы "облепиться" вокруг дорогого Вениринга, Подснеп желает "обедняться" вокруг дорогого Вениринга, Бутс и Бруэр заявляют о своем намерении "облениться" вокруг него, а сам Вениринг с большим чувством рассыпается в благодарностях своим преданным друзьям за то, что они согласились "обобдедениться" вокруг него.

В эти минуты всеобщего подъема Бруэр затмевает своей находчивостью всех и вся. Он сверяется с часами и говорит (подобно Гаю Фоксу), что наведается в палату общин и посмотрит, как там обстоят дела.

- Поверчусь в кулуарах часок-другой, - добавляет Бруэр с чрезвычайно таинственным выражением лица, - и если там все благополучно, тогда я сюда не вернусь, а прикажу подать мне кэб завтра к девяти утра.

- Лучше и не придумаешь! - восклицает Подснеп.

Вениринг признается в своей полной неспособности когда-либо отблагодарить Бруэра за такую услугу. Слезы затуманивают нежный взор миссис Вениринг. Бутс явно завидует, теряет почву под ногами и уже котируется как нечто второсортное. Все толпятся у дверей, провожая Бруэра. Бруэр спрашивает кэбмена: "Лошадь свежая, успела отдохнуть?" - и оглядывает ее критическим оком. Кэбмен отвечает: "Свеженькая, как огурчик". Бруэр говорит: "Гони во всю мочь в палату общин". Кэбмен вскакивает на козлы, Бруэр - на сиденье, вслед ему несутся приветственные клики, а мистер Подснеп говорит:

- Вот что значит находчивость! Попомните мое слово, сэр, этот человек пробьет себе дорогу в жизни!

Когда для Вениринга наступает пора промямлить жителям Покет-Бричеза приличествующую случаю гладенькую речь, в это глухое местечко его сопровождают только Подснеп и Твемлоу. Джентльмен-законник ждет их на станции железнодорожной ветки "Покет-Бричез" с коляской, к дверце которой, точно к стене, приклеена афишка "Да здравствует Вениринг!", и, сопровождаемые усмешками граждан Покет-Бричеза, они величественно следуют по улицам к хилой маленькой ратуше на костылях, приютившей под своими стенами несколько луковиц и шнурков для ботинок, что, по словам законника, являет собой рынок. И, стоя у окна этого здания, Вениринг обращается с речью к притихшему миру. Как только он снимает шляпу, Подснеп, по договоренности с миссис Вениринг, шлет этой преданной жене и матери депешу: "Начал".

Вениринг то и дело забредает в тупики, которыми обычно изобилуют ораторские выступления, а Подснеп и Твемлоу кричат: "Слушайте! Слушайте!" Когда же у него совсем заедает и он никак не может дать задний ход из очередного тупика, они с шуточной укоризной тянут нараспев: "Слу-шайте! Слу-шайте!", словно не сомневаясь в неподдельности всей этой процедуры и получая от нес особенное удовольствие. Но Вениринг все же ухитряется вставить в свою речь два чрезвычайно удачных пункта - настолько удачных, что есть все основания подозревать, не подсказал ли их ему законник, пользующийся доверием Британии, пока они с Венирингом переговаривались на лестнице.

Пункт первый таков: Вениринг проводит оригинальное сравнение между страной и судном, упорно именуя судно государственным кораблем, а премьер-министра - кормчим. Венирингу во что бы то ни стало хочется уведомить Покет-Бричез, что его друг справа от него

(Подснеп), человек богатый. Поэтому он говорит:

- Джентльмены! Если шпангоуты государственного корабля тронула гниль, а кормчий его неискусен, разве великие морские страховщики, которые занимают столь видное место среди наших известных всему миру королей коммерции, - разве они согласятся застраховать такое судно? Разве кто-нибудь согласится выдать под него ссуду? Пойти на риск и довериться ему? Помилуйте, джентльмены! Да если б я обратился с подобным предложением к моему почтенному другу справа от меня, который является одним из самых великих и самых уважаемых членов этой великой и всеми уважаемой корпорации, он ответил бы мне: "Безусловно, нет!"

Пункт второй таков: красноречивый факт, что Твемлоу состоит в родстве с лордом Снигсвортом, следует предать гласности. Вениринг рисует положение общественных дел, по всей вероятности, невысказанное ни при каких обстоятельствах (впрочем, ручаться за это нельзя, ибо нарисованная им картина не ясна ни ему самому, ни кому-либо другому), и продолжает следующим образом:

- Помилуйте, джентльмены! Да если бы я представил такую программу любому классу общества, ее осмеяли бы, на нее с презрением показывали бы пальцем! Если бы я представил такую программу какому-нибудь почтенному и разумному коммерсанту вашего города - нет! разрешите мне сказать - нашего города, как бы он ответил мне? Он ответил бы: "Долой!" Вот как бы он мне ответил, джентльмены! Преисполненный благородного негодования, он ответил бы мне: "Долой!" Но, предположим, я поднялся бы несколько выше по общественной лестнице. Предположим, я взял бы под руку моего уважаемого друга слева от меня и, пройдя с ним по родовым лесам его семьи и под развесистыми буками Снигсворти-парка, приблизился к величественному замку, пересек двор, распахнул двери, взбежал по ступенькам и, минуя одну комнату за другой, очутился бы, наконец, перед лицом знатного родственника моего друга - перед лицом лорда Снигсворта. И, предположим, я сказал бы этому вельможе: "Милорд! Введенный в ваш дом вашим близким родственником, моим другом слева от меня, я осмелюсь предложить вашей светлости эту программу. Каков был бы ответ его светлости? Да он ответил бы мне: "Долой!" Вот что он ответил бы, джентльмены! "Долой!" Повторив, несмотря на свои высокий сан, точное выражение достойного и разумного коммерсанта нашего города, близкий и дражайший родственник моего друга слева от меня, ответил бы мне в гнев: "Долой!"

Этим блистательным ходом Вениринг завершает свою речь, и мистер Подснеп шлет миссис Вениринг депешу: "Кончил".

Вслед за тем в гостинице Покет-Бричеца дают обед, на котором присутствует и джентльмен-законник, после чего в должной последовательности происходит выдвижение кандидата и объявление о его избрании. И, наконец, Подснеп извещает миссис Вениринг депешей: "Провели".

По приезде домой, в особняке Венирингов их ждет еще один роскошный обед, их ждет также леди Типпинз, их ждут Бутс и Бруэр. Каждый скромно приписывает заслугу избрания Вениринга в парламент только себе, но, в общем, все признают, что Бруэр превзошел самого себя, когда предложил навестить в палату общин в тот вечер и посмотреть, как там обстоят дела.

В конце обеда гости выслушивают от миссис Вениринг весьма трогательную историю. Миссис Вениринг вообще отличается слезливостью, а после недавних тревожных глаз у нее и вовсе на мокром месте. Перед тем как удалиться из-за стола под руку с леди Типпинз, она говорит растроганным и совершенно дрожащим голосом:

- Вы, наверно, сочтете меня глупенькой, но я просто не могу умолчать об этом. Когда я сидела вечером накануне выборов у колыбели нашей малютки, она спала очень беспокойно.

Химика, мрачно взвизгивающего на общество, так и подмывает сказать "ветры" и потерять из-за этого место, но он вовремя спохватывается.

- У малютки начались чуть ли не судороги во сне, а потом она сжала свои крохотные лапки и улыбнулась.

Тут миссис Вениринг умолкает, и мистер Подснеп считает своим долгом осведомиться:

- С чего бы это?

- И тогда я спросила самое себя, - продолжает миссис Вениринг, ища глазами носовой платок, - неужели добрые феи сказали нашей малютке, что ее папа скоро будет Ч. П.?

Чувства обуревают миссис Вениринг с такой силой, что гости встают со своих мест, расчищая путь Венирингу, который бежит вокруг стола на помощь супруге и, предварительно пояснив, что труды последних дней оказались ей не по силам, выволакивает ее из столовой, пятась задом, причем она весьма драматически скребет каблуками по ковру. Вопрос, удалось ли добрым феям сказать малютке о пяти тысячах фунтов и как она переварила это известие, остается невыясненным - его не обсуждают.

Бедный маленький Твемлоу, совершенно раскисший, умилен вышеописанной сценой и продолжает умиляться даже после того, как его благополучно доставляют в квартирку над конюшней на Дьюк-стрит в Сент-Джеймс-сквере. Но когда этот кроткий джентльмен ложится у себя дома на кушетку, в голову ему вдруг приходит ужасная мысль, вытесняющая все прочие, более безмятежные мысли.

- Боже милосердный! Да ведь как подумаешь на свободе, так выходит, он своих избирателей и в глаза не видал до того самого дня, когда мы с ним туда приехали!

Поднеся ко лбу руку, бесхитростный Твемлоу в полном смятении чувств шагает по комнате, потом снова ложится на кушетку и говорит со стоном:

- Этот человек или сведет меня с ума, или вгонит в гроб. Слишком поздно я с ним встретился. Он мне уже не по силам!

ГЛАВА IV - Купидон играет под суфлера

Говоря холодным языком света, миссис Лэмл не замедлила использовать знакомство с мисс Подснеп. Говоря нежным языком самой миссис Лэмл, они с милой Джорджианой вскоре слились воедино - сердцем, мыслями, чувствами, душой.

Как только Джорджиане удавалось вырваться из рабских уз подснепизма, сбросить с себя одеяло, которым ее пеленали в фэртоне кремового цвета, и стать во весь рост; как только ей удавалось ускользнуть подальше от своей матушки-качалки, чтобы та не отдала ей (если можно так выразиться) бедные замерзшие ножки, - она отправлялась к своей подруге миссис Альфред Лэмл. Миссис Подснеп ни в коей мере не препятствовала этому. Часто слыша, как пожилые остеологи, занимающиеся учеными изысканиями главным образом на званых обедах, называют ее "великолепным экземпляром", и признавая себя таковым, она вполне могла обходиться без дочери. А мистер Подснеп, узнав, где Джорджиана проводит время, преисполнился благосклонности к супругам Лэмл. То, что они, не будучи в состоянии завладеть им, почтительно цеплялись за краешек его мантии; то, что они, не смея купаться в лучах солнца - в лучах самого мистера Подснепа, - довольствовались слабым отражением белесой луны - его дочери, - казалось ему совершенно естественным, понятным и правильным. Он оценил скромность супругов Лэмл и стал лучшего мнения о них, видя, как они дорожат таким знакомством. И вот Джорджиана уезжала к своей подруге, а мистер Подснеп отправлялся на один обед, на второй обед, на третий обед, выступая под руку с миссис Подснеп и осаживая своим упрямым подбородком воротник и галстук с таким видом, словно он наигрывал на свирели триумфальный марш в собственную честь: "Бейте в бубны и литавры! Подснеп пожиная лавры!"

Характеру мистера Подснепа была свойственна одна особенность (особенность эта в той или иной форме плавает и в глубинах и на отмелях подснепизма): он не переносил даже намека на пренебрежительное отношение к своим друзьям и знакомым. "Как вы смеете! - казалось, говорил в таких случаях мистер Подснеп. - Что это значит! Я одобряю этого человека. Этот человек аттестован мною. Поднимая руку на этого человека, вы поднимаете руку на меня, Подснепа Великого. Я не так уж пекусь о достоинстве этого человека, мне важно соблюсти достоинство Подснепа". И, следовательно, если бы кто-нибудь осмелился сомневаться при нем в Лэмлах, он почувствовал бы себя глубоко оскорбленным. В сущности говоря, таких скептиков и не находилось, ибо Ч. П. Вениринг - весьма солидный авторитет - утверждал, что

они люди состоятельные, и, возможно, верил этому сам. А, собственно, почему бы ему и не верить, если он попросту ничего о них не знал?

Мистер и миссис Лэмл считали свой дом на Сэквил-стрит, Пикадилли, временной резиденцией. Покуда мистер жил холостяком, говорили они друзьям, этот дом вполне устраивал его, но теперь он им не годится. И они подыскивали себе роскошный особняк в самой фешенебельной части города и вот-вот готовы были снять или купить такой особняк, но почему-то не доводили дела до конца. Тем самым супруги Лэмл мало-помалу создали себе блистательную репутацию. При виде какого-нибудь пустующего роскошного особняка их друзья говорили: "Вот что надо Лэмлам!" - и тут же писали Лэмлам письмо, и Лэмлы ездили смотреть эти особняки, но, к несчастью, в них всякий раз обнаруживался тот или иной изъян. Короче говоря, им пришлось испытать столько разочарований, что они уже начинали подумывать о постройке собственного роскошного особняка и тем самым создали себе еще одну блистательную репутацию, так как многие из их знакомых стали выражать недовольство своими домами и заранее завидовали несуществующему особняку Лэмлей.

Красивое убранство, красивая мебель в доме на Сэквил-стрит закрывали с головой его злого духа, и если шепоток: "Я здесь, в шкафу", кое-когда и пробивался сквозь толщу драпировок, то слышали его лишь немногие, и, во всяком случае, не мисс Подснеп. Чем особенно пленилась мисс Подснеп в этом доме, кроме обаятельности своей подруги, так это ее счастьем в семейной жизни, что служило постоянной темой их разговоров.

- Ах! - воскликнула однажды мисс Подснеп. - Мистер Лэмл будто не муж, а возлюбленный! По крайней мере мне так кажется.

- Джорджиана, душенька! - сказала миссис Лэмл, предостерегающе подняв палец. - Надо быть внимательнее.

- Ах, боже мой! - испугалась мисс Подснеп и залилась румянцем. Опять я что-нибудь не так?

- Забыли? - Миссис Лэмл шутливо покачала головой. - Альфред! Альфред! Вам не разрешается называть его мистер Лэмл, Джорджиана.

- Хорошо, Альфред. Слава богу, что я чего-нибудь хуже не ляпнула. Мама всегда меня упрекает, что я говорю невпопад.

- Я упрекаю, Джорджиана?

- Нет, нет! Вы не мама. И как это жалко, что вы не моя мама!

Миссис Лэмл наградила свою приятельницу очаровательной, нежной улыбкой, и мисс Подснеп постаралась по мере сил и возможностей ответить ей тем же. Они сидели за завтраком в будуаре миссис Лэмл.

- Итак, моя дорогая Джорджиана, Альфред соответствует вашему идеальному представлению о возлюбленном?

- Нет, я хотела сказать совсем не то, Софрония, - ответила Джорджиана, не зная, куда девать свои локти. - Я вообще не имею ни малейшего понятия о том, каким должен быть возлюбленный. Ничтожества, которых мама подводит ко мне на балах только для того, чтобы терзать меня, - разве это возлюбленные? А мистер...

- Опять, Джорджиана?

- А ваш Альфред...

- Вот это уже лучше, милочка.

- ...так вас любит. Он всегда так к вам внимателен, так изысканно любезен. Ведь правда?

- Правда, милочка, - подтвердила миссис Лэмл с каким-то странным выражением лица. - Мне кажется, он любит меня не меньше, чем я его.

- Какое это счастье! - воскликнула мисс Подснеп.

- А знаете, моя дорогая Джорджиана, - после небольшой паузы снова заговорила миссис Лэмл. - В вашем восхищении Альфредом и его нежностью есть что-то подозрительное.

- Нет, нет! Боже упаси!

- Не наводит ли это на мысль, - лукаво продолжала миссис Лэмл, - что сердечко моей Джорджианы...

- Не надо! - вся вспыхнув, взмолилась Джорджиана. - Пожалуйста, не надо! Уверю вас, Софрония, я восхваляю Альфреда только потому, что он ваш муж и так предан вам.

Во взгляде Софронии блеснул огонек, словно она узнала нечто новое для себя. Но этот огонек сменился холодной улыбкой, когда она заговорила, глядя в тарелку и высоко подняв брови:

- Вы не поняли моего намека, душенька. Я хотела сказать: сердечко моей Джорджианы начинает чувствовать, что оно свободно.

- Нет, нет! - воскликнула Джорджиана. - Никогда, ни за что не позволю, чтобы со мной так говорили!

- Как это "так", моя Джорджиана? - осведомилась миссис Лэмл, улыбаясь все той же холодной улыбкой и не поднимая глаз от тарелки.

- Ну, вы знаете, - ответила бедняжка. - Если б кто-нибудь осмелился так со мной говорить, Софрония, мне кажется, я сошла бы с ума от досады, стыда и ненависти. Я вижу, как вы и ваш муж нежны друг с другом, и с меня этого вполне достаточно. Вы - совсем другое дело. А если бы такое случилось со мной, не знаю, что бы я сделала! Я стала бы просить, умолять: выгоните этого человека вон, затопчите его ногами!

А вот и Альфред! Незаметно прокравшись в будуар, он с шутливой улыбкой прислонился к креслу Софронии, и когда мисс Подснеп увидела его, поднес к губам локон, выбившийся у Софронии из прически, а мисс Подснеп послал воздушный поцелуй.

- Что это тут за разговоры о мужьях и о ненависти? - спросил неотразимый Альфред.

- А вам известно, сэр, - сказала его жена, - что подслушивание до добра не доводит? Впрочем, о вас... Признайтесь, сэр, вы давно здесь?

- Только что вошел, мое сокровище.

- Тогда я могу продолжать. Но, поспевав сюда минутой-двумя раньше, вы слышали бы, какие хвалы вам расточала Джорджиана.

- Не знаю, можно ли это назвать хвалами; по-моему, нет, - трепетным голосом пролепетала мисс Подснеп. - Ведь я говорю о вашей преданности Софронии.

- Софрония! - вполголоса сказал Альфред. - Жизнь моя! - и поцеловал ей руку, на что она ответила ему поцелуем в щечку от часов.

- Кого же, однако, надо гнать вон и топтать ногами? Надеюсь, не меня? - осведомился Альфред, садясь между ними.

- Спросите Джорджиану, друг мой, - ответила его жена.

Альфред трогательно воззвал к Джорджиане.

- Да нет, никого, - сказала мисс Подснеп. - Это так, глупости.

- Но если уж вы, наш баловень, настолько любопытны и решили добиться правды, - с улыбкой проговорила счастливая, любящая Софрония, - то знайте, что речь шла о тех, кто осмелится вздыхать о Джорджиане.

- Софрония, ангел мой, - сказал мистер Лэмл, сразу сделав серьезное лицо. - Вы, разумеется, шутите?

- Альфред, ангел мой, - ответила его жена. - Джорджиана, может быть, и шутила, а я - нет.

- Подумать только! - воскликнул мистер Лэмл. - Какие бывают странные стечения обстоятельств. Можете поверить, мое сокровище? Ведь я шел сюда как раз с тем, чтобы рассказать вам об одном воздыхателе нашей Джорджианы!

- Альфред, - ответила миссис Лэмл, - я всегда верю каждому вашему слову.

- Дорогая моя! А я - вашему.

Сколько прелести было в этом обмене любезностями и во взглядах, которыми они сопровождалась! Ах, если бы злой дух, загнанный на верхний этаж, воспользовался таким удобным случаем, чтобы крикнуть: "Я здесь, в шкафу! Задыхаюсь взаперти!"

- Клянусь вам честью, мое сокровище...

- Я знаю, как вы дорожите вашей честью, друг мой, - сказала Софрония.

- Разумеется, знаете, душенька... Клянусь честью, что, входя в комнату, я еще на пороге

хотел произнести имя молодого Фледжби. Расскажите Джорджиане, душенька, о молодом Фледжби.

- Нет, нет! Не надо! - вскричала мисс Подснеп, затыкая уши. - Не хочу!

Миссис Лэмл рассмеялась весело-превесело, притянула к себе руки покорной Джорджианы и, то соединяя их, то разводя широко в стороны, заговорила:

- Так вот слушайте, моя обожаемая глупышка! Жил-был на свете юноша, а звали этого юношу Фледжби. И с этим молодым Фледжби, человеком богатым, из родовитой семьи, были хорошо знакомы двое людей, нежно привязанных друг к другу, а их звали мистер и миссис Альфред Лэмл. И вот однажды этот молодой Фледжби, сидя в театре, видит в ложе, занятой мистером и миссис Альфред Лэмл, некую героиню, звали которую...

- Только не Джорджиана Подснеп! - чуть ли не со слезами на глазах взмолилась наша юная девица. - Нет, нет, нет! Только не Джорджиана Подснеп! Пусть это будет кто-нибудь другой! Да, да, да!

- Не кто другой, - лукаво улыбнулась миссис Лэмл, продолжая с ласковой укоризной во взоре соединять и разводить руки Джорджианы, будто ножки циркуля. - Не кто другой, а моя маленькая Джорджиана Подснеп. И вот этот молодой Фледжби подходит к Альфреду Лэмлу и говорит...

- Пож-жалуйста, не надо! - взвизгнула Джорджиана так пронзительно, словно этот вопль выдавили из нее тяжелым прессом. - Я его ненавижу! Зачем он Это говорит! Лэмл.

- Что "это", душенька? - смеясь, спросила миссис Лэмл.

- Не знаю! - в отчаянии вскрикнула Джорджиана. - Но все равно я его ненавижу!

- Душенька моя, - сказала миссис Лэмл, не переставая смеяться самым очаровательным образом. - Бедняга всего-навсего говорит, что он поражен в самое сердце и...

- Как же мне теперь быть! - перебила ее Джорджиана. - Боже мой, боже! Он, наверно, круглый дурак!

- ...и умоляет пригласить его к обеду и четвертым в ложу, когда мы поедем в театр. Итак, завтра он обедает у нас и едет вместе с нами в оперу. Вот и все. Впрочем, надо еще добавить, что он - только представьте себе это, милая моя Джорджиана! - он в тысячу раз застенчивее, чем вы, и боится вас так, как вам в жизни своей никого не приходилось бояться.

Взволнованная мисс Подснеп все еще никак не могла успокоиться и нервно пощипывала себе руки, но мысль, что кто-то боится ее, все же показалась ей очень забавной. Воспользовавшись этим, Софрония, на сей раз с большим успехом, начала расточать комплименты своей маленькой Джорджиане и подшучивать над ней, а потом и льстивый Альфред начал расточать ей комплименты и подшучивать над ней и, наконец, пообещал по первому ее требованию выгнать молодого Фледжби вон и затоптать его ногами. Таким образом, они как бы условились между собой по-дружески, что молодой Фледжби придет поклоняться Джорджиане, а Джорджиана придет и будет служить предметом поклонения. Джорджиана, упоенная новизной того, что предстояло ей в будущем, получила в настоящем множество поцелуев от своей обожаемой Софронии и, ведя за собой лакея, всегда провожавшего ее домой (олицетворение недовольства - ростом в шесть футов и один дюйм), отправилась восвояси.

Когда счастливая чета осталась наедине, миссис Лэмл сказала своему супругу:

- Если я правильно понимаю эту девицу, сэр, ваши опасные чары возымели некоторое действие. Считаю вполне своевременным засвидетельствовать вашу победу, так как полагаю, что вам гораздо важнее довести до конца задуманный план, чем польстить своему тщеславию.

На стене перед ними висело зеркало, и миссис Лэмл поймала там самодовольную улыбку мистера Лэмла. Она послала ему взглядом бездну презрения, и он получил его в зеркале сполна. Секунду спустя супруги как ни в чем не бывало посмотрели друг на друга, словно они не имели никакого отношения к выразительному действию, отраженному зеркалом.

Очень может статься, что, говоря с таким сарказмом о их несчастной маленькой жертве, миссис Лэмл пыталась хоть чем-то оправдать собственное поведение. Может статься также, что это ей не совсем удалось, ибо трудно противостоять, когда тебе оказывают доверие, - такое

доверие, какое ей оказывала Джорджиана.

Счастливая супружеская чета не обменялась больше ни словом. По-видимому, заговорщикам, понимающим друг друга без лишних слов, не так уж приятно разглагольствовать о цели своего заговора. Пришел следующий день; пришла Джорджиана, и пришел Фледжби.

За последнее время Джорджиана уже успела присмотреться к дому Лэмлей и к его завсегдатаям. В нижнем Этаже этого дома была прекрасно обставленная, окнами во двор, комната с бильярдным столом, которая могла бы служить мистеру Лэмлу кабинетом или библиотекой, но не называлась не так и не этак, а просто комнатой мистера Лэмла; и женской головке, даже более трезвой, чем у Джорджианы, трудно было бы определить, кто такие завсегдатаи этой комнаты - прожигатели жизни или дельцы.

У комнаты и у ее посетителей замечалось много сходных черт. И в ней и в них было что-то кричащее, вульгарное, и она и они были насквозь прокурены сигарами и уделяли слишком много внимания лошадям. Последнее особенно ярко проявлялось в убранстве комнаты и в разговорах гостей. Приятели мистера Лэмла, видимо, не мыслили себе существования без кровных рысаков - так же, как и без сделок, которые они заключали между собой точно цыгане, на ходу, с налету, в самые неурочные часы дня и ночи. Одни из его приятелей, казалось, только и знали, что пересекать Ламанш по делам, связанным с парижской биржей, с испанскими и греческими, индийскими и мексиканскими бумагами, с номиналом, лажем, дисконтом и с $3/4$ и $7/8$ дисконтного процента. Другие только и знали, что торчать в Сети по делам, связанным с парижской биржей, с испанскими и греческими, индийскими и мексиканскими бумагами, с номиналом, лажем, дисконтом и с $3/4$ и $7/8$ дисконтного процента. Все они были непоседливы, хвастливы, распущенны, все много ели и пили в делали еду и питье предметом бесконечных пари. Деньги служили вечной темой их разговоров, причем назывались только цифры - денежные знаки подразумевались сами собой, как, например: "Том - это все сорок пять", или: "Джон - по двести двадцать на каждой". В мире, по их понятиям, существовало только две категории людей - те, что наживали неслыханные состояния, и те, что терпели неслыханные банкротства. Они вечно куда-то спешили и все же казались бездельниками, за исключением двоих-троих (толстогубых, с астматическим дыханием), а эти, вооружившись карандашами в золотых футляриках и с трудом держа их пальцами, унизанными массивными перстнями, вечно поучали остальных, как надо наживать деньги. И, наконец, все они держались очень высокомерно со своими грумами, а грумы в свою очередь были не так почтительны, не так вышколены, как у других хозяев, и им не хватало самой малости, чтобы стать настоящими грумами, так же как их хозяевам не хватало самой малости, чтобы стать настоящими джентльменами.

Молодой Фледжби не принадлежал к их числу. Молодой Фледжби нескладный белобрысый юнец с маленькими глазками, с нежными, как персик, щеками (точнее говоря, щеки его напоминали одновременно и персик и ту кирпично-красную стену, по которой эти деревца стелются) - был на редкость худощав (враги назвали бы его тощим) и имел склонность к самообследованию на предмет бакенбард и усов. Проверая на ощупь свою физиономию, не появилась ли на ней долгожданная растительность, Фледжби всякий раз испытывал сильнейшие колебания духа, охватывающие всю гамму чувств от полной уверенности до отчаяния. Бывали случаи, когда он начинал с возгласа: "Слава Юпитеру! Наконец-то!", а потом погружался в бездну уныния, качал головой и терял всякую надежду. Смотреть на Фледжби в такие минуты, когда он стоял, облокотясь на каминную доску, словно на урну с прахом его мечты и грустно подперев рукой щеку, которая никак не хотела дать ростки, было поистине тяжело.

Но сегодня Фледжби появился на Сэквил-стрит совсем в другом виде. Разряженный в пух и прах, с шапокляком под мышкой, он закончил обследование щек, полный надежд, и в ожидании приезда мисс Подснеп болтал с миссис Лэмл о всяких пустяках. Подсмеиваясь над его пустяковыми способностями в этом отношении и некоторой судорожностью манер, друзья, по общему согласию, дали ему в шутку (разумеется, у него за спиной) лестное

прозвище "Очаровательный Фледжби".

- Сегодня жарко, миссис Лэмл, - сказал Очаровательный Фледжби. По мнению миссис Лэмл, вчера было гораздо жарче. - Да, пожалуй, - согласился Очаровательный Фледжби, проявляя большую находчивость, - а завтра, наверно, будет несусветная жара. - Он высек из себя одну крохотную искорку: Выезжали сегодня, миссис Лэмл?

Миссис Лэмл ответила, что выезжала, но ненадолго.

- Некоторые люди, - продолжал Очаровательный Фледжби, - любят подолгу ездить, и, по-моему, только зря стараются.

Будучи в таком ударе, он мог бы превзойти самого себя следующей репликой, но в эту минуту лакей доложил о приезде мисс Подснеп. Миссис Лэмл кинулась обнимать свою дорогую маленькую Джорджи и, когда первые восторги улеглись, представила ей мистера Фледжби. Мистер Лэмл появился на сцене последним, - он всегда запаздывал, и приятели его тоже всегда запаздывали, но иначе и быть не могло, так как они ждали закулисных сведений о парижской бирже, об испанских и греческих, индийских и мексиканских бумагах, о номинале, даже, дисконте и о $3/4$ и $7/8$ дисконтного процента.

Без всяких промедлений подали недурной обед; искрометный мистер Лэмл сидел во главе стола, а за спиной у него стоял лакей, а за спиной у лакея стояли вечные сомнения по поводу того, заплатят ему жалованье или нет. Сегодня мистеру Лэмлу приходилось пускать в ход всю свою искрометность, так как Очаровательный Фледжби и Джорджиана заразились друг от друга - не только немотой, но и чрезвычайной странностью телодвижений. Джорджиана, сидя напротив Фледжби, прилагала невероятные усилия, чтобы спрятать свои локти, что было совершенно несовместимо с употреблением ножа и вилки, а Фледжби, сидя напротив Джорджианы, старался всеми доступными ему средствами избежать ее взгляда и выдавал свою растерянность тем, что нащупывал несуществующие бакенбарды ложкой, винным бокалом и куском хлеба.

Вследствие всего этого мистеру и миссис Альфред Лэмл приходилось суфлировать им, и вот как они суфлировали:

- Джорджиана, - негромко начал мистер Лэмл, искрясь с головы до пят, точно арлекин, и вкрадчиво улыбаясь, - вы сегодня не такая, как всегда. Почему вы сегодня не такая, как всегда, Джорджиана?

Джорджиана пролепетала, "что она сегодня самая обыкновенная. Она ничего особенного за собой не замечает".

- Не замечаете, моя дорогая Джорджиана? - воскликнул мистер Альфред Лэмл. - С вами было так приятно отдохнуть душой от толпы, где все на одно лицо! Вы всегда держались так естественно! Вы олицетворяли мягкость, простоту и неподдельность чувств!

Мисс Подснеп в смятении посмотрела на дверь, видимо соображая, не спастись ли ей бегством от этих комплиментов.

- Сейчас спросим, - мистер Лэмл повысил голос, - что думает по этому поводу мой друг Фледжби?

- Не надо! - чуть слышно взмолилась мисс Подснеп, но тут суфлерскую тетрадку взяла миссис Лэмл.

- Простите меня, Альфред, я еще не могу отпустить мистера Фледжби. Вам придется потерпеть минутку, мой милый. Мы с мистером Фледжби говорим по душам.

Фледжби, вероятно, вел свою часть беседы с неподражаемым искусством, так как уста его не произносили ни единого слова.

- Вы говорите по душам, Софрония? О чем же, моя дорогая? Фледжби, я ревную! О чем, Фледжби?

- Сказать ему, мистер Фледжби? - спросила миссис Лэмл.

Сделав вид, будто он и в самом деле что-то понимает, Очаровательный ответил:

- Да. Скажите.

- Хорошо. Мы говорили о том, если уж вам непременно нужно это знать, Альфред, что мистер Фледжби сегодня не такой, как всегда.

- Да ведь тот же вопрос я задал Джорджиане о ней самой! Что же ответил Фледжби, Софрония?

- Так я вам и скажу, сэр! Вы сами молчите, а меня расспрашиваете! Что ответила Джорджиана?

- Джорджиана уверяет, что она ведет себя как обычно, а я уверяю, что нет.

- То же самое, - воскликнула миссис Лэмл, - я сказала мистеру Фледжби!

И все-таки дело не шло на лад. Джорджиана и Фледжби не желали смотреть друг на друга - даже тогда, когда их искромётный хозяин предложил, чтобы они все вчетвером выпили по бокалу столь же искромётного вина. Поднимая глаза от своего бокала, Джорджиана смотрела на мистера Лэмла и на миссис Лэмл и была не в силах, не могла, не хотела, не желала посмотреть на мистера Фледжби. Поднимая глаза от своего бокала, Очаровательный смотрел на миссис Лэмл и на мистера Лэмла и был не в силах, не мог, не хотел, не желал посмотреть на Джорджиану.

Требовалось дальнейшее суфлирование. Купидона следовало подстегнуть. Поскольку директор труппы дал ему роль в спектакле, он был обязан сыграть ее.

- Софрония, дорогая мая, - сказал мистер Лэмл, - мне не нравится цвет вашего платья.

- Я взываю о поддержке к мистеру Фледжби, - сказала миссис Лэмл.

- А я, - сказал мистер Лэмл, - к Джорджиане.

- Джорджи, душенька, - вполголоса проговорила миссис Лэмл, обращаясь к своей любимице, - я надеюсь, вы не перейдете в лагерь оппозиции? Ну-с, мистер Фледжби?

Очаровательный осведомился, как называется этот цвет, не розовый ли? Да, подтвердила миссис Лэмл. Оказывается, он все знает! Самый настоящий розовый. Очаровательный высказал предположение, что розовый цвет это цвет розы. (Мистер и миссис Лэмл горячо поддержали его.) Очаровательный слышал, будто розу называют царицей цветов. Значит, это платье можно назвать царским. "Браво, Фледжби!" (восклицание мистера Лэмла). Однако же мнение Очаровательного свелось к тому, что у всех у нас есть глаза - по крайней мере у большинства они есть... и... и... Дальше послышалось еще несколько "и", за которыми так ничего и не последовало.

- Ах, мистер Фледжби! - сказала миссис Лэмл. - Какое предательство! Вы отступились от моего бедного розового платьица и перешли на сторону голубого!

- Победа, победа! - воскликнул мистер Лэмл. - Ваше платье забраковано, моя дорогая!

- А что, - сказала миссис Лэмл, нежно касаясь руки своей любимицы, что говорит по этому поводу Джорджи?

- Джорджи говорит, - ответил за мисс Подснеп мистер Лэмл, - что вам, Софрония, любой цвет к лицу, а если б она могла предвидеть столь милый, хоть и смутивший ее комплимент, платье на ней было бы другое. Нет, Джорджи, это вас не спасло бы, говорю я, ибо как бы вы ни нарядились, Фледжби все равно провозгласит цвет вашего платья своим любимым цветом. А что говорит сам Фледжби?

- Он говорит, - отвечала за мистера Фледжби миссис Лэмл и погладила своей любимице руку (тоже за мистера Фледжби). - Он говорит, что это вовсе не комплимент, а естественная дань восхищения, вырвавшаяся у него невольно. И он прав, - добавила она с еще большим пылом, навязывая Фледжби и этот пыл. - Тысячу раз прав!

И все-таки даже теперь они не желали смотреть друг на друга. Мистер Лэмл, казалось, заскрежетал своими искромётными зубами, запонками, глазами, пуговицами - всем сразу, и бросил на эту парочку злобный взгляд из-под насупленных бровей, выражающий сильное желание стукнуть их лбами и таким образом заставить сойтись поближе.

- Вы уже слышали эту оперу, Фледжби? - спросил он и осекся, чтобы не буркнуть: "Черт вас подери!"

- Да как будто нет, - ответил Фледжби. - По правде говоря, я понятия не имею, что это за опера.

- И вы тоже, Джорджи? - спросила миссис Лэмл.

- Т-тоже, - чуть слышно пролепетала Джорджиана, потрясенная таким совпадением.

- Так, значит... - воскликнула миссис Лэмл в восторге от важного открытия, поступившего в ее распоряжение. - Значит, вы оба ее не слышали? Превосходно!

Это проняло даже малодушного Фледжби, и он почувствовал, что ему следует сделать решительный шаг. И он сделал его, сказав не то миссис Лэмл, не то окружающему воздуху:

- Я счастлив, что мне суждено...

Так как он замер на полуслове, мистер Лэмл собрал в кулак свои рыжие бакенбарды и, выглянув из-за них, словно из-за куста, подсказал ему:

- Роком?

- Да нет, - промямлил Фледжби, - не роком, а судьбой. Я счастлив, что судьба начертала в книге... ну, в той самой книге, которая у нее есть... что я впервые буду слушать эту оперу при столь памятных обстоятельствах, то есть в обществе мисс Подснеп.

На что Джорджиана ответила, зацепив мизинец за мизинец и обращаясь к скатерти:

- Благодарю вас, обычно я хожу в оперу только с вами, Софрония, и очень этому рада.

Волей-неволей удовлетворившись и таким скромным успехом, мистер Лэмл вывел мисс Подснеп из столовой, точно открыл ей дверцу клетки, а миссис Лэмл последовала за ними. Когда наверху подали кофе, мистер Лэмл не спускал глаз с молодого Фледжби, и лишь только мисс Подснеп допила свою чашку, показал этому юному джентльмену пальцем (как глупому сеттеру), чтобы он принял ее. Требуемый от него подвиг мистер Фледжби совершил с успехом и даже приукрасил его по собственному почину, сообщив мисс Подснеп, что зеленый чай считается вредным для нервов. Однако мисс Подснеп совершенно непредумышленно ошеломила его вопросом: "Разве? А почему?" Мистер Фледжби замялся и ничего толком ответить не мог.

Доложили, что карета подана, и миссис Лэмл сказала:

- Не беспокойтесь, мистер Фледжби, у меня обе руки заняты, дай бог справиться с юбками и накидкой, ведите мисс Подснеп. - И Фледжби повел мисс Подснеп под руку, миссис Лэмл отправилась за ними, а мистер Лэмл, точно погонщик, шествовал последним, злобно поглядывая на свое маленькое стадо.

Однако в опере он снова засиял и заискрился и с помощью своей обожаемой супруги весьма искусно и ловко управлял разговором между Фледжби и Джорджианой. Они сидели в ложе так: миссис Лэмл, Очаровательный Фледжби, Джорджиана, мистер Лэмл. Миссис Лэмл задавала Фледжби наводящие вопросы, которые требовали односложных ответов. Мистер Лэмл проделывал то же самое с Джорджианой. Время от времени миссис Лэмл наклонялась к мистеру Лэмлу и говорила:

- Альфред, дорогой мой, мистер Фледжби совершенно справедливо заметил по поводу последней сцены, что истинной верности не нужно такое поощрение, какое, видимо, считается необходимым в опере. - На что мистер Лэмл отвечал: - Да, моя дорогая Софрония! Но Джорджиана говорит правильно: откуда героиня могла догадаться о чувствах героя? - На что миссис Лэмл возражала: - Совершенно верно, Альфред, но мистер Фледжби утверждает... то-то и то-то. - На что Альфред говорил: - Без сомнения, Софрония, но Джорджиана тонко подметила... то-то и то-то. - Таким образом молодой человек и молодая девица разговаривали довольно долго и изливались в тонких чувствах, ухитрившись ни разу не открыть рта, разве лишь, чтобы произнести да или нет, и то обращаясь к своим суфлерам, а не друг к другу.

Мистер Фледжби простился с мисс Подснеп у дверцы кареты. Лэмлы подвезли ее домой, и дорогой миссис Лэмл лукаво подтрунивала над ней, восклицая покровительственно нежным тоном: "Ах, моя маленькая Джорджиана! Моя маленькая Джорджиана!" Восклицания эти были немногословны, но под ними подразумевалось: "Вы покорили молодого Фледжби!"

Наконец супруги Лэмл вернулись к себе. Супруга - утомленная, хмурая села в кресла и устала на своего мрачного повелителя, который схватил за горло бутылку с содовой и, точно свернув шею какому-то горемыке, стал пить его кровь. Вытирая мокрые усы с кровожадностью людоеда, он поймал на себе взгляд супруги, выжидающе помолчал и буркнул не слишком любезно:

- Ну, что?

- Неужели нельзя было найти кого-нибудь поумнее, а не этого олуха?
- Я знаю, что делаю. Не такой уж он олух, как вы полагаете.
- Уж не гений ли?
- Вы, кажется, изволите насмеяться? И вы, кажется, изволите смотреть на меня сверху вниз? Так знайте же: этот молодчик умеет блюсти свои интересы. Это суцая пиявка. Когда дело касается денег, этот молодчик под стать дьяволу.

- И вам тоже?

- Да. Почти в той же мере, в какой вы считали меня под стать себе. Он показался вам дурашливым юнцом сегодня, но на том его дурашливость и кончается. Там, где речь идет о деньгах, он далеко не олух. Что до всего прочего, то большего болвана, пожалуй, не найдешь, хотя его единственной цели в жизни это не вредит.

- А у этой девицы есть деньги, которыми она сможет распорядиться?

- Да, у этой девицы есть деньги, которыми она сможет распорядиться. Вы сегодня так хорошо потрудились, Софрония, что я отвечаю на ваш вопрос, хотя, как вам известно, такие вопросы обычно мне не нравятся. Вы сегодня так хорошо потрудились, Софрония, что, вероятно, устали. Ложитесь-ка спать.

ГЛАВА V - Меркурий суфлирует сам

Фледжби вполне заслуживал похвалу мистера Альфреда Лэмла. Это был самый подлый щенок из тех, что разгуливают на двух ногах. Инстинкт (понятие для всех нас ясное) ходит преимущественно на четырех ногах, а разум не иначе как на двух, - следовательно, подлости, поставленной на четыре ноги, никогда не достичь совершенства подлости двуногой.

Отец этого юного джентльмена давал деньги в рост и совершал деловые операции с матерью этого юного джентльмена в те времена, когда последний только еще дождался в огромном, объятom тьмой преддверии нашего мира дня и часа своего рождения. Вдовствующая леди, не будучи в состоянии расплатиться с ростовщиком, вышла за него замуж, и в положенное время Фледжби был призван из огромного, объятom тьмой преддверия нашего мира пред лицо регистратора с книгой метрических записей. Если б не этот случай, любопытно было бы знать, как бы Фледжби распорядился своим досугом в веках, отделяющих нас от второго пришествия?

Мать Фледжби нанесла оскорбление своей родне браком с отцом Фледжби. Нет ничего легче, как оскорбить свою родню, если ваша родня хочет от вас отделаться. Родня матери Фледжби, считавшая раньше крайне оскорбительной для себя ее бедность, порвала окончательно с нею, когда она стала сравнительно богата. Мать Фледжби была из рода Снигсвортов. Она даже имела честь состоять в родстве с самим лордом Снигсвортом - настолько отдаленном, что этот вельможа мог бы без всяких угрызений совести отдалить ее еще больше и совсем вычеркнуть из родословной, - но все же она состояла с ним в родстве.

Среди прочих операций, совершенных отцом Фледжби и матерью Фледжби еще до брака, была ссуда, полученная последней на весьма невыгодных для нее условиях. Срок возврата этой ссуды истек вскоре после свадьбы, и отец Фледжби завладел всеми деньгами матери Фледжби для своего только личного блага. Это привело супругов к постоянному обмену мнениями, вернее, к обмену досками от триктрака *, машинками для снятия сапог и другими метательными снарядами из домашнего обихода, а это в свою очередь привело к тому, что мать Фледжби весьма успешно сорила деньгами, а отец Фледжби весьма неуспешно старался обуздать ее. Ввиду всего вышеизложенного, детство Фледжби протекало бурно, однако штормы и валы в конце концов сошли в могилу, и теперь Фледжби процветал в одиночестве.

Наш молодой Фледжби снимал квартиру в Олбени (не где-нибудь, а в Олбени! *) и одевался весьма щеголевато. Однако вместо юношеской пылкости в нем горел холодный деляческий огонь; огонь этот, как известно, дает больше искр, чем настоящего тепла, и требует много топлива, но Фледжби не зевал и поддерживал его тщательно.

Мистер Альфред Лэмл приехал в Олбени позавтракать в обществе Фледжби. На столе были следующие предметы: маленький чайник, маленькая булка, два маленьких кружочка

масла, два маленьких ломтика бекона, два до жалости маленьких яйца и обилие великолепного фарфора, купленного по случаю, за бесценок.

- Ну, что вы скажете о Джорджиане? - спросил мистер Лэмл.

- Должен вам признаться... - в раздумье начал Фледжби.

- Признавайтесь, дружище, признавайтесь!

- Вы меня не поняли. Я не в этом хотел признаться, а совсем в другом.

- Да в чем угодно, голубчик!

- Вот вы опять меня не поняли, - сказал Фледжби. - Я хотел признаться, что не собираюсь с вами об этом говорить.

Мистер Лэмл весь так и заискрился, но в то же время нахмурил брови.

- Слушайте, Лэмл, - продолжал Фледжби. - Вы большой хитрец и за словом в карман не лазите. Можно ли назвать меня хитрецом, это не важно, а вот словоохотливостью я не отличаюсь. Зато во мне есть одно хорошее качество, Лэмл: я умею держать язык за зубами. И намерен поступать так и впредь.

- А вы сметливый, Фледжби!

- Сметливый? Не знаю. Скажите лучше, молчаливый. Одно другого стоит. Поэтому, Лэмл, вы меня лучше ни о чем не спрашивайте.

- Голубчик, да проще моего вопроса быть ничего не может!

- Все равно. Он прост только на первый взгляд, а по первому взгляду судить не всегда рекомендуется. Я недавно слышал, как в Вестминстер-Холле * допрашивали одного свидетеля. Вопросы ему задавали, казалось бы, самые простенькие, а когда он на них ответил, выяснилось, что они с подковыркой. Вот так-то! Значит, этому свидетелю надо было держать язык за зубами. Держал бы он язык за зубами и не попал бы в такую передрыгу.

- Если бы я тоже держал язык за зубами, вы никогда бы не увидели девицы, о которой я спрашиваю, - помрачнев, заметил Лэмл.

- Нет, Лэмл, - сказал Очаровательный Фледжби, преспокойно ощупывая пушок на щеках, - ничего у вас не получится. Меня в спор не втянешь. Я спорить не мастер. А держать язык за зубами умею.

- Умеете? Еще как умеете! - Мистер Лэмл решил умиловить его. Вот, например, мы с вами выпиваем в большой компании. Чем больше вино развязывает язык нашим собутельникам, тем вы становитесь молчаливее. Чем больше они выбалтывают, тем больше вы утаиваете.

- Понимать себя я разрешаю, Лэмл, - сказал Фледжби, хмыкнув, - а спрашивать - нет. Да, вы правы, я веду себя именно так.

- Мы обсуждаем свои дела вслух, а о ваших никто из нас не знает.

- И от меня никогда не узнаете, Лэмл, - ответил Фледжби, снова хмыкнув. - Да, да, вы правы, я веду себя именно так.

- Именно так! - воскликнул Лэмл якобы в порыве откровенности и со смехом протянул руки вперед, показывая всему миру, какой редкостный человек этот Фледжби. - Если б я не знал моего Фледжби, неужели мне пришлось бы на ум заключать с моим Фледжби некий выгодный договор?

- Гм! - Очаровательный Фледжби с хитрым видом покачал головой. - Нет, на эту удочку меня не поймашь. Я человек не тщеславный. Тщеславие плохо окупается. Нет, нет, нет! Когда мне расточают комплименты, я еще крепче держу язык за зубами.

Альфред Лэмл отодвинул от себя тарелку (не такая уж большая жертва с его стороны, потому что на ней не так уж много всего было), засунул руки в карманы, откинулся на спинку стула и молча уставился на Фледжби. Через минуту он вынул из кармана левую руку и, собрав свои рыжие заросли в кулак, продолжал все так же молча смотреть на Фледжби. Потом сказал медленно, отчеканивая каждое слово:

- Какого - черта - этот - молодчик сегодня ломается?

- Слушайте, Лэмл, - проговорил Очаровательный Фледжби, подло щуря свои подлые глазки, сидевшие, кстати сказать, у самой переносицы. Слушайте, Лэмл! Я прекрасно

понимаю, что мне не удалось блеснуть вчера вечером так, как блистали вы с вашей супругой, которую я считаю женщиной чрезвычайно умной и обходительной. Где мне блистать рядом с вами. Я прекрасно знаю, что вы оба выказали себя с наилучшей стороны и прямо-таки отличились. Но если вам кажется, будто после этого со мной можно разговаривать таким тоном, то вы ошибаетесь. Я не кукла и не марионетка.

- И все это только из-за того, - возопил Альфред, вдоволь налюбовавшись подлостью, которая охотно прибегала к помощи подлецов, а теперь подло отказываюсь от нее, - все это только из-за того, что я осмелился задать самый простой и самый естественный вопрос!

- Вам следовало подождать, когда я сам найду нужным заговорить об этом. И нечего навязываться ко мне со своими Джорджианами, будто они перешли к вам в полную собственность, а в придачу к ним и я.

- Хорошо. Когда вам заблагорассудится изъясниться по этому поводу, проговорил Лэмл, - я к вашим услугам.

- Я уже изъяснился. Сказал, что вы прямо-таки отличились. И вы и ваша жена. И если вы и впредь будете так отличаться, я сделаю все от меня зависящее. Только не хвалитесь попусту.

- Я хвалюсь? - воскликнул Лэмл, пожимая плечами.

- И не воображайте, - продолжал его собеседник, - будто людьми можно вертеть, как марионетками, только потому, что в некоторых случаях жизни им не удастся блеснуть, тогда как у вас это получается превосходно с помощью вашей умной и обходительной супруги. Значит, продолжайте в том же духе, и пусть миссис Лэмл продолжает в том же духе. Вот так-то! Когда я считал нужным, я держал язык за зубами, а когда надо было сказать что-то, я сказал и поставил на этом точку. А теперь, - с величайшей неохотой добавил Фледжби, - решайте, будете вы есть второе яйцо или нет.

- Не буду, - коротко ответил Лэмл.

- Правильно, а то как бы не пожалеть потом, - сказал Очаровательный, сразу повеселев. - Предлагать вам второй ломтик бекона было бы бессмысленным угодничеством с моей стороны, потому что вас замучает жажда. А хлеб с маслом будете?

- Не буду, - повторил Лэмл.

- А я буду, - сказал Очаровательный. И в этом шутовском подхвате реплики Лэмла прозвучала радость, так как если бы гость опять приналег на булку, Фледжби счел бы необходимым воздержаться от употребления хлеба до конца завтрака, а то и за обедом.

Ухитрялся ли этот молодой джентльмен (ведь ему было всего двадцать три года) сочетать в своей натуре стариковский порок - скардность, с расточительностью, пороком, свойственным молодежи, загадка трудно разрешимая, так как проникнуть в его тайны было невозможно. Он понимал, что приличная внешность - это надежное капиталовложение, и любил хорошо одеваться. Однако все его движимое имущество, начиная с сюртука на плечах и кончая фарфором, который украшал его стол, покупалось по случаю, за бесценнок, и каждая такая покупка, свидетельствуя о чем-то разорении или чем-то просчете, имела для Фледжби особую прелесть. Из-за скупости он играл на скачках очень осторожно, и если ему везло, становился еще прижимистее в делах, если же нет - морил себя голодом до следующего выигрыша. Странно, что деньги имели такую притягательную силу для этого осла, неспособного по своей тупости и скупости тратить их с большей пользой. Но кто во всем животном царстве так любит навьючивать на себя деньги? Конечно, осел, который не видит иных начертаний на небе и на земле, кроме трех сухих букв "Ф. Ш. П.", означающих не "фешенебельность, шик, пороки", как это бывает сплошь и рядом, а всего лишь "фунты, шиллинги, пенсы". Лисы тоже большие стяжательницы, но не всякая лиса сравняется в стяжательстве с ослом.

Очаровательный Фледжби выдавал себя за молодого джентльмена со средствами, но на самом деле он разбойничал на бирже в качестве маклера и давал деньги в рост под высокие проценты. Во всех его знакомых, включая сюда и мистера Лэмла, было что-то разбойничье, так как все они пошаливали в веселой зеленой дубраве мошенничества, начинающейся на окраинах Сити и на Фондовой бирже.

- А вы, Лэмл, - сказал Фледжби, уписывая хлеб с маслом, - наверно, всегда были дамским угодником.

- Всегда, - ответил Лэмл, заметно помрачневший после недавней отповеди.

- Вам это ничего не стоит, правда? - продолжал Фледжби.

- Я имею честь нравиться прекрасному полу, сэр, - проговорил Лэмл, хоть и хмуро, но с видом человека, который в таких вещах не волен.

- И женились тоже удачно? - спросил Фледжби. Лэмл улыбнулся (злой улыбкой) и шелкнул себя по носу.

- Мой покойный родитель попал впросак с женитьбой, - сказал Фледжби. - Но Джор... как ее правильно - Джорджина или Джорджиана?

- Джорджиана.

- А я вчера все удивлялся, какое странное имя! Первый раз такое слышу. По-моему, оно должно кончаться на "ина".

- Почему?

- Да потому что музыкальный инструмент, на котором играешь, конечно, если умеешь играть, - называется окарина, - заговорил Фледжби, медленно ворочая мозгами. - А болезнь, которой болеют, - конечно, когда заразятся, - называется скарлатина. А с воздушного шара прыгаешь с парашюти... нет, не то. Так вот, эта Джор-джетта... то есть Джорджиана...

- Вы хотели что-то сказать о Джорджиане, - недовольным тоном напомнил ему Лэмл, так и не дождавшись продолжения.

- Я хотел сказать о Джорджиане, сэр, - заговорил Фледжби, рассерженный намеком на свою забывчивость, - что она как будто не очень напористая. Не из тех, которые берут приступом.

- Она кротка, как голубица, мистер Фледжби.

- Ну, разумеется, что же вы еще можете сказать! - огрызнулся Фледжби, немедленно ставший на стражу своих интересов. - Но пусть будет так: говорю я, а слушаете - вы. А я говорю, имея перед глазами пример моего покойного родителя и моей покойной родительницы, что Джорджиана, кажется, не из тех, которые берут приступом.

Уважаемый мистер Лэмл был наглец и по природе своей, и по всем навыкам. Видя, как Фледжби смелеет все больше и больше, он понял, что заискиванием тут ничего не добьешься, и грозно уставился в маленькие глазки своего хозяина, пробуя, не подействует ли на него иное обращение. Удовлетворенный ответом, полученным от этих маленьких глазок, он пришел в бешенство и с такой силой ударил кулаком по столу, что посуда на нем задребезжала и пустилась в пляс.

- Вы слишком много себе позволяете, сэр! - крикнул мистер Лэмл, поднимаясь со стула. - Вы дерзкий негодяй! Как прикажете понимать ваше поведение?

- Слушайте, - запротестовал Фледжби. - Перестаньте буяннить!

- Вы слишком много себе позволяете, сэр! - повторил мистер Лэмл. - Вы дерзкий негодяй!

- Да нет, слушайте! - зывал к нему Фледжби, сдавая позиции.

- Вы низкая, грубая скотина! - гремел мистер Лэмл, свирепо озираясь по сторонам. - Вы бы у меня получили хорошего пинка в зад, если бы ваш лакей дал мне шесть пенсов из хозяйских денег, чтобы я почистил потом сапоги, - потому что на вас и тратиться-то жалко!

- Нет, нет! - взмолился Фледжби. - Что вы говорите! Одумайтесь!

- Слушайте, мистер Фледжби, - сказал Лэмл, надвигаясь на него. Поскольку вы осмеливаетесь перечить мне, я вам сейчас покажу, с кем вы имеете дело. Позвольте мне ваш нос!

Но Фледжби прикрыл нос ладонью и пробормотал, пятясь назад:

- Нет, пожалуйста, не надо!

- Позвольте мне ваш нос! - повторил Лэмл.

Все еще прикрывая эту часть своего лица ладонью и пятясь назад, мистер Фледжби твердил (по-видимому, схватив сильный насморк):

- Нед! Божалуйста, не дадо!

- И этот молокосос, - воскликнул Лэмл, останавливаясь и самым внушительным образом выпячивая грудь, - этот молокосос позволяет себе кривляться передо мной, тогда как я, из всех известных мне молокососов, одному ему предложил воспользоваться такой блестящей возможностью! Этот молокосос позволяет себе зазнаваться только потому, что у меня, в ящике письменного стола, лежит документ, написанный его грязной рукой, - его обязательство выдать мне мизерную сумму в уплату за одно событие, которое может свершиться только с моей помощью и с помощью моей жены. Этот молокосос, этот Фледджи, осмеливается дерзить мне, Лэмлу! Позвольте ваш нос, сударь!

- Нет! Стойте! Я прошу прощения! - униженно пролепетал Фледджи.

- Что вы сказали, сэр? - спросил мистер Лэмл, прикидываясь, будто ярость затуманила ему рассудок.

- Я прошу прощения, - повторил Фледджи.

- Громче, сэр! Кровь бросилась мне в голову от справедливого негодования. Я вас не слышу.

- Я сказал, - из учтивости Фледджи подчеркивал каждое слово, прошу - прощения. Мистер Лэмл выдержал паузу.

- Будучи джентльменом и человеком чести, - проговорил он, бросаясь в кресло, - я складываю оружие.

Мистер Фледджи, хоть и не так эффектно, но тоже сел в кресло и медленно, постепенно отнял руку от носа.

Чувство скромности помешало ему высморкаться сразу после того, как эта часть его лица удостоилась чуть ли не всенародного внимания. Впрочем, мало-помалу он преодолел свою нерешительность и позволил себе такую вольность.

- Лэмл, - залезбил мистер Фледджи, высморкавшись. - Надеюсь, мы с вами снова друзья?

- Мистер Фледджи, - провозгласил Лэмл, - ни слова больше.

- Я, кажется, слишком уж разошелся, - сказал Фледджи, - но это не намеренно.

- Ни слова, ни слова больше! - величественным тоном повторил мистер Лэмл. - Позвольте... - Фледджи вздрогнул. - Позвольте вашу руку.

Последовал обмен рукопожатиями и всяческими любезностями, в особенности со стороны мистера Лрмла, который был таким же трусом, как и Фледджи, и наравне с ним подвергался опасности навсегда проиграть борьбу за первенство в их отношениях. Впрочем, он вовремя собрался с духом и сумел использовать сведения, прочтенные в глазах своего собеседника.

К концу завтрака между ними установилось полное взаимопонимание. Было условлено, что мистер и миссис Лэмл продолжат свои махинации, будут ухаживать вместо Фледджи и обеспечат ему победу. Он же, со своей стороны, смиренно признавшись в нехватке светской любезности, умолял, чтобы его искусные помощники оказали ему всяческую поддержку.

Мог ли мистер Подснеп подозревать, какие козни плетутся вокруг его Молодой особы, какие капканы расставлены на ее пути! Он полагал, что его Молодая особа живет в покое и безопасности в храме подснепизма, выжидая того часа, когда она, Джорджиана, сочетается браком с избранником Подснепа, который предоставит ей пользоваться и владеть его достоянием нераздельно с ним. Молодую особу мистера Подснепа бросило бы в краску при одной только мысли, что можно иметь другие соображения по этому поводу, а не идти замуж за того, кого ей укажут, и, согласно брачному контракту, нераздельно с ним пользоваться и владеть его достоянием. Кто отдает эту женщину в жены этому мужчине? Я, Подснеп. И да зачухнет в корне дерзновенное помышление, будто какое-либо иное, низшее существо может стать между нами!

День был субботний, а Фледджи смог выйти из дому, восстановив наперед бодрость духа и обычную температуру носа, только после полудня. Шагая по направлению к Сити, он двигался навстречу людскому потоку, выливавшемуся оттуда, и на Сент-Мэри-Экс попал

лишь тогда, когда эта улица совсем обезлюдела и притихла. В нависшем над мостовой светло-желтом доме, около которого Фледжби задержал шаги, тоже стояла полная тишина. Шторы наверху были спущены, и дощечка с надписью "Пабси и Ко" словно дремала за стеклом конторы в нижнем этаже, смотревшей своим единственным окном на сонную улицу.

Фледжби постучал, позвонил, Фледжби позвонил, постучал, но дверь ему не открывали.

Фледжби пересек узкую улочку и посмотрел на окна верхнего этажа, но оттуда никто не посмотрел на Фледжби. Он рассердился, снова пересек узкую улочку и, видимо вспомнив о своих недавних испытаниях, дернул за ручку звонка, будто это был нос у дома. Ухо, прижатое к замочной скважине, уверило его наконец, что внутри кто-то есть. Взгляд, устремленный в замочную скважину, вероятно, подтвердил показания уха, так как Фледжби сердито дернул дом за нос и дергал и дергал его до тех пор, пока в темном дверном проеме не появился нос, но уже человеческий.

- Эй вы, сударь! - крикнул Фледжби. - Это что за шутки?

Его слова относились к еврею в старомодном длиннополом лапсердаке с глубокими карманами - к почтенному старцу с большой блестящей лысиной, окаймленной длинными седыми волосами, переплетающимися с бородой; к старцу, который приветствовал его по-восточному учтиво, склонив голову и протянув руки ладонями вниз, словно стараясь этим исполненным благородства движением умиловить своего разгневанного властелина.

- Как прикажете понимать ваше поведение? - бушевал Фледжби.

- Добрый хозяин, - отвечал старик. - Сегодня праздник, я никого не ждал.

- К черту праздники! - крикнул Фледжби, входя в дом. - Тебе-то что за дело до наших праздников! Запри дверь.

Старик повиновался, снова склонив голову. В передней за дверью висела его ветхая широкополая шляпа с низкой тульей, такая же старомодная, как и лапсердак; в углу стоял его посох - не палка, а настоящий посох. Фледжби вошел в контору, взобрался на высокую табуретку и сдвинул шляпу набекрень. По стенам конторы были развешаны нитки стекляруса, на полках стояли небольшие ящики, дешевые часы, дешевые цветочные вазы - все иноземный товар.

Фледжби в заломленной набекрень шляпе сидел на табурете, болтая ногой, и молодость его явно проигрывала по сравнению со старостью еврея, который стоял, склонив непокрытую голову, и поднимал глаза на хозяина лишь тогда, когда тот спрашивал его о чем-нибудь. Одежда на старике была такая же ветхая, как и шляпа, висевшая в передней, но, несмотря на свой убогий вид, он не вызывал к себе неприязненного чувства. А в молодом Фледжби, хоть и щеголевато одетом, было что-то мерзкое.

- Вы, сударь, так и не объяснили мне, что значит ваше поведение, сказал Фледжби, почесывая голову полями шляпы.

- Хозяин, я пошел подышать воздухом.

- Уж не в погребе ли, где ничего не слышно!

- На крыше.

- Вот это я понимаю! Так-то ты печешься о деле!

- Хозяин, - серьезно и терпеливо отвечал Старик, - для каждой сделки требуется по крайней мере два человека, а сегодня праздник, и я остался один.

- Вот оно что! Нельзя сразу быть и за продавца и за покупателя? Так, кажется, говорят у вас, у евреев?

- Если так говорят, значит это правда, - с улыбкой ответил старик.

- Не мешает вам сказать кое-когда и правду, уж очень много вы лжете, - заметил Очаровательный Фледжби.

- Хозяин, - сдержанно, но веско отвечал старик, - лжи очень много повсюду, у людей всех вероисповеданий.

Несколько огорошенный таким ответом, Очаровательный Фледжби снова почесал полями шляпы свою умную голову, чтобы выиграть время и собраться с мыслями.

- Да вот, например, - заговорил он наконец, словно последняя реплика ему и

принадлежала. - Кому, кроме нас с тобой, приходилось слышать, что еврей может быть бедняком?

- Самим же евреям, - с улыбкой поднимая на него глаза, сказал старик. - Им часто приходится слышать о бедных евреях и помогать бедным евреям.

- Чепуха! - отрезал Фледджи. - Ты прекрасно понимаешь, к чему я клоню. Тебе очень хотелось бы прикинуться бедняком, да меня не проведешь. Признайся лучше, сколько ты заработал на моем покойном родителе. Может, тогда я стану лучшего мнения о тебе.

Вместо ответа старик склонил голову и, как прежде, протянул руки вперед.

- Перестань кривляться! Тут не школа для глухонемых, - сказал остроумный Фледджи. - Веди себя по-христиански... насколько тебе это удастся.

- Болезни и несчастья довели меня до нищеты, - ответил старик, - и весь мой капитал вместе с процентами перешел в руки вашего отца. А вы, наследник, были настолько милостивы, что простили мне долги и определили меня сюда.

Он сделал легкое движение руками, словно поднес к губам край воображаемой мантии, ниспадавшей с плеч благородного юноши, который сидел перед ним. Жест этот, при всей его смиренности, был настолько живописен, что не унижил старика.

- Больше от тебя, видно, ничего не добьешься, как ни старайся, пробормотал Фледджи и бросил свирепый взгляд на своего собеседника, будто примериваясь, не выбить ли ему два-три зуба. - Признайся мне только вот в чем, Райя: кто-нибудь теперь считает тебя бедняком?

- Никто, - сказал старик.

- Вот так и надо, - одобрительно заметил Фледджи.

- Никто, - повторил старик, медленно и грустно покачав головой. - Все думают, это небылица. Если б я сказал: "Эти товары не мои", - быстрым движением своей гибкой руки он показал на вещи, лежавшие по полкам, - если б я сказал: "Это все принадлежит молодому джентльмену, христианину, который поставил меня торговать здесь и которому я обязан отчитываться в каждой проданной бусинке", - мне рассмеялись бы в лицо. А когда сюда приходят по более серьезным делам, за ссудой, я говорю...

- Берегись, старик! - перебил его Фледджи. - Смотри не проболтайся!

- Сударь, от меня слышат только то, что вы сейчас сами услышите. Когда я говорю: "Я ничего не обещаю, я не могу решать за другого, я должен спросить хозяина. Все зависит от него, у меня нет своих денег, я бедный человек", - мне не верят и так сердятся, что иной раз призывают гнев Иеговы на мою голову.

- Вот и отлично! - воскликнул Очаровательный Фледджи.

- А бывает и так, что мне говорят: "Неужели нельзя обойтись без этих уверток, мистер Райя? Бросьте, мистер Райя, бросьте! Ваш народ любит хитрить". - Мой народ! - "Если вы согласны дать ссуду, выкладывайте деньги, и поскорее! Если же не согласны, так и скажите!" Мне никогда не верят.

- Вот и хорошо, - сказал Очаровательный Фледджи.

- Мне говорят: "Понятно, мистер Райя, все понятно! Достаточно только посмотреть на вас, и все становится понятно".

"Молодец! Такого мне и надо! - подумал Фледджи. - И я тоже молодец, что выискал тебя. Я, может, соображаю не так быстро, но зато уж действую наверняка".

Ни звука из этого мысленного монолога не произнес мистер Фледджи вслух, из опасений, как бы его слуга не возомнил о себе. Но, глядя на старика, который неподвижно стоял перед ним со склоненной головой и потупленным взором, он думал, что если уменьшить ему хотя бы на дюйм лысину, укоротить на дюйм волосы, на дюйм полы лапсердака, на дюйм поля шляпы, на дюйм посох - тогда доходы его хозяина, Фледджи, уменьшатся на сотни фунтов.

- Слушай, Райя. - снова заговорил он, умиротворенный столь приятными для себя размышлениями. - Я хочу скупить побольше просроченных векселей. Займись этим.

- Будет сделано, сударь.

- Я подвел недавно кое-какие итоги и убедился, что эти операции, в общем, недурно

окупаются. Надо их расширить. Кроме того, меня интересуют финансовые дела некоторых людей. Так что не зевай.

- Все будет исполнено без промедления, сударь.

- Намекни, где следует, что ты скупаешь просроченные векселя пачками - на вес, разумеется, если тебе дадут предварительно просмотреть их. Да, вот еще что. Счетные книги принеси мне на проверку, как всегда, в понедельник, к восьми часам утра.

Райя вынул из-за пазухи складную грифельную дощечку и сделал в ней пометку.

- Вот и все, что я хотел тебе сказать, - ворчливо буркнул Фледжби, слезая с табуретки. - Разве только добавлю еще: будьте любезны, сэр, дышать воздухом в таком месте, откуда слышен звонок, или стук дверного молотка, или и то и другое. Да, кстати, как это ты ухитряешься дышать воздухом на крыше? Высовываешь голову из дымовой трубы, что ли?

- Здесь крыша плоская, сударь, и я развел на ней маленький садик.

- Деньги там прячешь, старый лис?

- Мой клад, хозяин, вполне поместился бы в горстке земли, что я насыпал для своего сада, - отвечал Райя. - Двенадцать шиллингов в неделю такое жалованье и мне, старику, прятать нечего.

- Хотел бы я знать, сколько ты на самом деле накопил, - сказал Фледжби, которого весьма устраивала собственная выдумка, будто старик богатеет на таком жалованье. - Ну, ладно! Надо еще полюбоваться твоим садом на крыше.

Старик растерянно попятился от него.

- Простите, сударь, но у меня там гости.

- Вот как! - воскликнул Фледжби. - А ты разве не знаешь, кто хозяин этого дома?

- Хозяин вы, сударь, а я здесь только слуга.

- То-то же! Я уж подумал, что ты упустил это из виду, - сказал Фледжби и, уставившись на бороду Райи, стал ощупывать себе щеки. Принимает гостей! И где - в моем доме!

- Пойдемте, сударь, я покажу вам своих гостей! Вы сами признаете, что они никому и ничему повредить не могут.

Склонившись на ходу в почтительном поклоне, так непохожем на все то, что мистер Фледжби мог бы проделать с помощью своих рук и головы, Райя стал подниматься вверх по лестнице. Глядя, как старик медленно шагает, опираясь на деревянные перила, подметая ступеньки длинными полами своего черного широкого, словно плащ, лапсердака, можно было подумать, что он возглавляет процессию, шествующую на поклонение гробнице какого-нибудь пророка. Но Очаровательный Фледжби, вместо того чтобы обременять свое воображение таким вздором, прикидывал в уме, когда у старика начала расти борода, и снова восхитился - до чего же он подходит для роли, на которую его определили.

Последние две-три ступеньки подвели их к низкой притолоке, и, согнувшись под ней, они вышли на крышу. Райя остановился, протянул руку и показал хозяину своих гостей.

Лиззи Хэксем и Дженни Рен. И для них добрый еврей, видимо инстинктивно подчиняясь древним традициям своей расы, постелил на крыше коврик. Сидя на нем возле такого неромантического предмета, как закопченная дымовая труба, по которой поднимался чахлый вьюнок, девушки вдвоем читали книгу - читали внимательно; у Дженни выражение лица было сосредоточенное, а у Лиззи - немного напряженное. На коврике лежали еще две-три книжки, стояла дешевая корзинка с дешевыми фруктами и вторая побольше, с нитками стекляруса и прочей блестящей мишурой. Несколько ящичков со скромными цветами и зеленью дополняли собой этот садик, а дымовые трубы, точно во вдовьих чепчиках, подрагивали колпачками на ветру и веером разведали вокруг себя клубы дыма, горделиво обмахиваясь ими и с удивлением поглядывая по сторонам.

Отведя глаза от книги, чтобы на память повторить прочитанное, Лиззи первая заметила, что на них смотрят. Она встала, а мисс Рен, не поднимаясь, весьма непочтительным тоном заявила важному владельцу дома:

- Не знаю, кто вы такой, но я все равно не встану, потому что у меня болит спина и ноги не слушаются.

- Это мой хозяин, - сказал Райя, выступая вперед.

("Не похож! Разве хозяева такие бывают?" - подумала мисс Рен, скосив на Фледжби глаза и вздернув подбородок.)

- А это, сударь, - продолжал старик, - маленькая швея, которая и шьет только на маленьких. Дженни, расскажи хозяину сама.

- На кукол шью, только и всего, - коротко ответила Дженни. - С примеркой очень трудно, потому что фигуры у них ни то ни се. Каждый раз гадаешь, где же талия?

- А это ее подруга. - Старик указал на Лиззи. - Работящая девушка и скромная. Да они обе такие. Трудятся с утра до вечера, сударь, с утра до вечера, а найдется свободный часок, вот хоть сегодня, в праздник, так сразу за учење.

- А что толку от этого? - заметил Фледжби.

- Кому как, - отрезала мисс Рен.

- Я познакомился с этими девушками, сударь, - продолжал старик, видимо стараясь вызвать кукольную швею на разговор, - когда они приходили ко мне покупать всякие обрезки и остатки для мастерской мисс Дженни. Наши остатки попадают в самое лучшее общество, сударь, к ее румяным маленьким заказчицам. Все это идет на отделку их шляпок и бальных платьев, в которых они, по словам мисс Дженни, бывают даже при дворе.

- А-а! - Фледжби пришлось напрячь все свои умственные способности, чтобы разобраться в этих кукольно-галантерейных делах. - Значит, у нее в корзине сегодняшние покупки?

- Значит, так, - подтвердила мисс Дженни. - И, значит, она за них заплатила.

- Ну-ка, дайте взглянуть, - скомандовал недоверчивый хозяин. Райя подал ему корзинку. - Сколько же за все?

- На два серебряных шиллинга не покупились, - ответила мисс Рен.

Отвечая на вопросительный взгляд Фледжби, Райя подтвердил ее слова двумя кивками. По одному кивку на шиллинг.

- Ну что ж, - сказал Фледжби, копаясь в корзине, - цена не плохая. Но и товару вам тоже не пожалели, мисс... как вас там?

- Имя не трудное - Дженни, - преспокойно подсказала ему эта юная особа.

- Товару вам не пожалели, мисс Дженни, хотя цена не плохая. А вы... обращаясь ко второй гостье, - вы здесь тоже что-нибудь покупаете, мисс?

- Нет, сэ.

- И ничего не продаете, мисс?

- Нет, сэ.

Поглядев искоса на неотвязного Фледжби, Дженни тихонько тронула подругу за руку, потом потянула подругу к себе, и той пришлось опуститься на колени рядом с ней.

- Мы так счастливы, что можно приходиться сюда отдыхать, сэ, - сказала кукольная швея. - Ведь вы даже представить себе не можете, как нам хорошо здесь. Правду я говорю, Лиззи? Тишина, воздух!

- Тишина! - повторил Фледжби, презрительно мотнув головой в сторону грохочущего Сити. - Воздух! Пф! - последнее относилось к дыму.

- Да, - сказала Дженни. - Зато высоко, высоко! Смотришь сверху, как облака проносятся над узкими улочками, не замечая их, и как золотые лучи тянутся к высоким горам, в небо, откуда дует ветер, и такое у тебя чувство, будто ты мертвая. - Девочка устремила глаза ввысь, подняв свою тонкую, прозрачную руку.

- Как же это мертвые себя чувствуют? - с оторопелым видом спросил Фледжби.

- Ах! Так покойно, так мирно! - воскликнула девочка и улыбнулась. - А душа преисполнена такой благодарности! Слышишь, как живые плачут, трудятся, окликают друг друга там, внизу, на темных, узких улицах, и жалеешь их от всего сердца. И кажется, будто цепи спадают с ног и всю тебя охватывает такое странное чувство - и радостно тебе и грустно.

Взгляд девочки упал на старика, который стоял, сложив руки на груди, и спокойно смотрел на нее.

- Да вот только минуту назад, - продолжала она, протянув к нему руку, - мне почудилось, будто он поднялся из могилы. Он вышел из этой низкой двери такой сгорбленный, усталый, потом вздохнул глубоко-глубоко, выпрямился, обвел глазами небо, подставил лицо ветру, и его жизни там, внизу, в темноте, пришел конец... А потом его снова позвали обратно, добавила она, устремив на Фледжби взгляд, в котором не было и следа прежней просветленности. - Зачем вы его позвали?

- Он не поторопился на мой зов, - буркнул Фледжби.

- Ведь вы не мертвый, - сказала Дженни Рен. - Ну и возвращайтесь назад, к живым.

Сочтя такой намек вполне достаточным, мистер Фледжби кивнул на прощанье и отвернулся от них. Райя пошел проводить его вниз по лестнице, и лишь только они скрылись за дверью, позади послышался серебристый голосок девочки: "Скорей назад! От жизни к смерти!" - И эти слова еще долго неслись им вслед, мало-помалу затихая вдаль: "Скорей назад! От жизни к смерти! Скорей назад! От жизни к смерти!"

В передней Фледжби остановился под старой широкополой шляпой и, машинально поигрывая посохом старика, проговорил:

- Красивая девушка... та, что в своем уме.

- Красивая и хорошая, - ответил Райя.

- Кто ее знает, - сказал Фледжби и свистнул. - Надеюсь, впрочем, она не настолько испорчена, чтобы навести на контору какого-нибудь молодчика, который взломает здесь все замки. Ты не зевай, смотри в оба. И не приглашай сюда никаких новых знакомых, будь это хоть раскрасавицы. Полагаю, ты держишь мое имя в тайне?

- Будьте уверены, сударь.

- Если они спросят, назови меня Пабси, или Ко, или еще как-нибудь, только не по-настоящему.

Его признательный слуга - а признательность чувство глубокое, сильное, стойкое у представителей этой национальности - склонил голову и на этот раз в самом деле поднес к губам край одежды Фледжби, но таким быстрым, легким движением, что тот ничего не заметил. И Очаровательный Фледжби вышел из конторы, восхищаясь собственным хитроумием, с каким ему удалось обвести еврея вокруг пальца, а старик снова побрел к лестнице.

Райя поднимался вверх по ступенькам, слыша все явственнее и явственнее мелодичный зов или напев, и когда он поднял голову, над ним, в сияющей рамке золотистых волос показалось лицо девочки, чистым голосом повторяющей одни и те же слова: "Скорей назад! От жизни к смерти! Скорей назад! От жизни к смерти!"

ГЛАВА VI - Загадка без отгадки

Мистер Мортимер Лайтвуд и мистер Юджин Рэйберн снова сидели вдвоем в Тэмпле. Однако на этот раз мы застали их вечерней порой не в конторе нашего видного адвоката, а в столь же мрачных апартаментах второго этажа, на черной двери которых, похожей на тюремную, была дощечка с надписью:

Частная квартира

М-р ЮДЖИН РЭЙБЕРН

М-р МОРТИМЕР ЛАЙТВУД

(Контора м-ра Лайтвуда напротив).

Судя по всему, помещение это было снято и обставлено совсем недавно. Белые буквы дощечки отличались чрезвычайной белизной и чрезвычайно сильным запахом; свежая лакировка столов и стульев заставляла (подобно свежести леди Типпинз) несколько сомневаться в ее естественности, а ковры и дорожки сразу бросались в глаза чрезмерной четкостью узоров. Впрочем, можно было не сомневаться, что Тэмпл, имеющий обыкновение умерять тон как неодушевленным, так и одушевленным предметам, не преминет в самом ближайшем будущем навести свои порядки и здесь.

- Ну что ж, - сказал Юджин, сидевший налево от камина. - Я чувствую себя более или менее сносно. Надеюсь, наш обойщик тоже ни на что не может пожаловаться.

- А с чего бы ему жаловаться? - спросил Лайтвуд, сидевший направо от камина.
- Да, разумеется, - задумчиво проговорил Юджип. - Ведь он не посвящен в наши финансовые дела и может пребывать в полном спокойствии.

- Мы ему заплатим, - сказал Мортимер.

- Заплатим? - удивленно протянул Юджин. - Да неужели?

- Во всяком случае, я намерен заплатить, - возразил Мортимер слегка обиженным тоном.

- Ах, я тоже намерен! - воскликнул Юджин. - Но у меня столько всяких намерений, что... что я ничего не намерен делать.

- Как так?

- У меня столько всяких намерений, мой дорогой Мортимер! Но они остаются всего лишь намерениями, а это равносильно ничегонеделанью.

Мортимер, удобно откинувшись на спинку кресла, с минуту смотрел на своего друга, тоже удобно откинувшегося на спинку кресла, потом вытянул ноги поближе к огню и сказал с улыбкой, которую Юджин Рэйберн, казалось бы, сам того не желая, всегда вызывал в нем.

- Однако твои причуды сильно раздули счет.

- И он называет мою домовитость причудой! - воскликнул Юджин, возводя очи к потолку.

- Наша идеальная маленькая кухонька, - продолжал Мортимер, - в которой никто никогда не будет стряпать...

- Друг мой! Дорогой мой друг! - перебил его Юджин, лениво приподняв голову со спинки кресла. - Сколько раз мне приходится повторять, что важна не сама кухня, а ее моральное воздействие!

- Моральное воздействие на кого - на тебя? - рассмеялся Лайтвуд.

- Окажи мне такую любезность, - с полной серьезностью проговорил Юджин, вставая с кресла, - пойдем обследуем ту часть наших апартаментов, которую ты столь опрометчиво подвергаешь осмеянию. - Он взял свечу и провел своего друга в маленькую узкую комнатку - четвертую в их квартире, заботливо оборудованную под кухню. - Прошу полюбоваться, - сказал Юджин. Миниатюрный бочонок для муки, скалка, ящичек для пряностей, полочка с глиняной посудой, доска для резки мяса, кофейная мельница, кухонный шкафчик, в котором с большим вкусом расставлена посуда: кастрюли, сковородки, вертел, прелестный чайник и целая батарея колпаков для блюд. Все эти предметы могут оказать огромное моральное воздействие и пробудить во мне стремление к домовитости. Во мне, а не в тебе, ибо ты человек безнадежный. Откровенно говоря, я уже начинаю чувствовать на себе это воздействие. Будь любезен заглянуть в мою спальню. Видишь? Секретер красного дерева с множеством отделений, по одному на каждую букву алфавита. Для какой цели они предназначены? Допустим, приходит счет - хотя бы от некоего Джонса. Я сажусь за секретер, делаю на счете надпись "Джонс" и кладу этот документ в отделение на букву "Д". Почти то же самое, что получить расписку в уплате долга, - по крайней мере меня это вполне удовлетворяет. И я очень хотел бы, Мортимер, - Юджин сидел на кровати и вещал тоном философа, наставляющего ученика. - Я очень хотел бы, чтобы ты, следуя моему примеру, выработал в себе пунктуальность и методичность и, живя в окружении предметов, которые оказывают огромное моральное воздействие на человека, обрел стремление к домовитости.

Мортимер снова рассмеялся и ответил на тираду своего приятеля обычными в подобных случаях возгласами: "Ну можно ли так паясничать!", "Какой ты чудак!" Но вот он умолк, и лицо его сразу приняло серьезное, а может быть, и встревоженное выражение. Несмотря на дурную привычку напускать на себя пресыщенный, равнодушный вид, - привычку, ставшую его второй натурой, Мортимер был очень привязан к своему другу. Он подпал под влияние Юджина, когда они еще вместе учились в школе, и по сию пору подражал ему, восхищался им, любил его ничуть не меньше, чем в те давно минувшие дни.

- Юджин, - начал он, - постарайся быть серьезным хотя бы минуту, я хочу серьезно поговорить с тобой.

- Поговорить, да еще серьезно? - переспросил Юджин. - Моральное воздействие

начинает сказываться! Ну, говори.

- Хорошо. Хотя ты все еще не настроился на серьезный лад.

- В этой тяге к серьезным беседам, - пробормотал Юджин, как бы в глубоком раздумье, - чувствуется благотворное влияние мучного бочонка и кофейной мельницы. Я удовлетворен!

- Юджин, - продолжал Мортимер, не смущаясь тем, что его перебили, и кладя руку на плечо друга, сидевшего перед ним на кровати. - Ты что-то утаиваешь от меня.

Тот посмотрел на него и ничего не сказал.

- Ты тайлся от меня все лето. Мы задумали провести отдых на лодке, и ты обрадовался этому, как в детстве, когда нас с тобой учили работать веслами, потом сразу охладел к поездке, явно тяготился ею и то и дело куда-то исчезал. Со свойственной тебе чудаковатостью, которую я так хорошо знаю и так люблю, ты твердил мне десятки раз, что боишься, как бы мы не надоели друг другу, что твои отлучки - это мера предосторожности. Но в конце концов я начал думать: может быть, за ними что-то кроется? Я тебя ни о чем не спрашиваю, сам ты молчишь. Однако факт остается фактом. Признайся, так это или не так?

- Клянусь тебе, Мортимер, - серьезно проговорил Юджин после короткой паузы, - что я и сам не знаю.

- Не знаешь, Юджин?

- Честное слово, не знаю. Верь мне! Я разбираюсь в самом себе гораздо хуже, чем в других людях.

- Ты что-то задумал?

- Задумал? Да как будто нет.

- Во всяком случае, у тебя появились какие-то интересы, которых раньше не было.

- Право, не знаю, - отвечал Юджин, подумав минутку, и неуверенно покачал головой. - Иногда мне казалось - да, иногда - нет. Временами мысли мои действительно были чем-то заняты, а потом я думал: "Вздор, надоело, зачем себя связывать!" Я признался бы тебе, но, честное слово, я сам ничего не знаю.

Он встал с кровати, тоже положил Лайтвуду руку на плечо и сказал:

- Принимай своего друга таким, какой он есть, дорогой Мортимер. Моя натура тебе хорошо известна. Ты знаешь, что скука гоняется за мной по пятам. Ты знаешь, что, став взрослым и признав себя ходячей загадкой, я изо всех сил старался разгадать ее и наскучил самому себе до предела. Ты знаешь, что под конец я оставил эти попытки и на все махнул рукой. Как же можно требовать от меня ответа, если я до него не докопался? Помнишь старинную детскую загадку? "Думай, голову ломай, - кто я, кто я, отгадай!" Так вот, отгадать я не в силах.

Это фантастическое признание было настолько в духе беспечного Юджина, что Мортимер не решился счесть его ответ простой уверткой. Кроме того, Юджин говорил с подкупающей искренностью и оказывал особую честь своему другу, не распространяя на него своего пренебрежительно равнодушного отношения ко всему на свете.

- Пойдем, старина, - сказал Юджин. - Пойдем покурим. Посмотрим, что из этого получится. Может быть, после сигары наступит просветление, и тогда я немедленно во всем тебе признаюсь.

Они вернулись в гостиную и распахнули там окна, потому что камин горел жарко. Потом закурили сигары и, облокотившись о подоконник, стали смотреть на освещенный луной двор.

- Сигара не подействовала, - сказал Юджин после долгой паузы. - Не сердись, мой дорогой Мортимер, но признания у меня что-то не получается.

- Если не получается, - ответил тот, - значит ничего нет. И ничего не будет. Ничего такого, что могло бы причинить вред тебе или...

Юджин остановил Лайтвуда, коснувшись рукой его плеча, взял из цветочного горшка на подоконнике комок сухой земли и ловко швырнул им в маленькое пятно света внизу. Удовлетворившись своей меткостью, он повторил:

- Или?

- Или кому-нибудь другому.

- Каким же образом... - Юджин взял второй комок и не менее метко попал им в ту же мишень. - Каким же образом тут может пострадать кто-то другой?

- Не знаю.

- И кто... - Юджин швырнул третий комок. - Кто именно?

- Не знаю.

Задержав занесенную над головой руку с очередным комком земли, Юджин пытливо и несколько подозрительно посмотрел в лицо другу. Тот ответил ему прямым, открытым взглядом.

- Двое запоздалых странников, плутая в лабиринте юриспруденции, зашли к нам во двор, - сказал Юджин, услышав звук чьих-то шагов, и посмотрел вниз. - Они изучают дощечки на двери номер один, разыскивая нужную им фамилию. Не найдя ее, переходят к двери номер два. На шляпу странника номер два, того, что поменьше ростом, я бросаю этот комок земли. Попадаю прямо в цель и с безмятежным видом продолжаю курить, устремив взор в небеса.

Странники взглянули вверх, на окна, сказали что-то друг другу и снова занялись осмотром дверей. По-видимому, результаты осмотра удовлетворили их, так как через минуту они скрылись из виду в подъезде.

- Дай им только выйти, - сказал Юджин, - я их обоих уложу на месте, и приготовил два комочка земли.

Он не мог предполагать, что эти люди ищут его или Лайтвуда. Но, по-видимому, так оно и было, ибо вскоре в их дверь постучали.

- Не ходи, Юджин, сегодня моя очередь, - сказал Мортимер. Юджина не понадобилось уговаривать; ничуть не интересуясь тем, кто же это стучится к ним, он спокойно продолжал курить до тех пор, пока вернувшийся обратно Мортимер не тронул его за плечо. Тогда он поднялся с подоконника и с первого взгляда узнал вошедших.

Это были Чарли Хэксем и учитель.

- Ты помнишь этого юношу? - спросил Мортимер.

- Дай мне на него взглянуть, - невозмутимым тоном ответил Рэйберн. А, да! Помню.

Он не собирался, как в первый раз, взять мальчика за подбородок, но тот, заподозрив его в этом, сердито вздернул локоть на уровень лица. Рэйберн со смехом перевел взгляд на Лайтвуда в надежде, что друг объяснит ему это странное посещение.

- Он хочет поговорить о чем-то.

- Разумеется, с тобой, Мортимер?

- Я сам так думал, но, оказывается, нет. Он хочет поговорить с тобой.

- Да, с вами, - подтвердил мальчик. - И я скажу все, что мне надо сказать, мистер Юджин Рэйберн!

Скользнув по нему взглядом, словно по пустому месту, Юджин посмотрел на стоявшего поодаль Брэдли Хэдстона. Потом повернулся к Лайтвуду и, стараясь как можно ленивее растягивать слова, спросил:

- А другой кто?

- Я друг Чарли Хэксема, - ответил Брэдли. - Я учитель Чарли Хэксема.

- В таком случае, уважаемый сэр, вам не мешало бы научить своих учеников хорошим манерам, - сказал Юджин.

Преспокойно попыхивая сигарой, он облокотился о каминную доску и посмотрел на учителя в упор. Это был жестокий своей холодной презрительностью взгляд, говоривший о том, что Юджин считал полным ничтожеством человека, который стоял перед ним. Тот в свою очередь посмотрел на Юджина, и взгляд его был не менее жесток, хотя вместо презрения в нем бушевала смертельная ревность и яростная злоба.

Примечательное обстоятельство! Ни Юджин Рэйберн, ни Брэдли Хэдстон не уделили ни единого взгляда мальчику. Во время дальнейшего разговора оба они, независимо от того, кто из них говорил или кто к кому обращался, смотрели только друг на друга. Они понимали друг друга безошибочно, и это скрытое от посторонних взаимопонимание ожесточало их.

- Мои ученики, мистер Юджин Рэйберн, - побелевшими, трясущимися губами

проговорил Брэдли, - не лишены чувств, вполне естественных и высоких чувств, которых не заглушить учительскими наставлениями.

- Смею думать, что это относится ко всем их чувствам, не только высоким, но и низким, - ответил Юджин, с наслаждением затягиваясь сигарой. - Вы, оказывается, совершенно точно знаете мое имя и фамилию. Будьте любезны назвать себя.

- Вряд ли вам интересно это знать, но...

- Вы правы. - Юджин сразу воспользовался его оплошностью и нанес удар со всей силой.

- Меня ваше имя совершенно не интересует. Я могу называть вас просто учитель, тем более что это весьма почтенное звание. Вы правы, учитель.

Боль от этого удара была особенно чувствительна еще и потому, что Брэдли Хэдстон, не остерегшись в запальчивости, сам дал к нему повод. Он сжал губы, чтобы они не дрожали, но дрожь все же пробежала по ним.

- Мистер Юджин Рэйберн, - сказал мальчик, - мне давно хотелось поговорить с вами. Так хотелось, что мы отыскивали ваш адрес в справочнике и были у вас в конторе, а из конторы пришли сюда.

- Вы не пожалели трудов, учитель, - заметил Юджин, сдунув пушистый пепел с сигары. - Надеюсь, они не пропадут даром.

- И я очень рад, - продолжал мальчик, - что буду говорить в присутствии мистера Лайтвуда, потому что благодаря мистеру Лайтвуду вы и встретились с моей сестрой.

На один только миг Рэйберн отвел глаза от учителя, чтобы проверить, какое впечатление произвело последнее слово на Мортимера, а тот, услышав это слово, сейчас же повернулся лицом к камину и уставился на огонь.

- И благодаря мистеру Лайтвуду вы увиделись с ней во второй раз, потому что вы были с мистером Лайтвудом, когда нашли тело моего отца. На другой день я опять застал вас у сестры. С тех пор вы много раз виделись с ней. Вы встречаетесь с моей сестрой все чаще и чаще. И я хочу знать, зачем?

- Стоило ли трудиться, учитель? И ради чего? - протянул Юджин таким тоном, будто его все это совершенно не касалось. - Разумеется, вам лучше знать, но, по-моему, не стоило.

- Я не понимаю, мистер Рэйберн, - ответил Брэдли, свирепея все больше и больше, - почему вы обращаетесь ко мне?

- Не понимаете? - сказал Юджин. - Тогда я не буду к вам обращаться.

Он проговорил это таким презрительным и в то же время безмятежным тоном, что рука, сжимавшая приличную волосную цепочку от приличных часов, с наслаждением накинула бы эту цепочку ему на шею и задушила бы его. Не считая нужным добавить больше ни слова, Юджин стоял, облокотившись о камин, попыхивая сигарой, и с невозмутимым видом смотрел на кипевшего Брэдли Хэдстона, на его судорожно стиснутую правую руку, - до тех пор, пока тот не почувствовал, что теряет рассудок от ярости.

- Мистер Рэйберн, - снова заговорил мальчик, - мы знаем не только то, в чем я вас обвинил сейчас, а гораздо больше. Сестра еще не догадывается об этом, но нам все известно. Мы с мистером Хэдстоном решили дать образование моей сестре, и руководить ею будет сам мистер Хэдстон. Вот вы покуриваете сигару и всем своим видом показываете, что он не заслуживает вашего уважения, а лучшего учителя вам не найти, как ни старайтесь. Мы все обдумали, и что же оказывается? Что оказывается, мистер Лайтвуд? Оказывается, мою сестру уже кто-то учит без нашего ведома! Оказывается, мне, брату, и мистеру Хэдстону, лучшему учителю, какого только можно найти, - почитайте его аттестаты! - не удалось склонить мою сестру на свою сторону ради ее же блага! Оказывается, моя сестра самовольно и с большой охотой приняла помощь от кого-то другого и трудится, не жалея сил. Ведь я-то знаю, каких трудов это стоит, и мистер Хэдстон тоже знает! Разумеется, мы с мистером Хэдстоном догадались, что за ее уроки кто-то платит. Но кто же? Мы решили доискаться правды, и мы доискались, мистер Лайтвуд. Платит ваш друг, вот этот самый мистер Юджин Рэйберн. И я спрашиваю его, кто дал ему такое право, и зачем он так делает, и как он осмелился позволить себе это без моего согласия? Я стараюсь выбиться в люди собственными силами и с помощью

мистера Хэдстона и не могу допустить, чтобы кто-то губил мое будущее, бросая тень на меня, на мое доброе имя! И все из-за сестры!

Эта по-мальчишески беспомощная, к тому же полная эгоизма речь могла произвести только самое жалкое впечатление. Однако Брэдли Хэдстон, привыкший иметь дело со школьниками, а не с людьми зрелого ума, выслушал ее с торжествующим видом.

- И вот я заявляю мистеру Юджину Рэйберну, - продолжал мальчик, вынужденный говорить в третьем лице, так как обращаться к Юджину прямо было бесполезно. - Я заявляю ему, что мне не нравятся его встречи с моей сестрой, и я требую, чтобы он прекратил всякое знакомство с нею. Только пусть не думает, будто я опасаюсь, как бы моя сестра не заинтересовалась им.

(Мальчик презрительно усмехнулся, вслед за ним усмехнулся и учитель, а Юджин снова сдунул пушистый пепел с сигары.)

- Довольно и того, что мне это не нравится. Я значу для моей сестры гораздо больше, чем мистер Юджин Рэйберн может предположить. Я сам выйду в люди и ее выведу вместе с собой. Она знает это, знает, что ее будущее зависит от меня. Мы с мистером Хэдстоном отлично все понимаем. Моя сестра хорошая девушка, только большая фантазерка. Разумеется, она фантазирует не о каких-нибудь Юджинах Рэйбернах, ее голова полна романтических бредней о долге перед покойным отцом и о других таких же вещах. Мистер Рэйберн поощряет фантазии моей сестры, чтобы выиграть в ее глазах, и она считает себя обязанной ему. Может статься, ей даже приятно быть ему чем-то обязанной. Но я не желаю, чтобы моя сестра была обязана кому бы то ни было, кроме меня и мистера Хэдстона. И я заявляю мистеру Рэйберну: если он не прислушается к моим словам, ей же будет хуже. Пусть вникнет в это как следует. Ей же будет хуже!

Наступило молчание, по-видимому очень тягостное для Брэдли Хэдстона.

- А теперь, учитель, - проговорил Юджин, вынимая изо рта почти докуренную сигару и разглядывая ее, - может быть, вы уведете отсюда своего ученика?

- Мистер Лайтвуд! - Мальчик весь вспыхнул оттого, что ему не только не ответили, но и оставили его речь вовсе без внимания. - Надеюсь, вы учтете каждое слово, которое я сказал вашему приятелю, каждое слово, которое ваш приятель услышал от меня, хоть он и притворяется, будто ему ничего не было сказано. Вам придется учесть все это, мистер Лайтвуд, потому что вы, как я уже говорил, вы-то и свели вашего приятеля с моей сестрой. Только по вашей милости мы его и узнали. Видит бог, он нам вовсе не нужен, и скучать по нем мы не будем. А теперь, мистер Хэдстон, поскольку мистер Юджин Рэйберн волей-неволей выслушал то, что я хотел ему сказать, а я высказал все до последнего слова, нам больше нечего здесь делать, и мы можем уйти.

- Сойди вниз, Хэксем, а я задержусь тут на минутку, - ответил ему Брэдли. Мальчик покорился с негодующим видом и, стараясь топтать как можно громче, вразвалку вышел из комнаты. Лайтвуд отвернулся к окну, облокотился на подоконник и выглянул во двор.

- Вы думаете, я не больше стою, чем грязь у вас под ногами. - Брэдли старался говорить раздельно и внятно, иначе он не выговорил бы ни слова.

- Поверьте мне, учитель, - ответил ему Юджин, - я о вас вовсе не думаю.

- Неправда! - сказал тот. - Вы сами понимаете, что это неправда!

- Фи! Как грубо! - проговорил Юджин. - Впрочем, где вам это понять.

- Во всяком случае, мистер Рэйберн, я понимаю хотя бы то, что мне нечего тягаться с вами в надменности и в умении оскорблять людей. Мальчик, который только что вышел отсюда, мог бы за каких-нибудь полчаса посрамить вас своими познаниями в науках, но вы отнеслись к нему как к существу низшему. Вам, вероятно, ничего не стоит поступить точно так же и со мной.

- Весьма возможно, - согласился Юджин.

- Но я не мальчик, сэр, - добавил Брэдли, сжимая цепочку в правой руке. - И я заставлю себя выслушать.

- Учителей слушают в классе, - сказал Юджин. - На вашем месте я бы этим

удовольствовался.

- А я не удовольствуюсь, - ответил Хэдстон, побелев от ярости. Неужели вы думаете, что человек, который избрал такое поприще и изо дня в день следит за собой и сдерживает себя во всем, чтобы как можно лучше выполнять свои обязанности, - неужели вы думаете, что такой человек лишен человеческих чувств?

- На мой взгляд, - сказал Юджин, - вы даже слишком пылки. Хорошему учителю не пристало давать волю своим чувствам. - И с этими словами он швырнул окурок в камин.

- С вами, сэр, я действительно таков. И я уважаю себя за это, сэр. Но ведь среди моих учеников нет дьяволов.

- А среди учителей? - спросил Юджин.

- Мистер Рэйберн!

- Да, учитель?

- Сэр! Меня зовут Брэдли Хэдстон.

- Как вы совершенно справедливо изволили заметить, уважаемый, мне до этого нет никакого дела. Что вы еще хотите сказать?

- Еще?.. Боже! Какое это несчастье! - перебил самого себя Брэдли, дрожа всем телом и вытирая мокрое от пота лицо. - Какое несчастье, что я не могу справиться с собой и выказываю свою слабость человеку, который держится с таким спокойствием, хотя ему за всю его жизнь не пришлось испытать того, что я испытал за один день! - Он выкрикнул это с болью и судорожно вцепился руками в грудь, словно собираясь растерзать себя на части.

Юджин Рэйберн не сводил с него глаз, видимо заинтересовавшись им.

- Мистер Рэйберн, я хочу сказать вам кое-что и от своего имени.

- Ну, говорите, говорите! - Глядя, как учитель пытается взять себя в руки, Юджин снизошел до того, что даже выказал легкое нетерпение. - И позвольте мне напомнить вам: дверь открыта, а ваш юный друг дожидается вас на лестнице.

- Я шел сюда, сэр, и думал: если мистер Юджин Рэйберн не пожелает выслушать мальчика, то со мной ему никто не позволит так обойтись, и пусть он узнает от меня, что, повинувшись чувству, мой ученик поступает разумно и правильно. - Брэдли стоило огромных усилий сказать это.

- Теперь все? - спросил Юджин.

- Нет, сэр, - яростно выкрикнул учитель. - Я разделяю возмущение моего ученика по поводу ваших визитов к его сестре и по поводу той назойливости... хуже, чем назойливости! - с которой вы навязываете ей свои услуги.

- Теперь все? - спросил Юджин.

- Нет, сэр. Я должен сказать вам, что вы не имеете никакого права так поступать и что ваше поведение оскорбительно для его сестры.

- Вы наставляете не только брата, но и сестру? Или, может быть, вам хочется стать ее наставником? - сказал Юджин.

Кровь бросилась Брэдли Хэдстону в лицо так бурно, словно этот удар был нанесен кинжалом.

- Как вас понимать? - Больше учитель ничего не мог выговорить.

- Желание вполне естественное, ничего не скажешь, - преспокойно продолжал Юджин. - Его сестра... пожалуй, это слово слишком часто у вас на языке... Его сестра так выделяется в своей среде, она так отлична от той мелкоты, которая окружает ее, что ваше желание вполне естественно.

- Вы издеваетесь над моей безвестностью, мистер Рэйберн?

- Ну что вы, учитель! Ведь я о вас ничего не знаю и не стараюсь узнать.

- Вы попрекаете меня моим происхождением, моим воспитанием. Так знайте же, сэр, что, несмотря ни на что, я пробил себе дорогу в жизни. У меня есть все основания считать себя выше вас, я с большим правом могу гордиться собой.

- Каким образом можно чем-то попрекать человека, когда ничего о нем не знаешь, и как можно побивать его камнями, когда их нет в руке, - такая задача под силу только учителю. Ну,

теперь все?

- Нет, сэр. Если вам кажется, что этот мальчик...

- Которому, право, скоро наскучит ждать, - вежливо вставил Юджин.

- Если вам кажется, что у этого мальчика нет друзей, мистер Рэйберн, то вы ошибаетесь.

Я ему друг, и вы скоро убедитесь в этом.

- А вы скоро убедитесь в том, что он ждет вас на лестнице, - повторил Юджин.

- Вы, вероятно, полагали, сэр, будто с неопытным мальчиком, у которого нет ни друзей, ни наставников, можно не церемониться. Но ваши низкие расчеты неправильны, предупреждаю вас. Вам придется иметь дело и со взрослым мужчиной. Вам придется иметь дело со мной. Я поддержу его и, если понадобится, добьюсь, что он будет отомщен. Я протяну ему руку помощи. Мое сердце открыто для него.

- Какое совпадение! И дверь тоже открыта, - сказал Юджин.

- Я презираю ваши увертки! - воскликнул учитель. - У вас хватает низости глумиться над моим низким происхождением. Вы презренный человек! Если мы приходили напрасно и все останется по-прежнему, я буду действовать так, как действовал бы, когда б считал вас своим личным врагом, хоть вы и не заслуживаете такой чести.

С этими словами он круто повернулся и вышел, шагая с нарочитой угловатостью, назло Юджину, стоявшему в спокойной, непринужденной позе, и тяжелая дверь захлопнулась за ним, словно заслонка горна, скрывая за собой его раскаленную добела ярость.

- Вот одержимый! - сказал Юджин. - Воображает, будто его матушка известна всем и каждому!

Он окликнул Мортимера Лайтвуда. Тот отошел от окна, куда деликатно удалился во время предыдущего разговора, и стал медленно ходить по комнате.

- Мои неожиданные гости, кажется, утомили тебя, - сказал Юджин, закуривая вторую сигару. - Если в качестве контрпретензии (прости мне судебскую терминологию) ты захочешь пригласить к чаю леди Типпинз, я обязуюсь ухаживать за ней.

- Юджин, Юджин, Юджин! - воскликнул Мортимер, продолжая шагать взад и вперед. - Как это тяжело! И подумать только, что я мог проявить такую слепоту!

- При чем тут слепота, милый? - осведомился его невозмутимый друг.

- Ты помнишь свои слова той ночью в харчевне на берегу Темзы? сказал Лайтвуд, останавливаясь. - О чем ты спросил меня тогда? Не кажусь ли я самому себе, при мысли об этой девушке, этакой дрянной комбинацией предателя с карманным воришкой?

- Да, припоминаю, - ответил Юджин.

- Кем же ты считаешь себя теперь, когда думаешь о ней?

Прямого ответа на этот вопрос не последовало. Его друг несколько раз затянулся сигарой, а потом сказал:

- Ты ошибаешься, Мортимер. Более порядочной девушки, чем Лиззи Хэксем, нет во всем Лондоне. Нет более порядочной девушки и среди моих родных и среди твоих.

- Допустим. Что же дальше?

- А вот теперь, - сказал Юджин, с сомнением во взгляде следя за Мортимером, снова зашагавшим по комнате, - теперь ты опять заставляешь меня отгадывать загадку, перед которой я давно спасовал.

- Юджин, ты решил обольстить и бросить эту девушку?

- Разумеется, нет, друг мой!

- Ты решил жениться на ней?

- Разумеется, нет, друг мой!

- Ты решил преследовать ее?

- Друг мой! Никаких таких решений я не принимал. Я вообще не способен что-либо решать. Если бы в голове у меня вдруг возникло какое-либо решение, я изнемог бы от умственных усилий и немедленно махнул бы на него рукой.

- Ах, Юджин, Юджин!

- Мортимер, дорогой мой! Умоляю тебя, оставь этот меланхолически укоризненный тон.

Я могу сказать тебе только то, что знаю, и покаяться в своем неведении относительно самого себя. Помнишь ту старинную песенку, которая почему-то считается веселой, а на деле самая мрачная из всех, какие только мне приходилось слышать?

Гоните меланхолию! *

Зачем нам тосковать

И жизнь с ее безумством

Слезами обливаться!

Так пойте, пойте весело.

Тра-ля-тра-ля-ля-ля...

"Тра-ля-тра-ля-ля-ля" петь не стоит, мой дорогой Мортимер, тем более что эти звукосочетания довольно бессмысленны. Давай лучше споем про загадку, которая нам не по силам.

- Ты встречаешься с этой девушкой, Юджин? Значит, то, что говорили эти люди, правда?

- Я признаюсь моему почтенному и ученому другу и в том и другом.

- Так чем же это кончится? Что ты делаешь? Куда ты идешь?

- Мой дорогой Мортимер! Можно подумать, что этот учитель занес сюда заразу - ты закидал меня вопросами, как на экзамене! Тебе надо выкурить еще одну сигару для восстановления душевного равновесия. Вот возьми, прошу тебя. Прикури о мою, она еще не потухла. Та-ак! А теперь воздай мне должное и согласишься, что я изо всех сил стремлюсь к самосовершенствованию и что недавние события пролили свет на нашу кухонную утварь, которую до сих пор ты видел как в тумане и потому поторопился - да, да, поторопился! осмеять. Сознывая свои недостатки, я окружил себя вещами, моральное воздействие коих способствует зарождению в человеке домовитости. Этому моральному воздействию, а также благотворному влиянию моего закадычного друга можешь спокойно препоручить меня со своими наилучшими пожеланиями.

- Ах, Юджин! - ласково проговорил Лайтвуд, остановившись перед ним, так что теперь их обоих окутывало облачко сигарного дыма. - Почему ты не хочешь ответить на мои вопросы? Чем же это кончится? Что ты делаешь? Куда ты идешь?

- Дорогой Мортимер! - сказал Юджин, разгоняя рукой дым, чтобы друг ясно видел его лицо, его открытый взгляд. - Верь мне, я ответил бы на них ни минуты не медля, если бы только мог. Но для этого мне надо снова попробовать разгадать одну мучительную загадку, на которую я давно махнул рукой. Вот она: Юджин Рэйберн. - Он похлопал себя по лбу и по груди. "Думай, голову ломай! Кто я, кто я, отгадай!" Нет! Разве отгадаешь? И пытаться нечего!

ГЛАВА VII, в которой двое заключают дружеский договор

Расписание занятий, установленное мистером Боффи-ном и его чтецом, мистером Сайласом Веггом, претерпело изменения в связи с изменившимся образом жизни мистера Боффина, и Римская империя стала приходить теперь в упадок больше по утрам, в великолепном аристократическом особняке, а не в вечерние часы и не в "Приюте Боффина", как было заведено раньше. Впрочем, иногда, ища хотя бы ненадолго передышки от стеснительных условностей моды, мистер Боффин с наступлением темноты сам появлялся в "Приюте" и, усевшись на тот же деревянный ларь, внимал рассказу о быстро клонившихся к закату судьбах безвольных, растрепанных властителей мира, которые уже находились при последнем издыхании. Если бы Вегг получал меньшую мзду от своего патрона или больше подходил бы для должности чтеца, он, вероятно, считал бы посещения мистера Боффина приятными и лестными для себя. Но, будучи шарлатаном, получающим за свое шарлатанство хорошее жалованье, мистер Сайлас Вегг весь кипел от таких посещений. Это только подтверждало общее правило, что плохой слуга, у кого бы он ни находился в услужении, всегда ополчается против своего хозяина. Даже те правители, те вельможные и достопочтенные особы, которые занимают высокие посты по праву рождения и выглядят сущими ослами, даже они, все до единого, - недоверием ли, ничем не оправданным, тупой ли надменностью, - выказывают враждебность к своему хозяину. То, что верно по отношению к слуге и к господину в государственных масштабах, с полным правом можно распространить

и на всех слуг и господ, какие только есть на белом свете.

Когда мистер Сайлас Вегг, наконец, получил свободный доступ в "наш дом", как он привык называть особняк, у стен которого просидел много лет под открытым небом, и когда он, наконец, убедился, насколько там все до мелочей не соответствует его прежним представлениям (чего, в сущности, и следовало ожидать), этот дальновидный и хитрый субъект, набивая себе цену и подготавливая почву для вымогательства, стал то и дело предаваться меланхолическим воспоминаниям о прошлом, словно и сам он и особняк одновременно потерпели крушение в жизни.

- Ведь это, сэр, был когда-то наш дом! - говорил Сайлас своему патрону, в грустном раздумье покачивая головой. - Ведь это, сэр, тот самый дом, откуда у меня на глазах выходили и куда входили такие знатные особы, как мисс Элизабет, маленький мистер Джордж, тетушка Джейн и дядюшка Паркер! (Все имена, разумеется, плод его досуговой фантазии.) И, подумать только, чем все это кончилось! Ах, боже мой, боже мой!

Причитания мистера Вегга были исполнены такого глубокого чувства, что добрейший мистер Боффин жалел его от всего сердца и уже начинал опасаться, не причинил ли он своему чтецу непоправимого вреда покупкой этого дома.

Две-три дипломатические беседы, которые мистер Вегг, положив на это немало труда, выдал за результат счастливого стечения обстоятельств, якобы приведших его в Клеркенуэл, дали ему возможность окончательно договориться с мистером Венусом.

- Принесите меня в "Приют" в субботу вечером, - сказал Сайлас, когда сделка была закончена. - И если вы не прочь выпить со мной по-дружески старого ямайского рому, я на угощение не поскуплюсь.

- Ведь вам известно, сэр, что я невеселый собутыльник, - ответил мистер Венус, - но ладно, так и быть.

Так оно и было. Подошла суббота, а в субботний вечер к калитке "Приюта" подошел и мистер Венус. Мистер Вегг выходит на его звонок, отпирает калитку и, увидев под мышкой у мистера Венуса какую-то дубинку в оберточной бумаге, сухо произносит:

- Гм! Я думал, вы приедете в кэбе.

- Нет, мистер Вегг, - отвечает Венус. - Мне не по чину разъезжать со свертками в кэбах.

- Ну, конечно, конечно, - недовольно бурчит Вегг, но все же не решается добавить вслух: "Да по чину ли тебе и пешком-то ходить с такими свертками!"

- Вот ваше приобретение, мистер Вегг, - говорит Венус, с учтивым поклоном передавая ему сверток, - и должен сказать, что мне очень приятно вернуть эту вещь туда, откуда она... э-э - произошла.

- Благодарствую, - отвечает Вегг. - Но теперь, когда наша сделка совершена, не могу не отметить по-дружески, что, если бы я предварительно посоветовался с каким-нибудь законником, вам, пожалуй, не удалось бы удержать у себя этот предмет. Правда, интересный казус с точки зрения закона?

- Напрасно вы так думаете, мистер Вегг. Я купил вас в открытую, мы с вами обо всем договорились.

- В нашей стране, сэр, не разрешается покупать человеческую плоть и кровь - во всяком случае, заживо, - заявляет Вегг, покачивая головой. - А как насчет костей?

- С точки зрения закона?

- С точки зрения закона.

- Я не настолько сведущ в законах, чтобы высказываться по этому поводу, мистер Вегг, - говорит Венус, густо краснея и несколько повышая голос, - но по сути дела выскажусь, а суть дела такова, что я послал бы вас... сказать куда?

- Да нет, не стоит, - миролюбиво отвечает мистер Вегг.

- ...прежде чем вручать вам этот сверток, не получив причитающейся мне за него суммы. Не знаю, как там обстоит по части законов, но в сути дела я разбираюсь, и тут вы меня с толку не собьете.

Так как мистер Венус находится в раздраженном состоянии (несомненно, из-за

несчастной любви) и так как выводить его из себя не в интересах мистера Вегга, последний замечает успокоительным тоном:

- Да я упомянул об этом маленьком юридическом казусе просто так, применительно к нашей пенни... пенни-тенциарной системе.

- Тогда, мистер Вегг, пусть эта система обойдется вам не в пенни, а в шиллинг, - возражает ему мистер Венус, - потому что, сказать по совести, мне ваши маленькие юридические казусы ценой в пенни не нравятся.

Войдя с холода в комнату, где тепло и светло от камина и газового рожка, мистер Венус сменяет гнев на милость и, одобрительно отозвавшись о жилище мистера Вегга, вспоминает, как он (Венус) говорил, что ему (Веггу) здорово повезло с его новой должностью.

- Я не жалуясь, - отвечает Вегг. - Впрочем, мистер Венус, не забывайте поговорку про бочку меда и ложку дегтя. Вот вам горячая вода, рому подливайте сами и садитесь поближе к камину. Трубочкой любите побаловаться?

- Нет, не любитель, - отвечает тот, - но разок-другой затянусь, с вами за компанию.

И вот мистер Венус подливает себе рому, и Вегг подливает себе рому; мистер Венус закуривает и пускает клубы дыма, и Вегг закуривает и тоже пускает клубы дыма.

- Значит, мистер Вегг, даже в вашей бочке меда не обошлось без ложки дегтя, как вы сами изволили заметить?

- Тайны! - отвечает Вегг. - Не нравится мне все это, мистер Венус. Не нравится мне, что прежних обитателей дома, в котором мы с вами сидим, может, отправили на тот свет глухой ночью, а я даже не знаю, чьих это рук дело.

- Вы кого-то подозреваете, мистер Вегг?

- Нет, - отвечает этот джентльмен. - Мне известно, кто тут выгадал, но подозревать я никого не подозреваю.

С этими словами мистер Вегг подносит трубку ко рту, устремляет взгляд на огонь и самым решительным образом придает лицу выражение милосердия, словно ему удалось ухватить эту главную нашу добродетель за юбку и удержать около себя силой в ту минуту, когда она, к своему прискорбию, почла долгом бежать от него.

- Кроме того, - продолжает Вегг, - могу сообщить вам собственные наблюдения касательно некоторых лиц и некоторых обстоятельств. Только наблюдения, и больше ничего, мистер Венус. Вот, скажем, на одного человека, не станем его здесь называть, сваливается с неба огромное наследство. А на меня сваливается с неба жалованье и еженедельный рацион угля. Кто из нас личность более достойная? Не тот, кого мы не станем здесь называть. Вот какое я произвел наблюдение, - только наблюдение, без всяких посягательств. У меня мое жалованье и еженедельный рацион угля. У него - наследство. Вот так у нас получилось.

- Мне бы ваше хладнокровие, мистер Вегг!

- Слушайте дальше, - продолжает ораторствовать Сайлас и, войдя в раж, взмахивает трубкой и деревянной ногой, причем последняя так и норовит опрокинуть его самым недостойным образом навзничь, вместе со стулом. - Вот вам еще одно наблюдение, без всяких посягательств с моей стороны. На того, кого мы здесь не называем, будут наседать со всех сторон. Собственно, на него уже насаждают. Тот, кого мы не станем здесь называть, имеет под рукой меня - человека, который, натурально, рассчитывает на повышение в должности, и, как вы, может быть, скажете, заслуживает повышения...

(Мистер Венус бормочет что-то в утвердительном смысле.)

- ...тот, кого мы не станем здесь называть, пренебрегает мною, несмотря на все эти обстоятельства, и предпочитает мне какого-то наседающего незнакомца. Который из нас двоих личность более достойная? Который из нас двоих, угождая тому, кого мы не станем здесь называть, читал про римлян, и военных и штатских, до хрипоты в горле, будто его пичкали одними опилками с тех пор, как отняли от груди? Уж, разумеется, не наседающий незнакомец! И тем не менее он там как у себя дома, устроился в отдельной комнате, занял прочное положение и загребает чуть ли не тысячу фунтов в год. Меня же до поры до времени сунули в "Приют", точно старый стул, - авось когда-нибудь пригожусь. Значит, истинные

достоинства в счет не идут. Вот так у нас и получается. Я волей-неволей наблюдаю все это потому что у меня такая привычка - все наблюдать, но я ни на что не посягаю. Вам приходилось бывать здесь раньше, мистер Венус?

- Не дальше калитки, мистер Вегг.

- Значит, в калитку не входили, мистер Венус?

- Нет, мистер Вегг, только заглядывал во двор из любопытства.

- И что вы там видели?

- Ничего кроме мусорной свалки.

Мистер Вегг вращает глазами, продолжая свои безуспешные поиски в комнате, потом вращает глазами, оглядывая с ног до головы мистера Венуса, словно подозревая, не утаивает ли тот что-нибудь.

- Вы же были знакомы со старым мистером Гармоном, сэр, - продолжает Сайлас, - и вам следовало бы из вежливости нанести ему визит. Ведь вы человек вежливый. - Этот комплимент должен умаслить мистера Венуса.

- Правильно, сэр, - отвечает Венус, подслеповато прищуриваясь и запуская всю пятерню в свою пропыленную шевелюру. - Я и был раньше вежливым, но одно известное вам письмо озлобило меня. Вы понимаете, на что я намекаю, мистер Вегг? На некое заявление, сделанное в письменной форме, касательно того, что некая особа не желает, чтобы ее равняли с известным вам предметом. С тех пор во мне ничего не осталось, кроме желчи.

- Ну, что-нибудь да осталось, - сочувственно говорит мистер Вегг, стараясь утешить мистера Венуса.

- Ничего не осталось, - повторяет тот. - Может, людям покажется это жестокостью с моей стороны, но я готов кидаться на своих лучших друзей. Клянусь вам!

Невольно взмахнув своей деревяшкой, чтобы оборониться от мистера Венуса, который в подтверждение произнесенной им человеконенавистнической декларации вскакивает на ноги, мистер Вегг запрокидывается назад вместе со стулом, покряхтывая встает, с помощью безобидного мизантропа, и уныло потирает затылок.

- Вы потеряли равновесие, мистер Вегг, - говорит Венус, подавая ему трубку.

- Потеряешь! - ворчит Сайлас. - Когда гость вдруг ни с того ни с сего взвизывает, точно паяц на пружинке! Вы, мистер Венус, пожалуйста, больше так не вскакивайте.

- Прошу прощения, мистер Вегг, но уж очень я озлобился.

- Это все понятно, черт побери! - не унимается Вегг. - Но кто не владеет собой, пусть озлобляется сидя. А что до того, кого с чем равняют, так вам угодно выражаться обиняками, а мне, - опять потирая затылок, - не угодно ходить с синяками.

- Постараюсь это запомнить, сэр.

- Да, уж будьте так любезны. - Мистер Вегг переходит с иронического тона на свой обычный, приглушает раздражение и снова берется за трубку. Так мы говорили, что старик Гармон был вашим приятелем?

- Я бы сказал не приятелем, а знакомым, мистер Вегг. При встречах мы разговаривали, а время от времени бывали у нас и кое-какие дела. Любознательный был человек насчет всяких находок в мусоре. Любознательный и скрытный.

- Ах, скрытный! - восклицает Вегг, с алчным придыханием в голосе.

- Да, и по виду и по всем повадкам.

- Гм! - Сайлас снова вращает глазами. - А вот эти находки среди мусора... Вам никогда не приходилось слышать от него, друг мой, как он их обнаруживал? Когда живешь в таком таинственном месте, это небезынтересно знать. Например, где он находил разные вещи? Или, например, как он принимался за дело? Раскапывал горы мусора сверху или раскапывал их снизу? Тыкал палкой? - Пантомима, которой сопровождаются эти слова, достигает здесь особой выразительности и мастерства. - А может быть, он разгребал лопатой? Ну-с, что же он делал, мой дорогой мистер Венус, разгребал лопатой или, - может, вы бы сказали мне, как другу, - тыкал палкой?

- Я бы сказал, ни то и ни другое, мистер Вегг.

- Ну, как товарищу, мистер Венус... да подливайте., рому, рому надо подбавить!.. Почему ни то и ни другое?

- Я полагаю, потому, сэр, что все находки, какие были, обнаруживались во время просеивания и сортировки. Ведь мусор, кажется, пропускают через решета и сортируют?

- Вот увидите свалку сами и тогда скажете свое окончательное мнение. Подбавить надо, подбавить!

Приговаривая "подбавить надо, подбавить!", мистер Вегг - скок-скок на своей деревяшке - придвигает стул все ближе и ближе к мистеру Венусу, словно предлагая подбавить не рому в стакан, а самого себя к мистеру Венусу.

- Когда, повторяю, живешь в таком таинственном месте, не мешает знать о нем все, - говорит Сайлас, лишь только его гость, пользуясь радушием хозяина, подливает себе рому в стакан. - Так вот, скажите мне - как брату, - что он, только находил разные вещи среди мусора или и сам туда кое-что припрятывал?

- Пожалуй, мог и припрятывать, мистер Вегг.

Мистер Вегг насаживает очки на нос и восхищенным взглядом окидывает мистера Венуса с головы до ног.

- Будучи, подобно мне, смертным, которому я подаю руку впервые за сегодняшний день, неизвестно почему презрев сей акт, полный безграничного доверия к ближнему своему, - говорит Вегг, беря руку мистера Венуса ладонью кверху, чтобы ударить по ней с размаху, и тут же ударяя. - Так вот, как ближний, именно ближний, ибо я порываю более низменные узы между собой и тем, кто ступает, гордо подняв голову, и кого, единственного, я могу назвать своим близнецом. Так вот, поскольку вы привержены ко мне, а я к вам, - скажите, что он там прятал?

- Я могу только предполагать, мистер Вегг.

- Как человек, который говорит, положи руку на сердце, - восклицает Вегг, причем драматичности этого возгласа нисколько не мешает то обстоятельство, что на самом-то деле человек сидит, положи руку на стакан с ромом, - облеките свое предположение в слова, мистер Венус, и произнесите их.

- Этот старый джентльмен был из той породы людей, сэр, - хлебнув рому, медленно отвечает наш анатом, - которые, по моему мнению, не стали бы упускать здешние богатые возможности для припрятывания денег, различных ценностей, а то и бумаг.

- Будучи украшением рода человеческого, - провозглашает мистер Вегг, снова берет руку мистера Венуса ладонью кверху, точно намереваясь заняться хиромантией, и заносит свою для удара. - Будучи человеком, коего мог иметь в виду поэт, сочинивший известные всей нашей нации морские стихи:

Держи по ветру и брасопь нокреи *,

Готовься к бою, доблестный матрос!

На абордаж, друзья, смелее!

Цепляйтесь гаком, мистер Венус, за корму и нос!

Другими словами, я рассматриваю вас в свете этих стихов, как "могучий дуб английский" *, и как таковой, мистер Венус, объясните, что значит "бумаги"?

- Принимая во внимание, что старый джентльмен то и дело лишал наследства своих ближайших родственников и глушил в себе естественные привязанности, - отвечает мистер Венус, - у него, вероятно, было составлено много разных завещаний и дополнительных распоряжений к ним.

Ладонь мистера Вегга звучно шлепает по ладони мистера Венуса, и Вегг горячо восклицает:

- Близнецы во всем, и в мнениях и в чувствах. Подливайте рому, подливайте!

Придвинув деревяшку и стул вплотную к мистеру Венусу, мистер Вегг собственной рукой поспешно разливает ром, передает стакан гостю, чокается с ним, подносит свой стакан ко рту, ставит его на стол, потом кладет обе руки мистеру Венусу на колени и обращается к нему с такой речью:

- Мистер Венус! Не из-за того, что мне предпочли какого-то незнакомца, хотя, на мой взгляд, этот незнакомец личность более чем сомнительная. Не из-за денег, хотя деньги всегда пригодятся. Не в собственных интересах, хотя я никогда не упустил случая порадовать о самом себе. А все во имя правды!

С безучастным видом мигнув своими подслеповатыми глазками - сразу обоими, мистер Венус вопрошает:

- Что "все", мистер Вегг?

- Дружеский договор, который я вам предлагаю. Вы понимаете, в чем его суть?

- Вы сначала сами доберитесь до его сути, а там посмотрим.

- Если здесь можно что-нибудь найти, пусть находка будет наша общая. Давайте заключим дружеский договор и будем искать вместе. Давайте заключим дружеский договор и поделим доходы поровну. Во имя правды! - Так вещает Сайлас, преисполнившись благородных чувств.

- Следовательно... - Мистер Венус поднимает глаза на мистера Вегга после минутной паузы, во время которой он сидел, погруженный в раздумье и запустив все десять пальцев в волосы, словно ему удавалось ухватить нужную мысль, только ухватив голову обеими руками.

- Следовательно, если в мусоре что-нибудь отыщется, мы с вами будем держать свою находку в тайне? Так, мистер Вегг?

- Смотря по тому, какая находка, мистер Венус. Скажем, деньги, или серебро, или драгоценности так же могут стать нашей собственностью, как и чьей-нибудь еще.

Мистер Венус в изумлении потирает правую бровь.

- Это все во имя правды, мистер Венус. Потому что в противном случае находка уйдет вместе с мусором, и покупатель получит то, на что он никак не рассчитывал и чего он не покупал. А тогда, мистер Венус, восторжествует неправда.

- А если обнаружатся бумаги? - спрашивает мистер Венус.

- Посмотрим, какого они будут содержания, и предложим их заинтересованным лицам, - не задумываясь, отвечает Вегг.

- Во имя правды, мистер Вегг?

- Не иначе, мистер Венус. Если заинтересованные лица не захотят использовать эти бумаги во имя правды, - их дело. Мистер Венус! У меня сложилось о вас определенное мнение, но выразить его словами нелегко. С первого своего прихода - помните тот вечер, когда вы, если можно так выразиться, омывали чаем свой могучий ум, - я решил, что вам надо поставить перед собой какую-нибудь цель, чтобы воспрянуть духом. Вот наш дружеский договор и будет для вас той великой целью, которая поможет вам воспрянуть духом, сэр!

И тут мистер Вегг заводит речь о том, что ему давно подсказал его изворотливый ум: он говорит о блестящих данных мистера Венуса для таких изысканий. Он распространяется о ремесле мистера Венуса, требующем большого терпения и ловкости пальцев, о его умении подгонять одна к другой отдельные мелкие части, о том, что ему всегда приходилось иметь дело с различными костями и суставами; о том, что незначительные, казалось бы, приметы могут навести его на открытие больших тайников.

- А ведь я, - говорит Вегг, - я на это не гожусь. За что бы я ни взялся - палкой ли прошупывать, лопатой ли разгребать, - нет во мне тонкости! Сразу будет видно: в мусоре кто-то копался. Вот когда вы приметесь за дело - разумеется, свято придерживаясь заключенного между нами дружеского договора и памятуя о своем ближнем, - тогда все пойдет по-иному. - Далее мистер Вегг скромно упоминает о помехах, которые чинит ему деревянная нога, когда приходится лазать по приставным лестницам и прочим шатким приспособлениям, и намекает еще на одну особенность, присущую этому столярному изделию, а именно: лишь только ее призывают к действию, скажем, влекут на прогулку по кучам золы, она утопает в этом податливом веществе, пригвождая своего обладателя к месту. Вслед за тем мистер Вегг отмечает поразительный факт, что он услышал легенду о кладах в мусорной свалке еще до своего переезда в "Приют", и ни от кого другого, как от мистера Венуса.

- И это неспроста, - добавляет Сайлас, скорчив мину, которая должна изображать

благочестие. Вернувшись под конец к вопросу о торжестве правды, мистер Вегг мрачно предсказывает, что, по всей вероятности, им удастся раскопать кое-какие улики против мистера Боффина, с присущей ему скромностью снова говорит, насколько этому человеку было выгодно совершить убийство, и предвкушает, как участники дружеского договора предадут убийцу в руки правосудия. Но это, подчеркивает мистер Вегг, будет сделано отнюдь не ради вознаграждения, хотя отказ от него и свидетельствовал бы об отсутствии у них моральных устоев.

Мистер Венус слушает его разглагольствования с величайшим вниманием, собрав свои пропыленные волосы в два пучка, похожие на собачьи уши. Когда мистер Вегг, умолкнув, широко разводит руками, словно показывая, что у него душа нараспашку, а потом складывает их на груди в ожидании ответа мистера Венуса, тот подмигивает ему обоими глазами и только после этого начинает говорить.

- Насколько я понимаю, мистер Вегг, вы уже пытались приступить к делу сами? И убедились на собственном опыте, какие тут представляются трудности?

- Ну что вы! Это даже попыткой нельзя назвать! - отвечает мистер Вегг, несколько смущенный намеком. - Я только так прошелся, посмотрел, вот и все.

- И ничего, кроме трудностей, не обнаружили?

Вегг утвердительно кивает головой.

- Просто не знаю, что вам ответить, мистер Вегг, - говорит Венус после короткого раздумья.

- Соглашайтесь! - восклицает Вегг.

- Если бы не мое озлобление, я бы отказался. Но, будучи человеком озлобленным и доведенным до безумия, до отчаяния, мистер Вегг, я, кажется, соглашусь.

На радостях Вегг наливает рому в оба стакана, повторяет церемонию чоканья и мысленно от всей души пьет за здоровье и за успех в жизни той девицы, которая довела мистера Венуса до его теперешнего умонастроения, столь соответствующего обстоятельствам.

Вслед за тем дружеский договор обсуждается пункт за пунктом. Пункты эти таковы: полное сохранение тайны, обоюдная верность и настойчивость. Мистеру Венусу предоставляется свободный доступ в "Приют" в любое время дня и ночи, на предмет изысканий, кои надлежит проводить с соблюдением всяческой осторожности, чтобы не привлечь внимания соседей.

- Шаги! - вдруг восклицает Венус.

- Где? - вскрикивает Вегг, подсакивая на месте.

- Во дворе. Шш!

Дружеский договор надо бы скрепить рукопожатием - руки уже протянуты. Но теперь оба отдергивают их, закуривают потухшие трубки и откидываются на спинки стульев. Шаги - сомнений быть не может. Они приближаются; чьи-то пальцы стучат по оконному стеклу.

- Войдите! - говорит Вегг, подразумевая "войдите в дверь". Но тяжелая старинная рама медленно поднимается, и из ночного мрака в окно так же медленно просовывается чья-то голова.

- Скажите, пожалуйста, мистер Вегг дома? Ах, это вы сами!

Даже если бы посетитель вошел в дом обычным способом, участникам дружеского договора стало бы не по себе. Но то, что он стоит, навалившись грудью на подоконник, и пристально смотрит в комнату из темноты, окончательно обескураживает их. Особенно мистера Венуса, который вынимает трубку изо рта, откидывает голову назад и таращит глаза на незнакомца, словно это не кто иной, как индийский младенец, явившийся сюда затем, чтобы увести своего хозяина домой.

- Добрый вечер, мистер Вегг. Будьте так любезны, почините задвижку на калитке, а то она не запирается.

- Мистер Роксмит? - еле выговаривает Вегг.

- Да, это мистер Роксмит. Я не хочу вам мешать и заходить не буду. Я взялся выполнить

одно поручение по дороге домой. Подошел к калитке и думаю, можно ли войти без звонка? А вдруг у вас собака?

- Нету, к сожалению, - бормочет Вегг, повернувшись спиной к окну. Тсс! Мистер Венус! Это тот самый, который насаждает!

- Мы знакомы? - спрашивает секретарь, глядя на мистера Венуса.

- Нет, мистер Роксмит. Это мой приятель. Коротаем вместе вечерок.

- А! Ну тогда извините меня. Мистер Боффин просил передать, чтобы вы не задерживались по вечерам дома в ожидании его прихода. Ему вдруг пришло в голову, как бы он, сам того не желая, не стал помехой в ваших делах. На будущее время давайте условимся, что если мистер Боффин придет без предупреждения и застанет вас дома - хорошо, не застанет - так тому и быть. Я взялся сообщить вам это. Вот и все.

Секретарь говорит "спокойной ночи" и, опустив оконную раму, исчезает. Друзья превращаются в слух: его шаги затихают у калитки, и калитка за ним захлопывается.

- И вот этому-то человеку, мистер Венус, - говорит Вегг, когда все смолкает, - предпочли меня! Разрешите спросить, как он вам показался?

Мистер Венус, по-видимому, сам этого не знает, потому что, сделав несколько попыток ответить, он не может пробормотать ничего более вразумительного, чем "странная личность".

- Не личность, а двуличность, сэр! - восклицает Вегг, позволяя себе в ожесточении чувств такую игру слов. - Вот в чем его суть. Личность это еще так-сяк, а двуличностей я не терплю. Он завзятый проныра, сэр!

- Значит, сэр, он вам чем-то подозрителен? - спрашивает Венус.

- Чем-то? - повторяет Вегг. - Чем-то? Какое бремя спало бы с моей души - говорю вам это как другу, - если бы моя рабская приверженность истине не вынуждала меня ответить: всем подозрителен!

Полюбуйтесь, до чего сентиментально-слезливы становятся бесхвостые страусы, ища места, куда бы спрятать голову! Вегг испытывает поистине неизъяснимое удовлетворение, радуясь буре чувств, которая охватывает его при мысли о том, что мистер Роксмит завзятый проныра.

- В эту звездную ночь, мистер Венус, - замечает Сайлас, ведя участника дружеского договора по двору и так же, как он, ощущая на себе воздействие многократных возлияний, - в эту звездную ночь просто тяжело думать, что наседающие незнакомцы и завзятые проныры могут преспокойно возвращаться домой, будто они самые что ни на есть порядочные люди!

- Зрелище этих небесных светил, - говорит мистер Венус, глядя вверх и роняя шляпу с головы, - с особой силой приводит мне на ум ее сокрушительные слова о том, что она не хочет и сама себя равнять и чтобы ее равняли с каким-нибудь ске...

- Знаю, знаю! Можете не повторять, - говорит Вегг, пожимая ему руку. - Вы только представьте, как эти звезды укрепляют меня в моем решении действовать во имя правды против того, кого мы не будем здесь называть. Я не злобствую, отнюдь нет. Но вы видите, как они мерцают? Им есть что вспомнить! И что же они вспоминают, сэр?

Мистер Венус подхватывает заунывным голосом:

- Ее слова, написанные ее собственной рукой, что она не хочет и сама себя равнять и чтобы... - Но тут Сайлас с достоинством перебивает его:

- Нет, сэр! Они вспоминают наш дом, маленького мистера Джорджа, тетушку Джейн и дядюшку Паркера. Вспоминают все погубленное, все принесенное в жертву ничтожному червю и баловню фортуны!

ГЛАВА VIII, - в которой совершается похищение, впрочем вполне невинное

Ничтожный червь и баловень фортуны, или, выражаясь менее язвительно, Никодимус Боффин, эсквайр, он же Золотой Мусорщик, успел настолько обжиться в своем великолепном аристократическом особняке, насколько это позволяла ему его натура. Он не мог не чувствовать, что особняк, подобно великолепному аристократическому кругу сыра, слишком велик для его скромных потребностей и порождает несметное количество паразитов, но рассматривал этот недостаток как своего рода пожизненный налог на наследство. И он

мирился с ним, тем более что миссис Боффин наслаждалась своей новой ролью, а мисс Беллу теперешний образ жизни приводил в восторг.

Эта юная девица оказалась ценным приобретением для четы Боффинов. Она была такая хорошенькая, что нравилась всюду, где бы ни появилась, а понятливость и ум правильно подсказывали ей, как вести себя в новой обстановке. Облагораживала ли такая новизна ее сердце, это вопрос вкуса, остающийся открытым, что же до вопросов вкуса там, где дело касалось внешности и манер, тут сомневаться в облагораживающем влиянии новой обстановки не приходилось.

И вскоре мисс Белла стала указывать миссис Боффин, как себя вести, более того - мисс Белла стала испытывать чувство неловкости и ответственности за миссис Боффин, когда та делала что-нибудь не так. Правда, существо с характером мягким и рассудком здравым не могло совершать очень уж серьезные промахи даже в обществе аристократических визитеров крупнейших авторитетов по части утонченного обхождения, - единодушно признававших, что Боффины "очаровательно вульгарны" (вульгарность таких отзывов, безусловно, заслуживала другого эпитета). Но, отступая на гладком льду общепринятых условностей, на котором чада подснепов обязаны, во имя спасения своих аристократических душ, скользить то по кругу, то гуськом, миссис Боффин неизменно тянула за собой и мисс Беллу (так по крайней мере той казалось) и заставляла ее испытывать немалое замешательство под взглядами более искусных конькобежцев, принимавших участие в этих спортивных упражнениях.

По молодости лет мисс Белла, разумеется, не могла задумываться над тем, не ложно ли ее положение у мистера Боффина и насколько оно прочно. И так как она не щадила родительского дома, когда ей еще не с чем было его сравнивать, то в ее насмешках над ним и неблагодарности, сказавшейся в предпочтении ему чужого крова, не замечалось ничего нового.

- Бесценный человек этот Роксмит, - сказал мистер Боффин месяца три спустя, после переезда к ним Беллы. - Только я еще не раскусил его как следует.

Белла тоже не успела его раскусить, и поэтому слова мистера Боффина заинтересовали ее.

- Так печься о моих делах - печься денно и ночью не смогли бы и пятьдесят секретарей вместе взятых, - продолжал мистер Боффин. - И в то же время иной раз будто преграду положит посреди улицы между собой и мной, когда я собираюсь чуть ли не под ручку его взять.

- То есть как, сэр? - удивилась Белла.

- Да видите ли, душенька, - пояснил мистер Боффин, - он ни с кем не желает здесь встречаться, только с вами. Когда у нас бывают гости, мне бы хотелось видеть мистера Роксмита на его обычном месте за столом, а он - ни за что.

- Если мистер Роксмит считает себя выше нашего общества, - заявила мисс Белла, тряхнув головкой, - я бы на вашем месте оставила его в покое.

- Нет, душенька, не в том дело, - проговорил мистер Боффин после короткого раздумья. - Он вовсе не считает себя выше нашего общества.

- Так, может быть, он считает себя ниже его? - сказала мисс Белла. Ему лучше знать.

- Нет, душенька, опять не то. Нет, нет, - повторил мистер Боффин, снова подумав и покачав головой, - Роксмит человек скромный, но самоуничижением он не страдает.

- Так в чем же тогда дело, сэр? - спросила мисс Белла.

- Убей меня бог, не знаю! - воскликнул мистер Боффин. - На первых порах он не желал встречаться только с одним мистером Лайтвудом. А теперь всех избегает, кроме вас.

"Ого-го! - протянула мысленно мисс Белла. - Вот оно что! Скажите на милость! - Ведь мистер Мортимер Лайтвуд обедал у Боффинов раза два-три, а кроме того, она встречалась с ним в других домах, и он оказывал ей внимание. - Довольно смело со стороны какого-то секретаря и папиного жильца - ревновать меня!"

То, что папина дочка так пренебрежительно отзывалась о папином жильце, могло показаться странным, но эта странность была не единственной в характере девушки

испорченной вдвойне: испорченной сначала бедностью, а потом богатством. И пусть наше повествование позволит этим странностям распутаться самим собой.

"Подумать только! - мысленно восклицала исполненная презрения мисс Белла. - Папин жилец предьявляет на меня какие-то права и не подпускает ко мне женихов! Нет, в самом деле, это уж чересчур! Мистер и миссис Боффин открывают передо мной такую широкую дорогу, и вдруг - кто же? - секретарь и папин жилец позволяет себе вмешиваться в мои дела!"

А ведь не так давно Беллу взволновало открытие, что она нравится этому секретарю и папиному жильцу. Но тогда в ее жизни еще не играл никакой роли ни великолепный аристократический особняк, ни портниха миссис Боффин.

И все же, несмотря на свою кажущуюся скромность, этот секретарь и папин жилец личность чрезвычайно навязчивая, по мнению мисс Беллы. Каждый раз в окне его кабинета горит свет, когда мы возвращаемся со спектакля или из оперы, и каждый раз он тут как тут - помогает нам выйти из кареты. Каждый раз миссис Боффин сияет при виде его и обращается к нему с приветливостью, поистине возмутительной, как будто планы этого человека можно принимать всерьез и одобрять!

- Вы никогда не просите меня передать что-нибудь вашим домашним, мисс Уилфер, - сказал однажды секретарь, встретив ее случайно, с глаза на глаз, в большой гостиной. - Я буду счастлив выполнить любое поручение.

- Как это понимать, мистер Роксмит? - осведомилась мисс Белла, томно опуская глаза.

- Как понять слово "домашние"? Я говорю о доме вашего отца в Холлоуэе.

Она вспыхнула от этого упрека, сделанного так искусно, что его можно было принять за прямой, чистосердечный ответ на ее вопрос, и сказала еще холоднее, подчеркивая каждое слово:

- О каких передачах и поручениях вы изволите говорить?

- О приветях и поклонах родным, которые, как я полагаю, вы так или иначе передаете, - тем же спокойным тоном ответил секретарь. - Мне было бы очень приятно, если бы вы воспользовались такой оказией. Ведь я, как вам известно, ежедневно бываю и тут и там.

- Незачем об этом напоминать мне, сэр.

Она слишком поторопилась осадить "папиного жильца" и сама это почувствовала, встретив его спокойный взгляд.

- Мои родные не так уж часто присылают мне... как вы изволили выразиться? - ах да, поклоны и приветы, - заявила мисс Белла, спеша найти себе оправдание в том, что ею пренебрегают.

- Они часто справляются о вас, и я сообщаю им то немногое, что знаю.

- Надеюсь, ваши сообщения правдивы! - воскликнула Белла.

- Надеюсь, вы не сомневаетесь в этом, так как малейшее сомнение обернулось бы против вас.

- Нет, разумеется, не сомневаюсь. Я заслужила упрек, он вполне справедлив. Извините меня, мистер РОК-СМИТ.

- Ваши извинения выказывают вас с такой хорошей стороны, что я не могу не принять их, - с чувством проговорил он. - Простите меня за эти слова, они вырвались неволью. Но вернемся к тому, с чего мы начали. Ваши родные, вероятно, думают, что я рассказываю вам о них, передаю приветы и прочие весточки. Но мне не хочется беспокоить вас, а вы сами о доме никогда не спрашиваете.

- Завтра, сэр, - сказала Белла, глядя на него так, словно он чем-то уязвил ее, - я собираюсь навестить своих домашних.

- Вы говорите это... - он запнулся, - мне или для передачи им?

- Как вам будет угодно.

- Значит, и родным и мне? И можно передать им это?

- Если хотите, пожалуйста, мистер Роксмит. Но я так или иначе приеду завтра.

- Тогда я предупрежу их.

Секретарь постоял минуту, видимо давая Белле возможность продолжить разговор, если

она того пожелает. Но девушка молчала, и он вышел из гостиной. Оставшись одна, мисс Белла, к своему удивлению, убедилась, что из этой короткой беседы можно сделать два любопытных вывода. Первый: когда мистер Роксмит уходил, вид у нее был, несомненно, покаянный, и сердцем она тоже чувствовала раскаяние. Второй: у нее и в мыслях не было навестить родных до тех пор, пока она не сказала ему об этом, как о чем-то решенном. "Не понимаю ни себя, ни его! - недоумевала она. - Ему никто не давал права властвовать надо мной! И почему вдруг я стала считаться с ним, когда мне до него нет никакого дела?"

По настоянию миссис Боффин Белла должна была совершить свою поездку в карете, и на другой день она отправилась домой с большой помпой. Миссис Уилфер и мисс Лавиния долго обсуждали возможность и невозможность приезда Беллы в столь роскошном экипаже, но, завидев карету из окна, за которым они прятались в ожидании, решили задержать ее у дверей как можно дольше для того, чтобы подавить таким великолепием соседей и вызвать среди них переполох. Вслед за тем обе дамы, спустившись в так называемую гостиную, приготовились принять мисс Беллу с подобающим случаю полным безразличием.

Гостиная эта была очень маленькая и очень убогая, а лестница, которая туда вела, - очень узенькая и совсем покосившаяся. Сам домишко со всем его убранством был жалкой противоположностью великолепному аристократическому особняку. "Просто не верится, - подумала Белла, - что я когда-то могла жить здесь".

Мрачная величественность миссис Уилфер и прирожденная дерзость Лавви не улучшили настроения Беллы. Белле надо было хоть немножко помочь, но на помощь к ней никто не пришел.

- Какая нам оказана... честь! - произнесла миссис Уилфер, подставляя дочери щеку, не более приятную и желанную для поцелуя, чем ложка с оборотной стороны. - Ты, вероятно, скажешь, Белла, что твоя сестра Лавви заметно выросла.

- Мама, - перебила ее мисс Лавиния, - ваш раздраженный тон меня несколько не удивляет, Белла его вполне заслужила, но, серьезно вас прошу, оставьте меня в покое и не выдумывайте глупостей, будто я выросла! В моем возрасте уже не растут.

- Я сама выросла после замужества, - строго провозгласила миссис Уилфер.

- Ну и прекрасно, мама, - сказала Лавви, - только на вашем месте я бы об этом не распространялась.

Надменный взгляд, которым эта величественная женщина ответила на слова дочери, мог бы смутить противника менее дерзкого, но на Лавинию он не произвел ни малейшего впечатления, и, предоставив матушке кидать надменные взгляды столько, сколько ей покажется нужным при данных обстоятельствах, она как ни в чем ни бывало обратилась к сестре:

- Надеюсь, Белла, ты не сочтешь для себя унижительным, если я тебя поцелую? Спасибо! Ну, как ты поживаешь, Белла? И как поживают твои Боффины?

- Молчать! - вскричала миссис Уилфер. - Довольно! Я не потерплю такой вольности!

- Ах, скажите на милость! Тогда - как поживают твои Споффины? отпарировала Лавви. - Если уж мама возражает против твоих Боффинов.

- Наглая девчонка! Мегера! - произнесла миссис Уилфер с поистине угрожающей суровостью.

- Мегера я или пантера, - тряхнув головкой, преспокойно ответила Лавиния, - меня это очень мало трогает и мне совершенно все равно, кем быть. Но после замужества я не вырасту - так и знайте!

- Не вырастешь? Ах, не вырастешь? - величественно спросила миссис Уилфер.

- Нет, мама, не вырасту. Ни за что на свете.

Миссис Уилфер взмахнула перчатками и перешла на величественно патетический тон.

- Что прикажете ожидать матери? - так вещала она. - Старшая моя дочь предпочитает мне гордецов и богачей, младшая - меня презирает. Все одно к одному.

- Мама! - заговорила, наконец, Белла. - Мистер и миссис Боффин богатые люди, это бесспорно, но никто не давал вам права называть их гордецами. Да вы и сами должны знать,

что они вовсе не гордецы.

- Короче говоря, мама, - вмешалась Лавви, без всякого предупреждения переметнувшись на сторону своего недавнего противника, - вы должны знать, что мистер и миссис Боффин само совершенство, а если не знаете, то позор на вашу голову.

- Да, правильно, - сказала миссис Уилфер, великодушно принимая перебежчицу в свое лоно. - Нам, кажется, действительно следует считать их совершенством. Вот почему, Лавиния, я возражаю против твоих вольностей. Миссис Боффин (о физиономии которой я, увы, не могу говорить с должным спокойствием), миссис Боффин и твоя мать не состоят в дружеских отношениях. Вряд ли можно хотя бы на минуту предположить, что она и ее супруг осмеливаются называть нашу семью "Уилферы". И потому я не снизойду до того, чтобы называть их "Боффины". Нет, нет! Подобная... фамильярность, вольность, бесцеремонность - назовите как угодно - предполагала бы такие взаимоотношения, каких на самом деле не существует. Я выражаюсь понятно?

Не вняв ни единому слову из этого весьма внушительного и красноречивого заявления, Лавви снова обратилась к сестре:

- Белла, а ты все же так ничего и не сказала о своих... как их там?

- Я не желаю говорить о них здесь, - ответила Белла, стараясь сдержать негодование и притопывая ножкой. - Таких людей незачем приплетать к нашим дрязгам. Они слишком добры и слишком хороши для этого.

- Зачем же выражать свою мысль именно так? - ядовито спросила миссис Уилфер. - Нужны ли тут околичности? Правда, это очень учтиво и любезно, но зачем же выражать свою мысль именно так? Почему не сказать прямо, что они слишком добры и слишком хороши для нас? Мы понимаем намек. Зачем же прибегать к обинякам?

- Мама, - сказала Белла, топнув ножкой, - вы и святого способны довести до умопомрачения! И вы и Лавви!

- Злосчастная Лавви! - жалостливым голосом возопила миссис Уилфер. Ей всегда достается. Бедное мое дитя! - Но Лавви так же неожиданно, как и в первый раз, переметнулась на сторону другого противника, весьма резко заметив при этом:

- Уж меня-то, мама, можете не опекать, я и сама за себя постою.

- Я изумляюсь, - проговорила миссис Уилфер, адресуя на сей раз свои замечания старшей дочери, как, в общем, более надежной, чем совершенно необузданная Лавви. - Я изумляюсь, Белла, что ты нашла время и желание оторваться от мистера и миссис Боффин и посетить нас. Я изумляюсь, что наши права на тебя, столкнувшись с недостижимыми по высоте правами мистера и миссис Боффин имеют какое-то значение. Мне, разумеется, следует быть благодарной за такой успех в соперничестве с мистером и миссис Боффин. (Почтенная женщина с особым ожесточением напирала на первую букву в слове "Боффин", точно в букве "Б" и таился корень ее недовольства носителями этой фамилии и точно Доффин, Моффин или Поффин было бы гораздо легче снести.)

- Мама, - сердито заговорила Белла, - вы просто вынуждаете меня сказать, что мне не следовало приезжать домой и что больше я домой не приеду, во всяком случае в папино отсутствие, потому что мой бедный дорогой папочка человек благородный и никогда не станет завидовать моим великодушным друзьям, никогда не станет злобствовать на них. Папа слишком деликатен и мягок, чтобы попрекать меня теми скромными требованиями, которые они ко мне предъявляют, и тем очень нелегким положением, в котором я очутилась со всем не по своей вине. Я всегда любила бедного дорогого папочку больше, чем вас обеих, вместе взятых, и я его люблю и всегда буду любить.

И тут Белла, уже не черпая больше никакого утешенья в своей очаровательной шляпке и в нарядном платье, залилась слезами.

- Я уверена, Р. У., - воскликнула миссис Уилфер, возводя глаза ввысь и обращаясь куда-то в пространство, - я уверена, что, если бы вы присутствовали здесь и слышали, как вашу жену и мать вашего семейства принижают по сравнению с вами, вы испытали бы потрясение всех чувств! Но судьба уберегла вас, Р. У., и обрушилась на меня.

И тут миссис Уилфер залилась слезами.

- Ненавижу этих Боффинов! - воскликнула мисс Лавиния. - Пусть мне не позволяют называть их Боффи-нами! Я все равно буду называть их Боффинами! Боф-фины, Боффины, Боффины! Они зловредные, эти Боф-фины! Эти Боффины восстановили против меня Беллу, и я заявляю Боффинам прямо в лицо... - Это не совсем соответствовало положению вещей, но следует учесть, в каком волнении находилась юная мисс Лавиния. - Я заявляю, что они противные Боффины, вульгарные Боффины, гнусные Боффины, отвратительные Боффины! Вот!

И тут мисс Лавиния залилась слезами.

Калитка в палисаднике скрипнула, и они увидели секретаря, быстро поднимавшегося по ступенькам.

- Так как у нас никого нет в услужении, я сама открою ему дверь. Тряхнув головой, миссис Уилфер утерла слезы и с жертвенным видом поднялась со стула. - Нам нечего скрывать. Если он обнаружит следы волнения у нас на лицах, пусть делает из этого любые выводы. - Она выплыла за дверь и через минуту снова вплыла в комнату, провозгласив, точно герольд: - Мистер Роксмит имеет передать сверток мисс Белле Уилфер.

Мистер Роксмит вошел сразу после доклада и, разумеется, понял, что тут происходило. Однако он, со свойственной ему деликатностью, сделал вид, будто ничего не заметил, и обратился к мисс Белле:

- Мистер Боффин собирался еще утром положить этот сверток в карету. Ему хотелось сделать вам маленький подарок на память - тут кошелек, мисс Уилфер. Но так как он не успел выполнить свое намерение, я решил поехать за вами вдогонку.

Белла взяла сверток и поблагодарила секретаря.

- Мы здесь повздорили, мистер Роксмит, но не больше, чем всегда. У нас это водится, как вам известно. Я уезжаю. До свиданья, мама. До свиданья, Лавви. - И, поцеловав их обеих, мисс Белла шагнула к двери. Секретарь хотел было проводить ее, но так как миссис Уилфер, выступив вперед, проговорила с достоинством: "Прошу прощенья! Разрешите мне воспользоваться своими материнскими правами и проводить дочь до кареты, которая ее ожидает", - он извинился и отступил в сторону. Какое это было великолепное зрелище, когда миссис Уилфер распахнула настежь дверь и, простерев перчатки, громко провозгласила: "Служитель миссис Боффин! - А потом, когда он предстал перед ней, добавила кратко, но величаво: - Мисс Уилфер выходит!" - и сдала дочь на его попечение, точно страж в юбке, выпускающий государственного преступника из Тауэра. Этот церемониал произвел совершенно парализующее действие на соседей, и те не могли оправиться от оцепенения минут двадцать, тем более что достойнейшая миссис Уилфер, охваченная поистине серафическим экстазом, все это время возвышалась на верхней ступеньке лестницы.

Сев в карету, Белла развязала маленький сверток. Там был изящный кошелек, а в кошельке - бумажка в пятьдесят фунтов. "Вот папа удивится! подумала она. - Поеду в Сити и сама преподнесу ему этот приятный сюрприз!"

Точный адрес "Чикси, Вениринг и Стоблс" ей не был известен. Зная только, что контора где-то недалеко от Минсинглейн, она велела кучеру остановиться на углу этой мрачной улицы и отправила "служителя миссис Боффин" на поиски "Чикси, Вениринг и Стоблс", приказав ему передать на словах, что если Р. Уилфер сможет выйти, его будет ждать дама, желающая поговорить с ним. Это таинственное известие, услышанное из уст ливрейного лакея, произвело такой переполох в конторе, что вдогонку за Рамти-Растяпой немедленно выслали соглядатая юного возраста с наказом рассмотреть как следует, что это за дама, и явиться с докладом обратно. Волнение нисколько не улеглось, когда соглядатая ворвался в контору со словами:

- Хороша пташка! Сидит в карете - шик, блеск!

Сам Растяпа, с пером за ухом, в порыжелой шляпе, прибежал на угол, совершенно запыхавшись, и только тогда узнал свою дочь, когда его втащили в карету за галстук и чуть ли не задушили в объятиях.

- Голубка моя! - пролепетал он, еле переводя дух. - Боже милостивый! Какая ты стала! Просто обворожительная женщина! А я думал, что наша дочка теперь загордилась и позабыла свою мать и сестру!

- Я только что от них, папочка.

- Ах, вот что! Ну и как... как мама? - неуверенно спросил Р. У.

- Очень злющая, папа. Обе злющие, и она и Лавви.

- Да, на них иногда немножко находит. Белла, ты была к ним снисходительна, друг мой?

- Нет. Я, папа, тоже злилась. Мы все три были злющие. Папа, знаешь что? Я хочу, чтобы ты поехал со мной пообедать куда-нибудь.

- Да я, друг мой, собственно, уже закусил... даже неудобно признаваться в этом в такой роскошной карете... простой колбасой. - Р. Уилфер смиренно понизил голос, глядя на канареечного цвета обивку экипажа.

- Ну это все равно что ничего, папа!

- Да, иной раз кажется, что и маловато, друг мой, - признался Р. У., проводя рукой по губам. - Но когда обстоятельства, в которых ты не волен, нагромождают препятствия между тобой и ростбифом, ничего другого не остается, как смирить свой дух и удовольствоваться, - тут он снова понизил голос из уважения к карете, - простой колбасой.

- Бедный мой папочка! Слушай, молю тебя, отпросись на весь день и давай проведем его вместе!

- Ну, что ж, голубчик, помчусь в контору, попрошу, чтобы меня отпустили.

- Хорошо. Но пока ты еще не умчался... - Она взяла его за подбородок, стащила с него шляпу и, верная своей старой привычке, начала ерошить ему волосы. - Пока ты не умчался, скажи мне, что я хоть и взбалмошная и нехорошая, но тебя, папа, никогда не обижала.

- Друг мой, я подтверждаю это от всего сердца. И разреши мне еще заметить, - добавил он, покосившись на окно, - что, когда обворожительная женщина, разряженная в пух и прах, треплет человека за волосы посреди Фенчерч-стрит, это может привлечь внимание прохожих.

Белла рассмеялась и надела на него шляпу. Но лишь только отец засеменил прочь, что-то трогательное в его ребячески пухлой фигурке, в его потрепанной одежде вызвало у нее слезы на глазах. "Ненавижу этого секретаря! Он не смеет так думать обо мне! - проговорила она мысленно. - И все же в этом есть доля правды!"

А вот и отец - ни дать ни взять мальчуган, отпущенный с уроков!

- Все в порядке, друг мой. Ничего не сказали - разрешили беспрекословно.

- Ну-с, папа, теперь надо найти такое укромное местечко, где я могла бы отпустить карету и подождать тебя, пока ты пойдешь по одному моему поручению.

Вопрос потребовал некоторых раздумий.

- Видишь ли, друг мой, ты стала такая обворожительная женщина, что местечко следует отыскать самое укромное. - Наконец ему пришло на ум: Возле парка, что у Тринити-Хаус, на Тауэр-Хилле. - И они поехали туда, а там Белла отпустила кучера, послав с ним записку миссис Боффин, что она осталась с отцом.

- А теперь, папа, слушай внимательно и обещаю клятвенно во всем мне повиноваться.

- Обещаю клятвенно, друг мой!

- Ты ни о чем не спрашиваешь, берешь вот этот кошелек, идешь в ближайшую лавку, где торгуют всем самым, самым хорошим, покупаешь и надеваешь там самое красивое готовое платье, самую красивую шляпу и самые красивые ботинки (обязательно лакированные!) и возвращаешься сюда.

- Но, Белла, дорогая моя...

- Папа! - шутливо погрозив ему пальцем. - Ты обещал мне. Хочешь стать клятвопреступником?

Глаза маленького чудака увлажнились слезами, но дочка осушила их поцелуями (хотя и сама тут же прослезилась) и отпустила его. Примерно через полчаса он появился столь блистательно преобразившийся, что восхищенная Белла обошла его кругом раз двадцать и только после этого в порыве восторга прижалась к нему.

- Вот теперь, папа, - сказала она, взяв его под руку, - вези свою обворожительную женщину обедать.

- Куда же мы поедим, друг мой?

- В Гринвич! * - храбро воскликнула Белла. - И будьте добры заказать своей обворожительной женщине все самое лучшее!

- А тебе не хотелось бы, друг мой, - робко проговорил Р. У., когда они шли к пристани, - чтобы твоя мама была сейчас с нами?

- Нет, папа, сегодня ты должен принадлежать мне целиком. Ведь я всегда была твоей любимицей, а ты всегда был моим любимцем. Мы и раньше частенько удирали с тобой вдвоем из дому. Помнишь, папа?

- Да, да, как же! Удирали по воскресеньям, когда твоя мама... когда на твою маму немножко находило, - повторил он эту деликатную формулу, предварительно откашлявшись.

- А ведь в те времена я вела себя плохо, папа. Требовала, чтобы ты таскал и таскал меня на руках. Играла с тобой в лошадки, когда тебе хотелось посидеть и почитать газету. Помнишь, папа?

- Случалось, мой друг, случалось и так. Но, боже милостивый! Какая ты была славная девочка! Какой славный товарищ!

- Товарищ? А я как раз и хочу быть твоим товарищем сегодня.

- И будешь, голубка, будешь! Твои братья и сестры до некоторой степени тоже были моими товарищами, все по очереди, но только до некоторой степени. Твоя мать всю свою жизнь была мне таким товарищем, который у любого человека мог бы заслуживать только... только поклонение, и... и каждое слово которого любой человек должен был бы хранить в памяти... и... и строить по нему свою жизнь... если бы...

- Если бы такой образец был этому человеку по душе? - подсказала Белла.

- Д-да... пожалуй, - задумчиво протянул Р. У., не совсем удовлетворенный подсказкой. - Или, скажем, если бы такой образец соответствовал натуре того человека. Предположим, например, что какому-нибудь человеку всегда хочется маршировать. Такому твоя мама была бы неоценимым товарищем. Но если бы он любил просто ходить или вдруг захотел бы припустить рысцей, ему было бы трудно держаться в ногу с твоей мамой. Или еще так, Белла, - добавил он после недолгого раздумья. Допустим, человек проходит всю свою жизнь не рука об руку с товарищем, а под какую-нибудь музыку. Прекрасно! Допустим, что музыка, предопределенная ему, была бы похоронным маршем из "Саула" *. Хорошо! В некоторых, исключительных случаях такая музыка была бы очень подходящей - лучше и не придумаешь. Но соразмеряться с ней каждодневно, в домашнем обиходе не всегда удобно. Например, если б человеку приходилось ужинать после трудового дня под похоронный марш из "Саула", пища, пожалуй, села бы у него комом в желудке. Или захотелось ему вдруг рассеяться, спеть шуточную песенку, сплясать, а музыка все та же - похоронный марш из "Саула". Это, пожалуй, сбilo бы его с такта в самый разгар веселья.

"Бедный папа!" - подумала Белла, прижимаясь к нему еще теснее.

- А о тебе, мой друг, я скажу одно, - кротко, без тени жалобы в голосе продолжал херувим. - Ты всегда была такая отзывчивая! Такая отзывчивая!

- Нет, папа, у меня скверный характер. Мне бы все только ныть да капризничать. До сих пор я над этим почти и не задумывалась, но сегодня посмотрела на тебя из окна кареты, когда ты шел по улице, и вдруг почувствовала угрызения совести.

- Вот и напрасно, друг мой. Я и слушать этого не хочу!

Какой папа был разговорчивый и довольный в тот день и какой нарядный во всем новом! Да может статья более счастливого дня он не знал за всю свою жизнь, не исключая даже того - знаменательного! - когда его мелодраматическая избранница шествовала к брачному алтарю под похоронный марш из "Саула"!

Маленькое путешествие по реке было восхитительно, и маленькая комнатка окнами на Темзу, где их усадили обедать, тоже была восхитительна. Все было восхитительно. Парк был восхитительный, пунш был восхитительный, рыба под белым соусом восхитительная, вино

восхитительное. Но всего восхитительнее была на этом празднестве сама Белла! Она весело болтала с папой, называла себя не иначе как обворожительной женщиной, требовала, чтобы он заказывал то одно, то другое блюдо, заявляя каждый раз, что обворожительную женщину обязательно надо угощать всем самым вкусным, короче говоря, довела папу до полного упоения тем, что он действительно приходится папой такой обворожительной женщине.

А потом, когда они сидели, глядя на корабли и пароходы, уходившие в море вместе с отливом, обворожительная женщина стала фантазировать о том, какие путешествия предстоят им с папой. Вот папа - владелец того неуклюжего угольщика с квадратными парусами, отплывает в Ньюкасл * за черным золотом, которое обогатит его. Вот папа уходит на этой красивой трехмачтовой шхуне в Китай за опиумом и, вернувшись, навсегда разделяется с фирмой "Чикси, Вениринг и Стоблс", а своей прелестной дочке привозит горы всяких шелков и шалей. А вот и трагическая судьба Джона Гармона рассеялась как сон; он приезжает домой и убеждается, что лучше этой обворожительной женщины нет никого во всем мире, а обворожительная женщина убеждается, что нет никого во всем мире лучше Джона Гармона, и они уезжают на собственной стройной шхуне взглянуть на собственные виноградники. Шхуна расцвечена флагами, на палубе играет оркестр, и папе отведена самая большая каюта. Или Джон Гармон снова покоится в могиле, и богатейший негоциант (имя его остается неизвестным) влюбляется в обворожительную женщину и женится на ней, и он так сказочно богат, что все, что только ходит по реке под парусами или на парах, - все это принадлежит ему, и еще у него есть целая флотилия увеселительных яхт, и вон та маленькая бойкая яхта с белоснежными парусами называется "Белла" в честь его жены, которая устраивает на ней пышные приемы, точно современная Клеопатра. Или еще так: когда вот то транспортное судно подчалит к Грэйвзенду *, на него поднимется важный и очень богатый генерал (имя его тоже остается неизвестным), который не захочет торжествовать будущую победу на поле битвы без своей жены, а жена его все та же обворожительная женщина, и ей суждено стать божком всех этих красных мундиров и синих бушлатов. А может статься, будет и так: видишь, буксирный пароход тянет судно? Как по-твоему, куда оно пойдет? Оно пойдет туда, где коралловые рифы и кокосовые орехи и тому подобные чудеса, а зафрахтовал его некий счастливчик по имени папа (сам он на борту, и как его уважает команда!). Он доставит из дальних стран груз ароматичного сандалового дерева - товара невиданно прекрасного и неслыханно выгодного, и этот груз принесет папе целое состояние, да иначе и быть не может, потому что купила и снарядила это судно все та же обворожительная женщина, которая замужем за каким-то индийским раджей, а он весь с головы до ног в кашемировых шالях, в тюрбане, украшенном сверкающими изумрудами и бриллиантами, смуглый настоящего кофейного цвета, и предан ей бесконечно, хотя, пожалуй, слишком уж ревнив. Так фантазировала Белла к великому удовольствию папы, а он, уподобившись султану из восточной сказки, окунул бы голову в чашу с водой * столь же охотно, сколь и мальчишки, которые ныряют за брошенными в Темзу монетами.

- Я вижу, друг мой, - сказал он после обеда, - что мы потеряли тебя навсегда. Надо полагать, ты к нам больше не вернешься?

Белла покачала головой. Она сама не знает. Трудно ответить на этот вопрос. Она может сказать только одно: мистер и миссис Боффин исполняют малейшее ее желание, ей ни в чем нет отказа, а об ее отъезде домой они не желают и слышать.

- А теперь, папа, - продолжала она, - выслушай от меня одно признание. Более корыстной маленькой дрянни, чем я, нет на всем белом свете.

- Вот уж никогда бы про тебя этого не сказал! - ответил ее отец, глянув сначала на свои обновки, а потом на стоявший перед ним десерт.

- Я понимаю твою мысль, папа, но дело не в том. Деньгами ради самих денег я не дорожу, а вот то, что на них можно купить, это мне нужно.

- По-моему, все мы таковы, - возразил ей Р. У.

- Нет! Со мной, папа, никто не сравнится! О-о! - Белла сложила губы трубочкой, выкрикнув это "о-о!". - Я такая корыстная!

Бросив на нее грустный взгляд, Р. У. не нашел ничего лучше, как спросить:

- Когда же ты начала замечать это за собой?

- Вот, вот, папа! В том-то вся и беда! Живя дома и ничего, кроме бедности, не зная, я ворчала, но, по правде говоря, не так уж сетовала на судьбу. Живя дома и предвкушая будущее богатство, я смутно рисовала себе, сколько всего можно сделать на такие деньги. Но вот мои надежды на большое состояние рассыпались прахом, оно попало в другие руки, и теперь, когда мне ежедневно приходится видеть, сколько благ оно приносит людям, теперь я стала корыстной маленькой дрянью.

- Это все твое воображение, друг мой.

- Уверю тебя, папа, ты ошибаешься! - сказала Белла, высоко подняв свои тоненькие брови и скорчив испуганную гримасу. - Это правда. Я только и делаю, что строю всякие корыстные планы.

- Бог мой! Но какие?

- Сейчас узнаешь, папа. Тебе я не постыжусь рассказать, потому что мы с тобой всегда были друг у друга любимчиками и потому, что ты больше похож не на папу, а на младшего толстощекого братишку. И еще, - со смехом добавила Белла, шутливо грозя ему пальцем, - еще потому, что ты в моей власти. Мы с тобой убежали тайком. И если ты нажалуешься на меня, я нажалуюсь на тебя. Скажу маме, что ты обедал в Гринвиче.

- Нет, друг мой, - проговорил Р. У. с легкой дрожью в голосе, - об этом лучше и не заикаться.

- Ага! - воскликнула Белла. - Я знала, сэр, что вам это не понравится! Так будьте добры хранить мою тайну, а я обещаю хранить вашу. Посмейте только предать обворожительную женщину - она обернется змеей! Ну-с, папа, теперь можешь поцеловать меня, а я займусь твоими волосами, потому что, пока меня не было дома, их совсем запустили.

Р. У. покорно подставил голову своему куаферу, и куафер, продолжая болтать, в то же время ловко наматывал пряди волос себе на указательные пальцы и вдруг отдергивал их в разные стороны. Клиент при этом каждый раз морщил нос и хмурился.

- Я, папа, чувствую, что без денег мне жизнь не в жизнь. Выпрашивать их, брать займы или воровать я не способна. И я решила выйти замуж по расчету.

Р. У. взглянул на дочь исподлобья, стараясь не мешать ее манипуляциям с его волосами, и проговорил укоризненно:

- Белла, дорогая моя!

- Я решила, папа, что, если мне нужны деньги, надо искать мужа с деньгами. И теперь я только и высматриваю, кого бы мне пленить побогаче.

- Белла! Дорогая моя!

- Да, папа, так обстоят дела. Вот это милое создание, которое ты видишь перед собой, самая корыстная дрянь, какая только может быть на свете, и все ее помыслы, все ее расчеты направлены в одну точку. Ну и пусть! Я ненавижу, я презираю бедность, и я не буду жить в бедности, если можно найти себе мужа с деньгами! А теперь, папа, ты у меня стал такой пушистый, что вполне можешь поразить своим видом лакея и заплатить ему по счету.

- Но, Белла, друг мой, такие мысли в твоем возрасте! Это меня просто пугает!

- Я же тебе говорила, папа, а ты мне не верил, - сказала Белла, с ребячливой серьезностью надув губки. - Ужасно, правда?

- Да, мой друг, если б ты сознавала, что говоришь, или действительно так думала, это было бы ужасно.

- Уверю тебя, папа; я именно так и думаю. Любовь бывает только в сказках. И драконы, изрыгающие пламя, бывают только в сказках! презрительно воскликнула Белла, хотя ее лицо и фигурка отнюдь не соответствовали таким словам. - А вот бедность и богатство - это не сказка, а действительность.

- Друг мой, ты меня просто пугаешь своим... - начал было ее отец, но она не дала ему договорить.

- Папа, признайся, ты женился по расчету?

- Ты прекрасно знаешь, друг мой, что нет.

Белла промурлыкала начало похоронного марша из "Саула" и заявила, что папин ответ еще ничего не доказывает. Но, увидев, какое сосредоточенное и грустное стало у него лицо, она обняла его за шею и вернула ему прежнее хорошее настроение своими поцелуями.

- Я пошутила, папа, не принимай этого всерьез. Но запомни: ты не будешь на меня жаловаться, и я не буду на тебя жаловаться. И больше того! Обещаю признаваться тебе во всем. Какие бы корыстные планы ни зародились у меня в голове, я поделюсь ими с тобой, но только по секрету.

Вынужденный довольствоваться этой уступкой со стороны обворожительной женщины, Р. У. позвонил в колокольчик и уплатил по счету.

- Все, что тут осталось, папа, - сказала Белла, когда лакей вышел, все это тебе. - И, положив на стол кошелек, она пристукнула по нему кулачком, после чего сунула его папе в карман нового жилета. - купишь подарки нашим, заплатишь долги, вообще распорядись этими деньгами как найдешь нужным. И имей в виду, папа, что они достались мне без всяких ухищрений с моей стороны, иначе твоя скупая дочка не тратила бы их так легко и свободно.

Вслед за тем она обеими руками притянула к себе отца и, бесцеремонно тормоша его, застегнула на нем пиджак на все пуговицы, чтобы не было видно жилетного кармашка с деньгами. Потом кокетливо завязала ленты своего капора, выгодно оттеняющие ямочки на щеках, и повела Р. У. обратно в город. Подойдя к дому мистера Боффина, Белла повернула отца спиной к дверям, ласково взяла его за уши, точно за ручки, и стала чмокать в обе щеки, так что он только глухо постукивал затылком о дверной косяк. Потом, покончив с этим, она напомнила ему еще раз об их договоре, рассмеялась и весело отпустила его.

Впрочем, не так уж весело, потому что, глядя, как отец идет по темной улице, она утирала слезы. Не так уж весело, потому что, прежде чем постучаться в дверь, она несколько раз повторила: "Бедный папа! Бедный папочка! Как тебе нелегко живется!" Не так уж весело, потому что роскошная мебель резнула ей глаза своим великолепием, словно напрашиваясь на сравнение с убогой обстановкой родного дома. Не так уж весело, потому что поздно вечером, сидя у себя в комнате, она совсем затосковала и даже горько плакала, коря то покойного старика Гармона за то, что он облагодетельствовал ее в своем завещании, то покойного молодого Гармона за то, что он умер и не женился на ней.

"Противоречивые у меня желания! - думала Белла. - Но в моей жизни и судьбе столько всяких противоречий, что ничего удивительного в этом нет".

ГЛАВА IX, в которой сирота оставляет, завещание

На следующий день, когда секретарь с раннего утра трудился в Трясине, ему сказали, что в прихожей его ждет юноша, назвавшийся Хлюпом. Лакей, который явился с докладом, сделал приличную паузу, прежде чем произнести это имя, давая тем самым понять, что оно было навязано ему силой и что если бы у того юноши хватило здравого смысла и вкуса обзавестись каким-нибудь другим именем, он пощадил бы чувства человека, обязанного докладывать о нем.

- Миссис Боффин будет очень рада ему, - совершенно спокойно проговорил секретарь. - Пригласите его сюда.

Когда мистера Хлюпа ввели в кабинет, он стал у самой притолоки, выставив напоказ множество разнокалиберных, совершенно неожиданных и нелепых пуговиц, рассеянных по всему его костюму.

- Хорошо, что ты пришел, - приветливо обратился к нему Джон Роксмит. - Я все поджидал тебя.

Оказалось, что Хлюп давно к ним собирался, да сирота (он назвал его "наш Джонни") болел последнее время, а ему хотелось прийти с вестью о его выздоровлении.

- Значит, он поправился? - спросил секретарь.

- Нет, болеет.

Хлюп замотал головой, а потом сказал, что, по его мнению, Джонни "подхватил ее от питомцев". Когда его спросили, кого это "ее"? - он ответил, что она у Джонни по всему телу,

а больше всего на груди. Когда от него потребовали дальнейших пояснений, он сообщил, что местами так расползлось - монетой не покроешь. Когда его попросили вернуться к именительному падежу, он заявил, что она красная-красная, прямо багровая, и добавил: "Пока снаружи, это еще ничего, сэр, только бы внутрь не бросилась".

Джон Роксмит поинтересовался, лечат ли ребенка? "Да, да! - воскликнул Хлюп. - Один раз к доктору носили". И как доктор назвал эту болезнь? Хлюп на минуту растерялся, потом, спохватившись, ответил: "Не сыпь, а какое-то длинное слово". Роксмит спросил, может быть, корь? "Нет, - последовал уверенный ответ, - какая там корь, гораздо длиннее, сэр!" (Хлюп придавал этому обстоятельству особое значение, считая, видимо, что оно делает честь маленькому больному.)

- Вот миссис Боффин огорчится! - сказал Роксмит.

- Миссис Хигден тоже так считает, сэр. Потому она и скрывала это от нее, все надеялась, что дело пойдет на поправку.

- Но ведь Джонни поправится? - быстро проговорил Роксмит.

- Надемся, - ответил Хлюп. - Только бы внутрь не бросилась. - Затем он сказал, что кто от кого "подцепил" - Джонни от питомцев или питомцы от Джонни - неизвестно, но питомцев сразу же отправили домой, и дома они "свалились". Все это время, продолжал он, миссис Хигден ни днем, ни ночью не спускает нашего Джонни с колен, а катать белье приходится теперь ему, одному Хлюпу, и "времечко у него сейчас горячее". При последних словах этот неказистый с виду образец преданности густо покраснел и заулыбался, довольный, что и от него есть какая-то подмога в доме.

- Вчера вечером, совсем уж поздно, - снова заговорил Хлюп, - кручу я колесо, а сам слушаю, то ли это от катка шум, то ли наш Джонни так дышит. Поведешь сначала, и ничего, все ладно, а потом будто вздрогнет, и звук какой-то с перебоями, и вдруг захрипит, загудит, и опять все затихнет. Под конец я уж совсем перестал их отличать одного от другого. И наш Джонни тоже совсем запутался - иной раз каток припустит погромче, а он говорит: "Бабушка, душно!" Миссис Хигден подхватит его повыше, скажет мне: "Хлюп, пережди малость", и мы все трое примолкнем. А как только наш Джонни начнет дышать ровнее, я опять берусь за колесо, и опять все сызнова. - Под конец рассказа взгляд у Хлюпа стал неподвижный, на губах появилась неопределенная улыбка. Потом лицо у него сморщилось, и, притворившись, что ему жарко, он неуклюже, но старательно размазал обшлагом слезы, выступившие на глазах.

- Вот беда! - воскликнул Роксмит. - Надо пойти рассказать миссис Боффин. А ты останься здесь.

Хлюп так и простоял на месте, разглядывая обои на стене, пока секретарь не вернулся с миссис Боффин. А следом за миссис Боффин в комнату вошла молоденькая девушка (по имени Белла Уилфер), разглядывать которую было гораздо приятнее, чем самые красивые обои.

- Бедный мой маленький Джон Гармон! - воскликнула миссис Боффин.

- Да, сударыня, - сочувственно поддакнул Хлюп.

- А как тебе самому кажется, очень он плох? - с присущей ей сердечностью спросила добрая женщина.

На такой вопрос надо было ответить правду, что не соответствовало намерениям Хлюпа, и, запрокинув назад голову, он испустил мелодический вой, завершившийся всхлипываньем.

- Неужто так плохо? - воскликнула миссис Боффин - Почему же Бетти Хигден сразу мне этого не сказала!

- Она, видно, боялась, сударыня, - с запинкой проговорил Хлюп.

- Чего же тут бояться? Боже мой!

- Она, видно, боялась, сударыня, - робко повторил Хлюп, - как бы не повредить нашему Джонни. Ведь с болезнями столько хлопот, столько издержек! Ей часто приходилось видеть, что люди отворачиваются от больных.

- Но она должна была знать, - сказала миссис Боффин, - что я ничего не пожалею ради ребенка!

- Да, сударыня, а все-таки ей, верно, думалось по привычке, как бы не повредить Джонни,

- дай, мол, я сама попытаюсь его выходить, и никто ничего не проведает.

Хлюп знал, о чем говорил. Спрятаться куда-нибудь, как прячется больное животное, уползти с глаз долой, забиться подальше и умереть, так чтобы никто тебя не видел, - вот что подсказывал этой женщине инстинкт. Прижать к груди милого ее сердцу больного ребенка, скрыть его, точно преступника, лишить всего, кроме своей ласки и терпения, - вот как понимала эта невежественная женщина идею материнской любви, преданности и долга. Милорды, почтенные господа и члены попечительных советов! Позорные факты, о которых нам приходится читать в газетах круглый год, из недели в неделю, постыдные проявления чиновничьего бездушия народу забыть труднее, чем нам. И вот где корень слепых, бессмысленных, застарелых предрассудков, составляющих столь разительный контраст с нашим великолепием и имеющих столь же мало поводов для возникновения - боже, спаси королеву и посрами неблагодарных! - сколь их имеет дым, прежде чем подняться над костром.

- Бедняжке нельзя там оставаться, - сказала миссис Боффин. - Мистер Роксмит, голубчик, посоветуйте, как нам быть!

Секретарь уже успел об этом подумать, и совещание не затянулось. Он все подготовит за полчаса, и тогда можно будет ехать в Brentford. "Возьмите, пожалуйста, и меня", - попросила Белла, почему и было приказано подать карету, чтобы поместились все. Хлюп же тем временем пировал один в комнате секретаря, получив полную возможность убедиться в существовании наяву таких волшебных вещей, как мясо, овощи, пиво и пудинг, рисовавшихся ему до сих пор лишь в мечтах. К концу пиршества пуговицы его стали с еще большей назойливостью напрашиваться на всеобщее внимание, кроме двух-трех вблизи пояса, которые скромно спрятались в образовавшиеся там складочки.

Карета и секретарь появились без задержки. Он сел на козлы, а Хлюп украсил собой багажник. И вот их экипаж снова остановился у "Трех Сорок"; миссис Боффин и мисс Белле помогли выйти, и они вчетвером пошли к домику миссис Бетти Хигден.

Но по дороге надо было зайти в игрушечную лавку и купить того самого благородного скакуна, описание статей и сбруи которого в свое время примирило с гостями сироту, тогда еще полного мирских интересов, - купить Ноев ковчег и еще желтую птичку-пищалку и еще солдатика, так отлично обмундированного, что, будь он в натуральную величину, его товарищи гвардейцы никогда бы не распознали в нем куклу. Нагруженные этими дарами, они подняли щеколду на двери домика миссис Хигден и увидели хозяйку, которая сидела в самом дальнем и самом темном углу комнаты, держа на коленях бедного Джонни.

- Бетти! Ну как он, мой маленький? - спросила миссис Боффин, подсев к ней.

- Плохо ему! Плохо! - ответила Бетти. - Боюсь я, что не бывать маленькому ни моим, ни вашим. Ведь один он остался, все родные ушли к всевышнему, вот и его с собой зовут, уводят отсюда.

- Нет, нет! - воскликнула миссис Боффин,

- А почему же тогда он сжимает кулачок, словно цепляется за чей-то палец, которого мои глаза не видят? Да посмотрите сами! - Бетти раскутала горевшего, как в огне, ребенка и показала на его правую ручку, прижатую к груди. - Вот все время так, а меня будто и нет тут.

- Он спит?

- Вряд ли. Ты не спишь, Джонни?

- Нет, - не открывая глаз, жалобно протянул ребенок.

- Джонни, посмотри, кто пришел - леди. И лошадку принесла.

К появлению леди Джонни отнесся с полным равнодушием, но лошадка другое дело. Приподняв отяжелевшие веки, он медленно улыбнулся при виде этого ослепительного существа и захотел взять его в руки. Лошадка была слишком большая, пришлось поставить ее на стул, чтобы он мог хоть полюбоваться ею и потрогать гриву. Но и на это его сил не хватило.

Джонни пробормотал что-то с закрытыми глазами, миссис Боффин не поняла его, Бетти, нагнувшись, переспросила и стала внимательно вслушиваться. Он повторил свои слова раз... другой... и лишь после третьего раза они поняли, что Джонни увидел тогда не только лошадку, а гораздо больше, чем можно было предположить, так как он спрашивал: "Кто эта "касивая

леди"? "Касивой", или красивой, леди оказалась Белла; такая похвала умилила бы мисс Беллу при всех обстоятельствах, но после обеда "обворожительной женщины" с отцом, после того, как сердце "обворожительной женщины" дрогнуло при виде его, такого жалкого, старенького, эти слова растрогали ее еще больше. Все движения Беллы были полны естественности и теплоты, когда она присела на каменный пол и обняла Джонни, который с детским восхищением перед всем юным и прекрасным протянул руки к "касивой" леди.

- Бетти, милая! - Миссис Боффин тронула старушку за плечо, решив, что теперь она уступит. - Мы приехали за Джонни. Его надо увезти отсюда и поместить туда, где за ним будет хороший уход.

Не дав ей добавить ни слова, Бетти Хигден с горящими глазами вскочила со стула и метнулась к двери, прижимая большого ребенка к груди.

- Не подходите ко мне! - дико вскрикнула она. - Я знаю, что вы задумали. Оставьте меня! Я лучше руки наложу на себя и на него, на мое сокровище!

- Пойдите, пойдите! - успокаивающе проговорил Роксмит. - Вы нас не поняли.

- Мне ли не понять! Мне ли не знать, что это такое, сэр! Не в первый раз я спасаюсь от них! Нет! Не бывать там ни мне, ни ребенку, пока в Англии есть где утопиться!

Стыд, беспредельный ужас, гримаса отвращения исказили изможденное лицо старухи, и смотреть на него было бы страшно, если бы все эти чувства пылали лишь в ней одной. Но в том-то и дело, милорды, почтенные господа и члены попечительных советов, что такое безумие "поражает", как у нас принято говорить, и других наших ближних, и довольно часто!

- Всю жизнь мне от них нет покоя, но живой я и сама им не дам и своих не отдам! - не унималась Бетти. - Не о чем нам больше говорить! Кабы знать, зачем вы придете, не пустила бы вас, заперла бы окна и двери и лучше бы с голоду здесь умерла!

Но, взглянув на доброе лицо миссис Боффин, она умолкла, опустилась на пол у порога, припала головой к ребенку, баюкая его, и смиренно проговорила:

- Может, я и ошиблась... ведь со страху себя не помню. А если так, да простит мне господь. Много ли надо, чтобы меня напугать, голова кругом идет... которую ночь глаз не смыкаю, около него сидя.

- Не надо, не надо, Бетти, - сказала миссис Боффин. - Успокойся! Не будем больше об этом говорить. Ну, ошиблась, что же тут такого? На твоём месте каждый испугался бы, каждый мог бы совершить такую ошибку.

- Да благословит вас бог! - сказала старуха, потянувшись к ней.

- А теперь, Бетти, - продолжала эта добрая душа, ласково взяв ее руку в свои, - слушай, что мне на самом-то деле хотелось сказать и с чего надо было начать сразу, будь я немного несообразительней. Мы хотим поместить Джонни в такое место, где будут одни дети. Где выхаживают больных детей, где добрые доктора и сиделки проводят всю свою жизнь с детьми, только о детях и пекутся, только их и лечат.

- Неужто есть такое место? - в изумлении спросила старуха.

- Да, Бетти, клянусь тебе, что есть, сама увидишь. Я бы взяла Джонни к себе, но там ему будет лучше, гораздо лучше, чем у меня дома.

- Берите его и увозите куда угодно, родная моя, - сказала Бетти, горячо целуя благотворящую руку. - У меня сердце не каменное. Я гляжу на ваше лицо, вслушиваюсь в ваш голос, и верю вам. Всегда буду верить, пока глаза мои видят, а уши слышат.

Роксмит поспешил воспользоваться одержанной победой, понимая, как безжалостно было потрачено время. Он послал Хлюпа за каретой, чтобы ее подали к дверям домика, велел Бетти укутать ребенка потеплее, одеться самой, собрал игрушки и показал малышу, что его сокровища поедут вместе с ним. В один миг все было готово; когда карета появилась у дверей, они вышли и сразу же тронулись в путь, а Хлюпу, оставшемуся дома, была дана полная возможность облегчить свое наболевшее сердце бурной деятельностью у катка.

Лихого скакуна, Ноев ковчег, желтую птичку и гвардейского солдата приняли в детской больнице не менее радушно, чем их маленького хозяина. Но Роксмиту врач сказал вполголоса:

- Это надо было сделать несколько дней назад. А теперь уже поздно.

Тем не менее ребенка вместе с игрушками отнесли в чистую светлую комнату, и там Джонни очнулся не то ото сна, не то от забытья, на мягкой кровати с положенной поперек доской, а на этой доске - чтобы развеселить и подбодрить его - уже были расставлены: Ноев ковчег, благородный скакун, желтая птичка и гвардейский солдатик, который так лихо взял на караул, словно он принимал участие в параде на глазах у всей страны. Над изголовьем кровати висела красивая цветная картинка, и на ней был нарисован мальчик вылитый Джонни! - сидевший на коленях у ангела, который, должно быть, очень любил маленьких детей. И как это чудесно! - лежать и видеть: сколько здесь таких, как Джонни, - целая семья! - и они тоже лежат на мягких кроватках (только двое играют в домино, сидя в маленьких креслицах у камина), и на всех кроватках положены поперек доски, а на досках стоят кукольные домики, и лохматые собачки, лай которых мало чем отличается от писка, исходящего из нутра желтой певуньи, и целые армии оловянных солдатиков, восточные акробаты, крохотные чайные приборы и множество всяких земных благ.

Джонни восторженно пролепетал что-то тихим голоском, и няня, сидевшая у изголовья кровати, не расслышав, переспросила его. Выяснилось, что он хотел знать, кто эти дети - его братья и сестры? Ему ответили - да. Кто же их собрал здесь - бог? И ему снова ответили - да. Потом он спросил, перестанут ли они болеть? И на этот вопрос ему ответили утвердительно, дав понять, что он тоже скоро перестанет болеть.

Способность поддерживать разговор была еще так слабо развита у Джонни и до болезни, что теперь он мог изъясняться только односложными словами. Но его надо было помыть, переодеть, ему надо было дать лекарство, и хотя за свою жизнь, такую короткую и суровую, он не знал ухода более умелого и нежного, вынести все это ему было бы трудно и больно, если б не одно удивительное событие, целиком завладевшее его вниманием. Событием этим было ни больше, ни меньше, как появление на его собственной доске всех тварей земных, шествовавших попарно в его собственный ковчег: возглавлял процессию слон, а заключала ее, из вежливости к своим более рослым спутникам невеличка муха. Один совсем маленький братец со сломанной ногой, лежавший на соседней кровати, был просто очарован этим зрелищем и своими восторгами придал ему еще большую прелесть. А потом пришел покой и сон.

- Я вижу, Бетти, ты совсем не боишься оставить здесь нашего малыша, прошептала миссис Боффин.

- Нет, сударыня, я делаю это по доброй воле и благодарю вас от всего сердца, от всей души!

Они поцеловали Джонни и вышли из комнаты, а на следующее утро Бетти собиралась прийти спозаранку проведать его, и только один Роксмит знал, что сказал врач: "Это надо было сделать несколько дней назад. А теперь уже поздно".

Но, зная это, зная, что забота о больном ребенке послужит утешением доброй миссис Боффин, которая была единственной отрадой детских лет одинокого Джона Гармона, ныне покойного, Роксмит решил навестить к ночи тезку Джона Гармона и посмотреть, как он себя чувствует.

Члены семьи, собранной здесь богом, лежали тихо, но не все из них спали. В ночной тишине слышались только легкие женские шаги; над маленькими кроватками склонялось доброе молодое лицо. В неярком свете навстречу ему поднималась то одна, то другая головка, получала поцелуй - маленькие больные любят ласку! - и снова покорно опускалась на подушку. Малыш со сломанной ногой никак не мог улечься поудобнее и то и дело стонал, но потом повернулся лицом к Джонни, надеясь утешиться созерцанием ковчега, и вскоре заснул. На многих кроватках игрушки так и остались неубранными, и эти наивно-фантастические фигурки казались такими странными здесь, словно они вышли из детских сновидений.

Доктор тоже пришел вечером посмотреть, как себя чувствует Джонни. Они с Роксмитом стали рядом, с состраданием глядя на него.

- Ты что, Джонни? - спросил Роксмит, обняв силившегося приподняться ребенка.

- Ему... - ответил Джонни. - Отдайте...

Доктор, понимавший детей с полуслова, взял лошадку, ковчег, желтую птичку и гвардейского солдата и осторожно поставил все это на соседнюю кровать, где лежал малыш со сломанной ногой.

Джонни улыбнулся усталой, но довольной улыбкой, вытянулся, словно укладываясь спать, потом чуть приподнялся на поддерживающей его руке, протянул Роксмигу губы и сказал:

- Поцелуй касивую леди.

Распорядившись всем своим достоянием и устроив свои дела в здешнем мире, Джонни покинул его с этими словами на устах.

ГЛАВА X - Преемник

Кое-кого из собратьев его преподобия Фрэнк Милви тяготило совершение похоронной службы, так как им казалось, будто они слишком много обещают умершим в загробной жизни. Но его преподобие Фрэнк, считавший, что среди прочих (скажем, тридцати девяти) обязанностей священника есть такие, которые, если призадуматься над ними, еще больше растревожат совесть, отгонял от себя эти мысли.

Его преподобие Фрэнк Милви, человек кроткий, терпеливый, с грустью видел много плевелов и чужеродных растений в винограднике, где ему приходилось трудиться, и не тщился показать, что эти труды наделяют его холодной мудростью. Он знал лишь одно: чем больше ему дает его скромный человеческий опыт, тем яснее проступает перед ним то, что открыто Всеведению.

И если бы не над Джонни, а над другим покойником, с другой, более горькой судьбой, довелось ему читать слова, которые смущали кое-кого из его собратьев, но озаряли светом множество сердец, он выполнил бы свой долг с чувством сострадания и со смирением. Читая же эти слова над могилкой Джонни, его преподобие Фрэнк вспоминал не свою бедность, а своих шестерых детей, и слезы застилали ему глаза. И в глубоком раздумье стояли они оба он и его милая, умная жена, - глядя на свежевырытую могилу, и в таком же глубоком раздумье вернулись рука об руку домой.

Горе посетило аристократический особняк, зато в "Приюте" царила радость. Мистер Вегг рассуждал сам с собой: если кому-то понадобился сирота, так он тоже сирота, а лучшего сироты и желать нечего. На самом-то деле! Слоняются люди по Brentford, разыскивают там сирот, которые не имеют на них никаких прав, не приносили им никаких жертв, - и не видят у себя под носом сироту, поступившегося ради них мисс Элизабет, маленьким мистером Джорджем, тетушкой Джейн и дядюшкой Паркером.

Мистер Вегг захихикал, когда ему сообщили печальную весть. Больше того! Один свидетель, который останется пока неназванным, утверждал впоследствии, что, воспользовавшись своим уединением в "Приюте", мистер Вегг вытянул, как балерина, деревянную ногу и, приплясывая на другой, настоящей ноге, проделал не то издевательский, не то ликующий пируэт.

Все эти дни Джон Роксмит относился к миссис Боффин не как секретарь к жене своего патрона, а скорее как сын к матери. В его обхождении с ней всегда, с самого первого дня, чувствовалась сдержанная, почтительная нежность; то, что было странного в ее платье и манерах, словно и не казалось ему странным. Во время их бесед в его взгляде иногда проскальзывала спокойная, легкая усмешка, и все же радость, которую ему доставляло общение с этой бесхитростной, ласковой, как солнышко, женщиной, могла бы с одинаковой естественностью проявиться и в слезах и в улыбке. Свое полное сочувствие стремлению миссис Боффин взять в дом маленького Джона Гармона и вырастить его Роксмит подтвердил и на словах и на деле, и теперь, когда это доброе стремление завершилось так печально, он отзывался о нем не менее тепло, не менее уважительно, за что миссис Боффин была бесконечно благодарна ему.

- Большое вам спасибо, мистер Роксмит, - сказала миссис Боффин. Большое, большое спасибо. Я вижу, вы любите детей.

- По-моему, их все любят.

- Должны бы любить, - сказала миссис Боффин, - да мы не всегда делаем то, что должны.

Ведь правда?

Джон Роксмит ответил:

- Есть, к счастью, другие люди, те, кто восполняет недостатки своих ближних. Мистер Боффин рассказывал мне, что были дети, которых вы очень любили.

- Он сам их не меньше любил! Да ведь у него всегда так: все хорошее на меня сваливает.

А почему вы такой печальный, мистер Роксмит?

- Разве?

- Я сужу по голосу. У вас было много братьев и сестер?

Он покачал головой.

- Вы были единственным ребенком?

- Нет, был еще один. Но он давно умер.

- А отец с матерью живы?

- Умерли.

- Может, из родни кто есть?

- Никого не осталось. Да у меня ее, кажется, и не было. Я о родственниках никогда не слышал.

В эту минуту в комнату легкими шагами вошла Белла. Они не заметили ее, и она отступила к дверям, не зная, как ей быть - остаться или уйти.

- Не обижайтесь на меня, старуху, - продолжала миссис Боффин, - и скажите правду.

Мистер Роксмит, у вас не было неудачи в сердечных делах?

- Нет, не было. Почему вы об этом спрашиваете?

- А вот почему: вы иной раз бываете такой... как бы это сказать?.. понурый, что ли. Это в ваши-то годы! Вам, верно, и тридцати нет?

- Тридцати еще не исполнилось.

Решив, что теперь самая пора дать знать о своем присутствии, Белла кашлянула, чтобы привлечь их внимание, извинилась и спросила, не уйти ли ей - она, кажется, прервала деловой разговор?

- Нет, не уходите, - сказала миссис Боффин. - К делу мы сейчас только приступим, и вас, Белла, это касается теперь не меньше, чем меня. Но я хочу, чтобы и мой Нодди присутствовал на нашем совете. Будьте так добры, сходите кто-нибудь за моим Нодди.

Роксмит взялся исполнить это поручение и вскоре вернулся в обществе трусившего рысцой мистера Боффина. Белла почему-то заволновалась, думая, о чем же сейчас пойдет речь? И успокоилась лишь тогда, когда миссис Боффин заговорила.

- Садитесь-ка рядом со мной, душенька, - начала эта достойная женщина, с удобством устраиваясь на широкой оттоманке посреди комнаты и беря Беллу под руку. - А ты, Нодди, сядешь здесь, а мистер Роксмит вон там. Так вот о чем нам надо поговорить: я получила письмецо от мистера и миссис Милви, такое ласковое, что слов нет! Мистер Роксмит прочитал мне его вслух, потому что я плохо разбираю по-письменному. Они предлагают подыскать другого ребенка, которого я могла бы назвать как мне хочется и взять на воспитание... и, узнав об этом; я крепко задумалась.

- А уж если задумалась, держись! - послышался восхищенный шепот мистера Боффина. - Ей только начать трудно, а дальше мысли из нее так и прут, как пар из паровоза.

- Да... задумалась я, - повторила миссис Боффин, просияв от комплимента мужа. - И надумала я две вещи. Первая вот какая: не хочется мне больше воскрешать имя Джона Гармона. Несчастливое это имя, назовешь им еще одного малыша, а оно опять принесет горе, и будешь себя потом корить.

- А скажите, - с озабоченным видом обратился мистер Боффин к секретарю, всецело полагаясь на его суждение, - суеверием тут не пахнет?

- Миссис Боффин руководствуется чувством, - мягко ответил Роксмит. Это имя всегда было несчастливым, а теперь с ним связаны новые тяжелые воспоминания. Оно отжило свой

век. Стоит ли воскрешать его? Мисс Уилфер, разрешите вас спросить, как вы считаете?

- Мне это имя не принесло счастья, - сказала Белла, вспыхнув. - Во всяком случае до тех пор, пока оно не привело меня сюда. Но дело не в этом. Мы назвали Джоном Гармоном бедного малыша, а он так растрогал меня своей лаской, что я, кажется, буду ревновать, если Джоном Гармоном назовут другого ребенка. Я не смогу называть его именем, которое стало мне дорого.

- Ваше мнение тоже такое? - снова обратился мистер Боффин к секретарю, внимательно глядя на него.

- Я повторяю, тут надо полагаться на чувство, - ответил Роксмит. - И мне кажется, что чувства мисс Уилфер очень тонки и благородны.

- Теперь послушаем твое мнение, Нодди, - сказала миссис Боффин.

- Мое мнение, старушка, - заявил Золотой Мусорщик, - твое мнение.

- Значит, - сказала миссис Боффин, - мы все согласны, что воскрешать имя Джона Гармона не нужно. Пусть покоится в могиле. Мистер Роксмит говорит, что надо полагаться на чувство, но, боже ты мой! сколько на свете таких дел, где лишь на чувство и надо полагаться! Ну, хорошо! А теперь, голубушка моя Белла, и вы, мистер Роксмит, послушайте, что я еще надумала. Когда мы с мужем впервые заговорили о моем желании усыновить мальчику-сиротку в память Джона Гармона, я сказала: "Как утешительно думать, что какому-нибудь бедняжке пойдут на пользу деньги Джона и он не будет такой несчастный, заброшенный, каким был Джон!"

- Bravo! - воскликнул мистер Боффин. - Так и сказала, слово в слово! Бис!

- Подожди, Нодди, - возразила ему миссис Боффин. - Это еще не все, не вовремя ты со своим "бисом". Я от собственных слов не отказываюсь, как тогда говорила, так и сейчас скажу. Но вот умер наш малютка, и стало мне думаться: а может быть, я тут больше всего сама себя ублажала? Все разыскивала такого ребенка, чтобы и личиком помилее и чтобы приглянулся мне. Ведь если хочешь сделать добро, так делай это ради самого добра, а уж о том, что тебе нравится или не нравится, забудь!

- А может быть, - сказала Белла, и, может быть, тут она вспомнила те странные отношения, которые когда-то связывали ее с ныне покойным Джоном Гармоном. - ...Может быть, воскрешая это имя, вы хотели дать его ребенку не менее милому вам, чем его тезка. Ведь к нему вы всегда питали нежные чувства.

- Вот какая вы добрая, голубушка! - сказала миссис Боффин, пожимая ей руку. - Нашли чем меня оправдать! Может статься, так оно и было. Конечно, доля правды здесь есть, но только доля, а не вся правда. Впрочем, сейчас это не важно, ведь мы решили, что с именем Джон Гармон надо покончить.

- И оставить его только в воспоминаниях, - задумчиво проговорила Белла.

- Вы лучше меня сказали, голубушка. "И оставить его только в воспоминаниях". Ну, так вот, я и надумала: если брать на себя заботы о каком-нибудь сироте, пусть он будет для меня не баловнем, не забавой, а ребенком, которому надо помочь ради него самого.

- И не обязательно, чтобы хорошенький? - спросила Белла.

- Нет, - твердо ответила миссис Боффин.

- И не обязательно, чтобы располагал к себе? - спросила Белла.

- Нет, - повторила миссис Боффин. - Не обязательно. Уж как будет, так будет. Есть один хороший мальчик, которого судьба не побаловала такими достоинствами, но он честный, работающий и заслуживает того, чтобы ему помогли. Вот я и решила, если о себе не думать, значит ему и надо помочь.

Тут в дверях появился лакей, который не так давно был оскорблен в своих лучших чувствах. Он подошел к Роксмиту и извиняющимся тоном доложил о госте с предосудительным именем "Хлюп".

Все четверо участников совещания переглянулись между собой и замолчали.

- Позвать его сюда, миссис Боффин? - спросил Роксмит.

- Да, - сказала она. После чего лакей удалился, потом снова появился в сопровождении

Хлюпа и вышел, преисполненный негодования.

Заботами самой миссис Боффин Хлюп был одет в черную пару, и портной, шивший ее, получил от Роксмита приказ пустить в ход все свое искусство, чтобы по возможности скрыть на ней пуговицы и застежки. Но хилость фигуры Хлюпа ваяла верх над всеми ухищрениями портновской науки, и теперь он стоял перед членами совещания точно Аргус *, ослепляя их поблескиванием, подмаргиванием, сверканьем и мерцанием сотни ярких металлических глаз. Изысканный вкус какого-то неизвестного шляпника снабдил его головной убор черной лентой, закупленной, вероятно, оптом; лента была плоеная от тульи до полей и сзади заканчивалась бантом, при виде которого воображение человеческое пасовало и разум поднимал бунт. Особые силы, присущие ногам Хлюпа, уже успели собрать его брюки гармошкой у щиколоток, а на колени напустить мешками; руки, наделенные такими же способностями, вздернули рукава к локтям, обнажив кисти. Ко всему этому великолепию следует добавить чрезвычайно короткие фалдочки да зияющий провал на том месте, где полагается быть животу, - и портрет Хлюпа будет готов.

- Ну, как там Бетти, дружок? - спросила его миссис Боффин.

- Спасибо, ничего, - ответил Хлюп. - Шлет вам поклон, благодарит за чай и за все заботы и справляется о здоровье вашего семейства.

- Ты только что пришел, Хлюп?

- Да, сударыня.

- Значит, пообедать еще не успел?

- Нет, сударыня, но собираюсь. Разве я забуду, как вы мне наказывали: не уходи, пока тебя не угостят мясом, пивом и пудингом... Нет! Их четыре было! Я же помню - сам подсчитывал, когда ел. Мясо - раз, пиво - два, овощи - три... а кто же четвертый? Пудинг! Вот кто четвертый! - Тут Хлюп запрокинул назад голову, широко открыл рот и засмеялся, сам не свой от восторга.

- А питомцы? Как они, бедняжки? - спросила миссис Боффин.

- Все обошлось, сударыня! Поправляются!

Миссис Боффин переглянулась с остальными тремя членами совещания и потом проговорила, поманив к себе мальчика.

- Хлюп!

- Да, сударыня!

- Подойди поближе, Хлюп. Скажи, тебе хотелось бы обедать здесь каждый день?

- Каждый день, и чтобы все четыре, сударыня? О сударыня! - Чувства, нахлынувшие на Хлюпа, вынудили его стиснуть в руках шляпу и согнуть правую ногу в колене.

- Да. И чтобы тебя взяли сюда совсем и заботились бы о тебе, если ты заслужишь наши заботы?

- О сударыня!.. А как же миссис Хигден? - Хлюп сразу забыл о своем восторге и, попятившись назад, с озабоченным видом закачал головой. Миссис Хигден-то как же? Она на первом месте. Лучшего друга, чем миссис Хигден, у меня и быть не может. За нее, за миссис Хигден, надо крутить. Если за нее не будешь крутить, что с ней станет? - При одной только мысли, что на миссис Хигден может свалиться такая непоправимая беда, Хлюп побледнел и пришел в страшное волнение.

- Ты прав, Хлюп, прав! - сказала миссис Боффин. - И не мне тебя отговаривать! Но мы об этом позаботимся. Если подыщем кого-нибудь, кто будет крутить за Бетти Хигден, ты переберешься сюда на постоянное жительство, а ей и по-другому можно помогать, не только тем, что каток крутить.

- Да все равно! - воскликнул ликующий Хлюп. - Ведь крутить-то приходится по ночам. Здесь я буду днем с утра до вечера, а как ночь, так крутить. Спать я не захочу, бог с ним, со сном! А уж если приспичит вздремнуть, - после минутного раздумья смущенно добавил он, - что ж, вздремну у катка. Сколько раз так бывало - кручу и сплю, да еще как сладко!

В порыве благодарности Хлюп поцеловал у миссис Боффин руку потом шагнул в сторону, чтобы дать простор своим чувствам, запрокинул назад голову, широко открыл рот и

разразился унылым воплем. Это делало честь его сердцу, но предвещало соседям немалое беспокойство в будущем, так как лакей, заглянувший в комнату, извинился за свое непрошеное появление и пояснил его тем, что "ему показалось, будто здесь кошки".

ГЛАВА XI - Кое-что о сердечных делах

Из маленькой пришкольной квартирки с маленькими оконцами, похожими на игольное ушко, и маленькой дверью, похожей на переплет букваря, маленькая мисс Пичер зорко наблюдала за предметом своих тайных воздыханий Любовь хоть она, как говорят, и страдает слепотой - страж бдительный, и мисс Пичер не давала этому стражу ни минуты отдыха в слежке за мистером Брэдли Хэдстоном. По натуре своей мисс Пичер не была соглядатаем, ей не было свойственно ни коварство, ни интриганство, ни злобствование - просто она любила Брэдли без взаимности, отдавая ему весь тот несложный, бесхитростный запас чувств, по которому ей никогда не приходилось сдавать экзамены и достаиваться аттестатов. Если б ее верная грифельная доска обладала свойствами лакмусовой бумаги, а грифель - свойствами симпатических чернил, сколько неожиданных для учеников маленьких трактатов проступило бы сквозь столбики сухих цифр на этой доске от одного только соседства с пылким сердцем мисс Пичер! - ибо после уроков, наслаждаясь тихим досугом в тихом пришкольном домике, она не раз поверяла своей confidentке - грифельной доске - вымышленные описания того, как однажды, в благоуханные вечерние сумерки, у огорода за углом появились две человеческие фигуры, из которых одна - мужская, склонилась к другой - женской, несколько полноватой и низенькой, и чуть слышно прошептала: "Эмма Пичер! Ты согласна стать моею?" После чего голова женской фигуры поникла на плечо, принадлежащее мужской фигуре, и все дальнейшее утонуло в ликующем пении соловьев. Ученицы мисс Пичер и не подозревали, что Брэдли Хэдстон незримо присутствует даже на уроках. Взять, к примеру, географию. Опережая лаву, Брэдли Хэдстон торжествующе вылетал из Этны и Везувия, без всякого вреда для себя варился в горячих источниках Исландии и величественно проплывал по Гангу и Нилу. Что задано по истории - о могущественном властелине мира? Вот он перед вами - в панталонах цвета соли с перцем и при часах на волосяной цепочке, обвитой вокруг шеи. Каллиграфия? Большинство учениц мисс Пичер научились выводить заглавные "Б" и "Х" на полгода раньше, чем все остальные буквы алфавита. А устный счет под началом мисс Пичер частенько превращался в закупку совершенно баснословного по своему богатству гардероба для Брэдли Хэдстона: восемьдесят четыре галстука по два шиллинга девять с половиной пенсов каждый, две дюжины серебряных часов по четыре фунта пятнадцать шиллингов и шесть пенсов, семьдесят четыре черных шляпы по восемнадцать шиллингов, и много тому подобных излишеств.

Бдительный страж, пользующийся ежедневной возможностью косить глаза в сторону Брэдли, вскоре известил мисс Пичер, что за последнее время вид у Брэдли стал еще более озабоченный и что он ходит потупившись, с хмурым лицом, точно ломая голову над какими-то трудными задачами, которые не встречаются в школьном курсе. Сопоставив то и другое - причем в графу "то" были отнесены теперешний вид Брэдли и его частое общение с Чарли Хэксемом, а в графу "другое" вписан их недавний визит к сестре Хэксема, - страж поделился с мисс Пичер своими подозрениями, что виной всему этому вышеупомянутая сестра.

- А любопытно знать, - сказала однажды мисс Пичер, отвлекаясь от составления еженедельного классного отчета, - как зовут сестру Хэксема?

Неизменно присутствующая и неизменно преданная Мэри-Энн, сидевшая за шитьем, подняла руку.

- Да, Мэри-Энн?

- Ее зовут Лиззи, мисс Пичер.

- Такое имя вряд ли существует, Мэри-Энн, - назидательным тоном, нараспев протянула мисс Пичер. - Разве при крещении могут дать имя "Лиззи", Мэри-Энн?

Мэри-Энн положила шитье на стол, поднялась, зацепила левую руку крючком за локоть правой, как на уроке, и ответила:

- Нет, это уменьшительное, сударыня.

- Кто ее так назвал? - по привычке продолжала мисс Пичер, но вовремя спохватилась, потому что Мэри-Энн с чисто богословским рвением уже была готова распространиться на тему о восприемниках и восприемницах при обряде крещения. - Уменьшительное от какого имени?

- От Элизабет или от Элизы, мисс Пичер.

- Правильно, Мэри-Энн. Имелись ли в раннюю пору христианской церкви святые Лиззи, сомнительно, весьма сомнительно. - Какое глубокомыслие проявила мисс Пичер в этом вопросе! - Следовательно, изъясняясь по возможности точнее, мы скажем, что сестру Хэксема зовут Лиззи, но при крещении имя ей дано другое. Так, Мэри-Энн?

- Так, мисс Пичер.

- И где же, - продолжала мисс Пичер, довольная своей весьма прозрачной уловкой, будто этот маленький экзамен должен был пойти на пользу не ей самой, а Мэри-Энн, - где живет эта девица, которую зовут Лиззи уменьшительное от Элизабет или Элизы? Подумай хорошенько, прежде чем ответить.

- На Черч-стрит, Смит-сквер, недалеко от Милбэнка, мисс Пичер.

- На Черч-стрит, Смит-сквер, недалеко от Милбэнка, - повторила мисс Пичер, словно это было давно известно ей по учебнику. - Совершенно верно. А чем эта девица занимается? Не торопись, Мэри-Энн.

- Она работает в портняжной мастерской, в Сити, мисс Пичер.

- А-а! - задумчиво протянула мисс Пичер, но тут же подхватила утвердительным тоном: - В портняжной мастерской, в Сити. Да-а?

- А Чарли... - снова заговорила Мэри-Энн и осеклась под взглядом мисс Пичер. - Я хотела сказать - Хэксем, мисс Пичер.

- То-то же, Мэри-Энн! Я очень рада, что ты хотела сказать именно так. А Хэксем?..

- ...говорит, - продолжила Мэри-Энн, - что он не доволен своей сестрой, что сестра не слушается его, а слушается кого-то другого, и что...

- Мистер Хэдстон идет! - воскликнула мисс Пичер, метнув взгляд в зеркало. - Ты очень хорошо отвечала, Мэри-Энн. У тебя вырабатывается отличная привычка четко излагать свои мысли. Ну, на сегодня довольно.

Умолкнув и снова сев на место, скромная Мэри-Энн принялась водить иглой, и ее рука все ходила и ходила взад и вперед даже тогда, когда на порог упала тень, предвещающая, что немедленно вслед за ней надо ожидать и появление учителя.

- Здравствуйте, мисс Пичер, - сказал он, входя следом за своей тенью и занимая ее место.

- Здравствуйте, мистер Хэдстон. Мэри-Энн, - стул!

- Благодарю вас, - сказал Брэдли, чопорно присаживаясь на самый кончик. - Я к вам на минутку. Зашел по дороге попросить вас об одном одолжении, в надежде, что вы, как добрая соседка, не откажете мне.

- Зашли по дороге, мистер Хэдстон? - переспросила мисс Пичер.

- Да. По дороге к... туда, куда я иду. "На Черч-стрит, Смит-сквер, недалеко от Милбэнка", - мысленно проговорила мисс Пичер.

- Чарльз Хэксем пошел достать кое-какие книги и вернется обратно, по всей вероятности, раньше меня. Так как дома никого больше нет, я взял на себя смелость сказать ему, что оставлю ключ у вас. Вы разрешите это?

- Разумеется, мистер Хэдстон. Вы хотите прогуляться, сэр?

- Да, и прогуляться и... по делу. "По делу на Черч-стрит, Смит-сквер, недалеко от Милбэнка", - снова повторила про себя мисс Пичер.

- Изъяснив вам свою просьбу, - Брэдли положил ключ на стол, - я пойду. Нет ли у вас каких поручений, мисс Пичер? Может быть, вы воспользуетесь оказией?

- Благодарствуйте, мистер Хэдстон. А вы куда направляетесь?

- К Вестминстеру.

"Милбэнк", - в третий раз повторила мысленно мисс Пичер.

- Нет, благодарствуйте, мистер Хэдстон. Я не хочу беспокоить вас своими просьбами.

- Вы не причините мне ни малейшего беспокойства, - сказал учитель.

"Ах! - воскликнула мисс Пичер, но не вслух. - Зато вы лишили меня покоя!" - И хоть она ничем не выдавала себя, ни взглядом, ни улыбкой, сердце ее беспокойно забилося, когда он вышел из комнаты.

Она правильно отгадала, куда он держит путь. Он шел прямо к дому кукольной швеи, поскольку это позволяло хитроумие его предков, оставивших здесь лабиринт пересекающихся улиц, - шел опустив голову, занятую только одной мыслью. Эта мысль не покидала его с тех пор, как он увидел Лиззи Хэксем. Ему казалось, что все, что можно было подавить в себе, он подавил, все, что можно было обуздать в себе, он обуздал, и вот в одну минуту, в один миг это умение владеть собой исчезло. Любовь с первого взгляда - тема избитая, и говорилось о ней достаточно, мы только добавим, что в некоторых натурах, сходных с натурой Брэдли, в которой тлеет затаенный огонь, эта страсть, вдруг вспыхнув и забушевав, как пожар на ветру, может сбросить оковы и с других страстей. В противоположность натурам слабым, заурядным, способным потерять голову из-за очередной ложной идеи - в наши дни она обычно принимает форму преклонения перед кем-нибудь за что-нибудь, по существу и не содеянное, а если и содеянное, то кем-то другим, - в противоположность им, природы менее заурядные могут оставаться безучастными и вдруг, под влиянием минуты, разгореться неудержимым огнем.

Учитель шагал по улицам, думая свою думу, и на измученном его лице можно было прочесть, как тяжело терпеть поражение в борьбе. Его снедало тайное чувство негодования и стыда перед самим собой за то, что страсть к сестре Чарли Хэксема взяла над ним верх, и все же он устремлял мысли к тому, как бы утолить эту страсть.

Когда он предстал перед кукольной швеей, она сидела за работой одна. "Ого! - проговорила мысленно эта пронизательная юная особа. - Вот кто к нам пожаловал! А ведь я, любезный, все твои повадки и фокусы давно знаю!"

- Сестры Хэксема... - сказал Брэдли Хэдстон, - нет дома?

- Ишь отгадал! Настоящий чудесник! - воскликнула мисс Рен.

- Разрешите мне подождать ее, я хочу с ней поговорить.

- Хотите поговорить с ней? Что ж, садитесь. Надеюсь, это желание будет обоюдным.

Брэдли Хэдстон бросил недоверчивый взгляд на хитрое личико, снова склонившееся над работой, и спросил, стараясь побороть свои сомнения и нерешительность:

- Надеюсь, тут нет намека на то, что мой приход будет неприятен сестре Хэксема?

- Вот опять! - Мисс Рен досадливо прищелкнула пальцами. - Слышать не могу, когда вы ее так называете, потому что мне ваш Хэксем не нравится!

- Вот как?

- Да! - Мисс Рен сморщила носик, выражая этим свою неприязнь к Хэксема. - Эгоист. Только о себе и думает. Хотя все вы такие!

- Все такие? Значит, я вам тоже не нравлюсь?

- Так себе, - со смешком ответила мисс Рен и пожала плечами. - Я вас почти не знаю.

- А я и не подозревал, что мы все такие, - сказал Брэдли, немного задетый ее упреком. - Может быть, не все, а только некоторые?

- То есть все, кроме вас? - съязвила девочка. - Гм! ну-ка, взгляните этой леди в лицо. Это госпожа Правда. Достопочтенная. В полном параде.

Брэдли посмотрел на куклу, которая только что лежала на рабочем столике лицом вниз, пока ей зашивали платье на спине, - посмотрел и снова перевел взгляд на мисс Рен.

- Вот! Я ставлю достопочтенную госпожу П. на стол, спиной к стенке, так, чтобы она смотрела прямо на вас своими голубыми глазами, - продолжала мисс Рен и, сопровождая слова действиями, ткнула два раза иголкой в воздух, точно выкалывая глаза учителю. - А теперь позвольте сказать мне в присутствии свидетельницы, госпожи П., зачем вы сюда пришли?

- Поговорить с сестрой Хэксема.

- Да не может быть! - выпалила мисс Рен, вздернув подбородок. - По какому же делу?

- По делу, которое касается ее самой.

- О госпожа П! -воскликнула мисс Рен. - Вы слышите это?

- Поговорить с ней ради ее же блага, - продолжал Брэдли, и принаравливаясь к тону кукольной швеи и сердясь на то, что таилось за ее словами.

- О госпожа П.! - воскликнула она.

- Ради ее блага, - повторил Брэдли, начиная горячиться, - и ради блага ее брата, а я сам тут не заинтересован.

- Знаете, госпожа П., - сказала швея, - если уж на то пошло, придется повернута вас лицом к стене. - И не успела она сделать это, как в комнату вошла Лиззи Хэксем.

Лиззи с удивлением посмотрела на Брэдли Хэдстона, на Дженни, которая грозила Хэдстону кулачком, поднеся его к самым глазам, и на достопочтенную госпожу П., стоявшую лицом к стене.

- Лиззи, вот тут один совершенно незаинтересованный человек, сказала пронизательная мисс Рен, - пришел поговорить с тобой, радея о твоём благе и о благе твоего брата. Подумай только! Мне кажется, что при такой хорошей и серьезной беседе посторонние лица присутствовать не должны, и если ты, дружок, проводишь постороннее лицо наверх, оно удалится немедленно.

Лиззи взяла руку, протянутую к ней за помощью, посмотрела на кукольную швею с вопросительной улыбкой, по с места не двинулась.

- Ты же знаешь, когда постороннее лицо ходит без поддержки, оно ужасно ковыляет, - продолжала мисс Рен, - потому что у него спина болит и ноги не слушаются. И если ты не поможешь ему, Лиззи, оно удалится не очень грациозно.

- Ему лучше всего остаться здесь, - ответила Лиззи, отпуская руку мисс Дженни и легко проводя ладонью по ее кудрям. Потом, обратившись к Брэдли: - Вы от Чарли, сэр?

Брэдли нерешительно встал, посмотрел на нее исподлобья, подал ей стул и вернулся на место.

- Строго говоря, - ответил он, - я пришел от Чарли, потому что мы с ним расстались около часу назад, но Чарли не давал мне никаких поручений. Я пришел сам по себе.

Мисс Дженни Рен положила локти на рабочий столик, подперла подбородок руками и сидела так, скосив глаза на учителя. Лиззи же смотрела ему прямо в лицо.

- Дело заключается в том... - Во рту у Брэдли пересохло, он с трудом выговаривал слова, что еще больше усиливало его связанность и неловкость. Дело обстоит так, что у Чарли - смею думать - нет от меня никаких секретов, и он доверил все это мне.

Брэдли замолчал, и Лиззи спросила его:

- Что "это", сэр?

- Мне казалось, - ответил учитель, снова посмотрев на нее исподлобья и тщетно стараясь выдержать ее взгляд. - Мне казалось, что вдаваться в подробности по этому поводу было бы излишне и, может, даже нескромно с моей стороны. Я имею в виду ваш отказ от планов брата, кои вы предпочли планы мистера... если не ошибаюсь, мистера Юджина Рэйберна.

Притворившись, будто он действительно не уверен в этом имени, учитель снова поднял глаза на Лиззи и тут же опустил их.

Так как она молчала, заговорить пришлось ему, и он заговорил, чувствуя еще большее замешательство.

- Ваш брат поделился со мной своими планами, как только они возникли у него. Точнее говоря, он завел об этом речь, когда я впервые пришел сюда... когда мы с ним возвращались обратно и когда я... когда впечатление от встречи с его сестрой еще не утратило для меня своей свежести.

Это было сделано, может быть, без всякого умысла, но тут маленькая швея отняла руку от подбородка, медленно, точно в раздумье, повернула достопочтенную госпожу П. лицом к обществу и приняла прежнюю позу.

- Я одобрил его мысль, - продолжал Брэдли, посмотрев на куклу и бессознательно задержав на ней свой хмурый взгляд дольше, чем на Лиззи. Одобрил потому, что кто же, как не ваш брат, должен составлять такие планы, а я к тому же надеялся помочь осуществить их.

Трудно передать, с каким удовольствием, трудно передать, с каким рвением я взялся бы за это! И не могу не признать, что, когда вашего брата постигло разочарование, оно постигло и меня. Я признаюсь в этом без всякой утайки, ничего не скрывая от вас.

То, что ему удалось столько сказать, по-видимому, приободрило его. Во всяком случае, продолжал он гораздо тверже, выразительнее, хотя то и дело сжимал зубы, а его правая рука то и дело надавливала на ладонь левой, точно ему было больно и он сдерживался, чтобы не закричать.

- Я человек, умеющий сильно чувствовать, и это разочарование было для меня ударом. Я еще не оправился после него. Но мне непривычно выставлять свои чувства напоказ. Некоторые люди вынуждены многое подавлять в себе. Очень многое. Впрочем, вернемся к вашему брату. Он принял все это так близко к сердцу, что высказал свое возмущение мистери... если не ошибаюсь, Юджину Рэйберну. Высказал в моем присутствии. Но это ни к чему не привело. Как догадается каждый, у кого открыты глаза на истинную сущность мистера... мистера Юджина Рэйберна.

Он снова взглянул на Лиззи, и на этот раз выдержал ее взгляд. Но его пылающее лицо побледнело, потом бледность сменил огненный румянец, и так несколько раз подряд, до тех пор, пока кровь окончательно не отхлынула от его щек.

- И последнее: я решил прийти сюда один и воззвать к вам. Я решил прийти сюда один и убедить вас: сойдите с пути, на который вы ступили, и вместо того, чтобы доверяться совершенно чужому человеку - тому, кто нагло обошелся с вашим братом, и не только с ним, - доверьтесь вашему брату и другу вашего брата.

Лиззи Хэксем менялась в лице вместе с Брэдли, и теперь в ее взгляде был гнев и даже страх, а пуще всего неприязнь к этому человеку. Но когда она заговорила, голос ее звучал твердо.

- Я не сомневаюсь, мистер Хэдстон, что вы пришли сюда с добрыми намерениями. И не имею права в этом сомневаться, зная вашу дружбу с Чарли. А Чарли мне остается сказать только одно: я приняла помощь, которая ему так претит, еще до того, как у него появились планы относительно меня, во всяком случае до того, как я о них узнала. Помощь была предложена мне так уважительно, так деликатно! Кроме того, у меня были веские причины принять ее, и Чарли следовало бы тоже уважать эти причины. Вот и все, что я могу сказать ему.

У него дрожали губы, когда он слушал ее ответ, в котором не было сказано ни слова о нем, а только о брате.

- Если б Чарли пришел сам, - заговорила она снова, как будто вспомнив что-то, - я бы рассказала ему, какая у меня и у Дженни опытная и терпеливая учительница и сколько трудов она кладет на нас. Скоро мы сможем заниматься сами, без нее. Чарли должен разбираться в учителях, и для его успокоения я бы сказала ему, что наша наставница вышла из заведения, где специально готовят учителей.

- Разрешите мне спросить вас, - Брэдли выжимал из себя слова, точно перемалывая их на заржавевшей мельнице, - разрешите спросить вас... Надеюсь, вы по сочтете это обидным для себя... Не позволите ли вы... Нет! Если вы не сочтете это обидным для себя, то лучше сказать так: я был бы счастлив воспользоваться возможностью приходить сюда вместе с вашим братом и отдавать вам все свои ничтожные способности и весь свой опыт.

- Благодарю вас, мистер Хэдстон.

- Впрочем, - продолжал он после паузы, украдкой вцепляясь пальцами в сидение стула, словно с тем, чтобы разломать его на куски, и сумрачно глядя на потупившуюся Лиззи. - Впрочем, мои скромные услуги, вероятно, не встретят благосклонности с вашей стороны.

Она ничего не ответила, и несчастный смотрел на нее, молча терзаясь своей страстью. Потом он вынул из кармана платок и вытер им лоб и ладони.

- Тогда я позволю себе добавить только одно, но это самое важное. Тут есть особые причины, по которым нельзя допустить того, что вы делаете, тут замешаны личные отношения, вам еще неизвестные. Они могут натолкнуть вас... я не говорю - должны

натолкнуть... на иное решение. О том, чтобы продолжать наш разговор при теперешних обстоятельствах, нечего и думать. Но я прошу вас, обещайте мне ничего не решать окончательно до следующей встречи.

- С кем? С Чарли, мистер Хэдстон?

- Нет!.. - Он вовремя осекся и добавил: - Да! И с Чарли тоже. Дайте мне возможность поговорить об этой еще раз в следующую нашу встречу, при более благоприятных обстоятельствах, и тогда вы все узнаете.

- Я не понимаю вас, мистер Хэдстон, - ответила Лиззи, качая головой.

- Удовольствуйтесь пока этим, а в следующий раз поймете все, перебил он ее.

- Что "все"? О чем вы, мистер Хэдстон?

- Вы... вы узнаете в следующий раз... - И в порыве безудержного отчаяния он воскликнул:

- Я так и не мог... не мог довести дело до конца! На мне лежит какое-то проклятие! - Потом, почти молящим голосом: Прощайте!

Он протянул ей руку. И когда она с явным колебанием, даже с неохотой, коснулась ее, странная дрожь пробежала по его телу, лицо его, мертвенно-бледное, исказилось точно от боли. И он ушел.

Кукольная швея сидела в той же позе, глядя на затворившуюся за ним дверь, до тех пор, пока Лиззи не села рядом с ней, отодвинув ее столик в угол. Тогда, глядя на Лиззи так же пристально, как сначала на Брэдли, потом на дверь, мисс Рен со свойственной ей внезапностью вздернула подбородок, откинулась на спинку кресла, сложила руки на груди и изрекла следующее:

- Гм! Если мой - я, дружок, говорю о том, кто будет за мной ухаживать, - если мой окажется таким, как этот, пусть лучше оставит меня в покое. Разве такой согласится быть на побегушках и заботиться обо мне? Такой сразу вспыхнет и взлетит на воздух.

- Ну вот, ты и отделаешься от него, - сказала Лиззи ей в тон.

- Не так все это просто, - возразила мисс Рен. - Разве он один взлетит на воздух? Нет, он и меня заодно прихватит. Мне его повадки и фокусы давно известны.

- Ты думаешь, он погубит тебя? - спросила Лиззи.

- Намеренно вряд ли, дружок, - ответила мисс Рен. - Но когда в доме, где насыпаны груды пороха, чиркают спичками, - все равно где ими чиркать, что в соседней комнате, что здесь.

- Какой странный человек, - задумчиво проговорила Лиззи.

- Подальше бы от него. Лучше бы он был иностранный, - сказала эта язвительная юная особа.

По вечерам, когда они сидели дома одни, Лиззи любила расчесывать и приглаживать густые, длинные локоны кукольной швеи. Вот и теперь она развязала ленточку, которой Дженни связывала волосы во время работы, и они золотым ливнем хлынули на сутулую спину девочки, так нуждавшуюся в этой красе.

- Нет, Лиззи, сегодня не надо, - сказала Дженни, - давай лучше посидим у огня и поболтаем. - С этими словами она тоже распустила черные волосы подруги, и они двумя тяжелыми волнами упали Лиззи на грудь. Как бы любуясь контрастом, Дженни прижалась щекой к черным волосам Лиззи и незаметным движением закрыла себе лицо своими кудрями.

- Давай поговорим, - сказала Дженни, - о мистере Юджине Рэйберне.

Что-то сверкнуло среди светлых волос, лежавших на черных волосах, и если это была не звезда - откуда же ей там взяться! - значит, это был чей-то глаз, а если глаз, значит - глаз Дженни Рен, зоркий и блестящий, как у маленькой птички.

- Почему вдруг о мистере Рэйберне? - спросила Лиззи.

- Просто так, захотелось! Любопытно, он богатый?

- Нет, не богатый.

- Бедный?

- Да, для джентльмена, пожалуй, бедный.

- Ах, верно! Ведь он джентльмен! Не нам чета, правда?

Покачивание головой, задумчивое покачивание головой, и тихий ответ:

- Да, да, правда.

Кукольная швея сидела, обняв подругу за талию. Теперь она прижала ее к себе еще крепче, в то же время ухитрившись незаметно дунуть на свои волосы, и тогда глаз, сверкавший среди светлых кудрей, стал еще ярче, взгляд его еще внимательней.

- Мой будет не из джентльменов. А если окажется джентльменом, я такого быстро спроважу. Впрочем, мистер Рэйберн не мой. Его я не пленила. А любопытно, Лиззи, кто-нибудь сумел его пленить?

- Очень возможно, что и сумел.

- Да? Вот бы узнать - кто?

- Разве не может быть, что какая-нибудь леди увлеклась им и он тоже ею увлекся?

- Пожалуй, может. Хотя не знаю. Лиззи! А если бы ты была леди, как бы ты к нему относилась?

- Я - леди? - со смехом повторила девушка. - Какая ты фантазерка!

- Да, фантазерка! А ты все-таки скажи, ну просто так, для интереса.

- Это я-то - леди! Я - дочь бедняка, я, которая работала за гребца в отцовской лодке. Я, которая была на Темзе вместе с моим бедным отцом и вместе с ним вернулась домой в тот вечер, когда мне пришлось впервые увидеть этого человека! И как я смутилась, поймав на себе его взгляд, так смутилась, что встала и вышла из комнаты!

"Значит, он и в тот вечер на тебя смотрел, хоть ты и не леди!" подумала мисс Рен.

- Какая же я леди! - вполголоса продолжала Лиззи, глядя на огонь. Ведь с могилы моего несчастного отца еще не смыто позорное пятно, и смыть его мне помогает этот человек! И вдруг я - леди!

- Ну, пусть я фантазерка, а все-таки! - упорствовала мисс Рен.

- Ты слишком многого от меня хочешь, Дженни, слишком многого. Моей фантазии не хватит на это. - При свете неяркого огня она улыбнулась задумчивой, грустной улыбкой.

- Но мне хочется потешить себя, Лиззи, и ты со мной не спорь, потому что я горемыка и мой непослушный ребенок сегодня меня совсем измучил. Посмотри на огонь, как тогда, когда вы жили в своем старом домишке - бывшей ветряной мельнице. Помнишь, ты рассказывала? Посмотри туда... как это у вас называлось, когда вы фантазировали с братом, который мне не нравится?

- Ямка в углях?

- Да, да! Посмотри туда, и ты увидишь там леди.

- Это гораздо проще, Дженни, чем вообразить знатной леди самое себя.

Сверкающий глаз не мигая смотрел вверх, на обращенное к огню задумчивое лицо.

- Ну? - сказала кукольная швея. - Нашлась там наша леди?

Лиззи кивнула головой и спросила:

- Сделать ее богатой?

- Да, пусть будет богатая, ведь он-то бедный.

- Она богатая-пребогатая. Сделать ее красивой?

- Уж если ты, Лиззи, красивая, так ей и подавно надо быть красавицей.

- Она красавица-раскрасавица.

- А что она говорит о нем? - тихонько спросила Дженни и устремила еще более пристальный взгляд на обращенное к огню лицо.

- Она так рада, так рада своему богатству, потому что эти деньги послужат ему. Она так рада, так рада своей красоте, потому что он сможет ею гордиться. Ее бедное сердце...

- Ее бедное сердце? - переспросила мисс Рен.

- Ее сердце, правдивое, любящее - отдано ему. Она с радостью умерла бы вместе с ним.."
Нет! Лучше умереть ради него! Она знает его недостатки, но как им не быть, когда он жил отщепенцем, ни во что не верил, никого не любил, никого не уважал! И она, богатая, красивая леди, с которой мне никогда не сравняться, говорит ему: "Дай мне занять это пустое место в твоём сердце, пойми, как мало я думаю о себе, испытай, на что я ради тебя готова, сколько я ради тебя претерплю, - и, может быть, тогда я помогу тебе стать лучше - я, которая настолько

хуже тебя, что меня и в мыслях вряд ли кто поставит рядом с тобой!"

Слушая эти самозабвенные слова, видя восторг и волнение на обращенном к огню лице, девочка откинула свободной рукой свои волосы, и в ее сосредоточенном взгляде проступил чуть ли не ужас. И как только Лиззи умолкла, она опустила голову и простонала:

- О боже мой! Боже мой!

- У тебя что-нибудь болит, Дженни? - спросила ее подруга, словно пробуждаясь от сна,

- Да, болит, только это не прежняя боль. Уложи меня, уложи поскорее. И посиди со мной.

Запри дверь и никуда не уходи. - Потом, спрятав лицо, она прошептала: - Лиззи, Лиззи! Бедная Лиззи! Любимые мои детки, спуститесь сегодня по длинным сверкающим лучам, только не ко мне, а к ней! Она нуждается в вас больше, чем я!

С просветленным лицом кукольная швея протянула руки ввысь, потом снова повернулась к Лиззи, обняла ее за шею и припала к ней на грудь.

ГЛАВА XII - Главным образом о стервятниках

Плут Райдергуд жил в самой сердцевине, в самом нутре гавани Лаймхауз, среди такелажников, среди ремесленного люда, мастеровившего мачты, весла, блоки, среди судовых плотников и парусников - точно в корабельном трюме, битком набитом самыми разношерстными представителями рода человеческого, многие из которых были не лучше его, многие гораздо лучше, но худших, чем он, там вовсе не попадалось. Не считая для себя такой уж высокой честью дружбу с Плутом, обитатели гавани, хоть и не слишком разборчивые в выборе приятелей, сплошь и рядом холодно поворачивались к нему спиной, вместо того чтобы обменяться горячим рукопожатием, и почти никогда не пили с ним в компании, разве только на его счет. Но некоторых здешних жителей, движимых духом гражданского долга и личной добродетели, даже столь сильный побудитель не мог заставить водиться с презренным доносчиком. Впрочем, у этой высокой морали были свои изъяны, ибо носители ее считали свидетеля правдивого, предстающего пред лицом правосудия, таким же плохим товарищем и прохвостом, как и лжесвидетеля.

Если бы не дочь, о которой мистер Райдергуд любил упоминать, гавань могла бы оказаться для него сущей могилой в смысле подыскания средств к жизни. Но мисс Плезент Райдергуд занимала там кое-какое положение, имела кое-какие связи. Она была закладчица - из мелких мелкая - и содержала так называемую ссудную лавку, где выдают грошовые суммы под такие же грошовые вещи, оставляемые в залог. К двадцати четырем годам Плезент имела за плечами пятилетний опыт в такого рода делах. Ссудную лавку основала еще ее матушка, и по смерти своей родительницы Плезент сама обосновалась там, унаследовав от покойной капитал в пятнадцать шиллингов, припрятанных в подушке, - факт, о котором умирающая успела сообщить дочери более или менее членораздельным шепотом, до того как водянка - результат пристрастия к джину и нюхательному табаку - повергла ее в состояние, несовместимое ни с членораздельностью, ни с дальнейшим пребыванием в этом мире.

В молодости покойная миссис Райдергуд, возможно, и взялась бы объяснить, почему они с мужем дали дочери такое имя *, а возможно, и нет. Сама Плезент и вовсе ничего не знала, - назвали Плезент, и дело с концом. С ней никто не советовался ни по этому вопросу, ни по тому, который касался ее появления на нашей планете и необходимости обзавестись каким-нибудь именем. Точно так же Плезент стала обладательницей того, что в просторечии именуется "глаз с косинкой" (отцовское наследие), от чего она, по всей вероятности, отказалась бы, если бы ее вкусы и желания приняли в расчет. Вообще же, мисс Райдергуд была не такая уж дурнушка, хотя она и отличалась землистым цветом лица, худобой, суетливостью и выглядела вдвое старше своих лет.

Инстинкт или же натаска заставляют охотничьих собак преследовать некоторые живые существа - разумеется, до известных пределов, - и подобно им Плезент Райдергуд (да не сочтут такое сравнение обидным для нее), повинувшись инстинкту или натаске, считала моряков - разумеется, тоже до известных пределов - своей добычей. Стоило показать ей человека в матросском бушлате, и она - выражаясь образно - запускала в него зубы. И все же, принимая во внимание обстоятельства жизни Плезент, ее нельзя было назвать ни коварной, ни злой. А

посудите сами, сколько всего приходилось учитывать в таком нелегком жизненном опыте. Стоило показать Плезент Райдергуд свадебный кортеж на улице, и она видела в нем только двух человек, получивших законное дозволение на ссоры и потасовки. Стоило показать ей крестины, и она видела в них только крошечного язычника, которому дадут имя, по существу совершенно излишнее, так как укрепится за ним какое-нибудь бранное прозвище, и этот крошка, не желанный ни отцу, ни матери, будет всем мешать и получать справа и слева одни пинки и колотушки до тех пор, пока не вырастет настолько, чтобы раздавать пинки и колотушки собственноручно. Стоило показать ей похороны, она и тут видела только не окупающую себя церемонию, похожую на маскарад, где все в черном, единственный парадный прием, устроенный покойником за всю его жизнь, который хоть и придает временное благообразие участникам, но требует огромных издержек. Стоило показать ей какого-нибудь отца семейства, и она видела в нем только копию собственного отца, который с самого ее младенчества лишь урывками, от случая к случаю вспоминал о своем отцовском долге, а долг этот заключался, по его понятиям, в применении кулака или ремня и, будучи выполненным, не приносил Плезент ничего кроме боли. Итак, принимая во внимание все эти обстоятельства, следует сказать, что Плезент Райдергуд выросла совсем не такой дурной девушкой. В ее натуре была даже романтическая жилка - если допустить, что романтика ухитряется проползать в гавань Лаймхауз, - и может статься, когда мисс Райдергуд стояла летними вечерами в дверях своей лавки, сложив руки на груди и подняв глаза от зловонной улицы к закатному небу, перед ее мысленным взором появлялись туманные видения далеких островов в южных и других морях (в подробности географического характера она не вдавалась), где было бы так приятно бродить среди хлебных деревьев рука об руку с другом сердца, поджидая, не занесет ли туда попутный ветер какой-нибудь корабль из суетных портов цивилизованного мира, - потому что без моряков, за счет которых можно пожить, для мисс Плезент и рай был бы не в рай.

И вот однажды вечером, хоть и не летним, она снова появилась у низенькой двери своей лавки и сразу привлекла к себе внимание человека, стоявшего на противоположной стороне улицы. Вечер выдался пронизывающе холодный, темный, ветреный. Подобно большинству обитательниц гавани Лаймхауз, Плезент Райдергуд была присуща одна особенность, а именно: волосы ее, собранные сзади в неряшливый пучок, то и дело рассыпались, и прежде чем предпринять что-нибудь, ей приходилось сначала приводить их в порядок. Так и сейчас - выйдя из лавки поглазеть на улицу, она, по существующему в гавани обычаю, обеими руками заводила себя на затылке, словно часы. И так сильна была власть этого обычая, что в случае драки или тому подобных уличных волнений гаванские дамы со всех сторон мчались к месту происшествия, приводя в порядок прическу, а многие из них к тому же держали гребенки в зубах.

Лавчонка мисс Райдергуд, на редкость убогая, с низким потолком, до которого можно было достать рукой, выглядела немногим лучше какого-нибудь подвала или погреба, куда спускаешься по ступенькам. И все же, в ее чуть освещенном окне, среди двух-трех ярких шейных платков, поношенного матросского платья, нескольких грошовых хронометров и компасов, двух скрещенных трубок, банки табаку, бутылки орехового соуса, ужасающих карамелек и тому подобных сомнительных благ, служивших для сокрытия основных операций ссудной лавки, виднелась надпись: "Квартира и стол для моряков".

Увидев Плезент Райдергуд, человек перешел улицу так быстро, что не дал ей времени завести себя на затылке.

- Отец дома? - спросил он.

- Должен быть дома, - ответила Плезент, опуская руки. - Входите.

Уклончивость ответа объяснялась тем, что Плезент учуяла в незнакомце моряка. Ее отца дома не было, и она знала это.

- Садитесь к огню, - последовало радушное предложение, когда незнакомец вошел в лавку. - Такие, как вы, всегда у нас желанные гости.

- Спасибо, - поблагодарил он.

Во всей его повадке было что-то матросское, и руки у него были как у матроса, хоть и не заскорузлые. Плезент безошибочно распознавала моряков по виду, и ей сразу бросилась в глаза не только необычная гладкость кожи этих рук, правда, загорелых, но и чисто матросская их мускулистость и гибкость, когда, сев в кресло, ее гость положил левую руку на левую ногу, чуть повыше колена, а правую - на деревянный подлокотник, так что кисть свободно свесилась вниз с чуть подобранными к ладони пальцами, словно только что державшими канат.

- Вам, наверно, нужна квартира со столом? - осведомилась Плезент, заняв наблюдательный пункт у камина.

- Я еще сам не знаю, - ответил незнакомец.

- Может, вы ищете ссудную лавку?

- Нет, - сказал он.

- Да, - согласилась с ним Плезент, - для этого вы слишком хорошо одеты. Но если вам понадобится квартира или ссудная лавка, у нас здесь и то и другое.

- Знаю, знаю, - проговорил незнакомец, осматриваясь по сторонам. - Я тут не впервые.

- Закладывали что-нибудь? - спросила Плезент, прикидывая в уме, каков мог быть заклад и проценты на него.

- Нет. - Он покачал головой.

- Что вы у нас не квартировали, это я почти наверняка могу сказать.

- Никогда не квартировал. - Незнакомец снова покачал головой.

- Так зачем же вы сюда приходили? - спросила Плезент. - Я что-то вас не припоминаю.

- И не мудрено. Дело было ночью, я стоял вон там, у двери, на нижней ступеньке, ждал одного товарища по плаванию, а он заходил сюда поговорить с вашим отцом... Но мне эта лавка хорошо запомнилась, - добавил он, продолжая с любопытством оглядываться по сторонам.

- Это, наверно, давно было?

- Да, давненько. Когда я вернулся из последнего плавания.

- Значит, вы теперь не плаваете?

- Нет. Одно время лежал в лазарете, а потом работал на берегу.

- Это и по рукам видно.

Пронизывающий взгляд, мимолетная улыбка и перемена позы заставили ее замолчать.

- У вас зоркий глаз. Да! По рукам сразу видно.

Его взгляд встревожил Плезент, и она испытующе уставилась ему в лицо. В этой перемене позы, хоть и внезапной, не было ни следа растерянности, и больше того - как только он снова свободно откинулся на спинку кресла, в нем почувствовалась скрытая уверенность в себе и сила, почти грозная.

- Что же, ваш отец скоро придет?

- Не знаю. Не могу сказать.

- Как же так? Вы мне ответили: "Должен быть дома", следовательно, если он вышел, то недавно?

- Я думала, он вернулся, - пояснила Плезент.

- Ах, вы думали, он вернулся! Следовательно, его дома не было? Как же так?

- Хорошо, не буду вас обманывать. Отец на реке.

- Промысел у него все тот же? - спросил незнакомец.

- О чем это вы? - Плезент попятилась от него. - И что вы, собственно, от нас хотите?

- Повредить вашему отцу я не хочу. И уверять вас, что мог бы ему повредить, тоже не хочу. Мне надо поговорить с ним. Скромное желание, правда? Секретов тут никаких нет, и вы можете присутствовать при нашей беседе. И говорю вам прямо, мисс Райдергуд, выжать что-нибудь из меня, поживиться на мой счет вам не удастся. Ваша ссудная лавка и ваши квартиры со столом обойдутся без такого клиента, как я. И вообще по вашей части на мне и шести пенсов не заработаешь. Оставьте это попечение, и у нас с вами дела пойдут на лад.

- Но вы все-таки моряк? - упорствовала Плезент, точно этого было достаточно, чтобы иметь на него какие-то виды на предмет поживы.

- И да и нет. Был когда-то моряком и, может, опять буду. Но я не по вашей части. Уж поверьте мне на слово.

Разговор достиг того переломного момента, когда волосы мисс Плезент вполне могли рассыпаться по плечам. Так и случилось: они рассыпались у нее по плечам, и она стала закручивать их, исподлобья глядя на незнакомца. Пристально рассматривая ладно сидевшую на нем матросскую одежду, мисс Плезент углядела большой нож в ножнах, висевший у него наготове у пояса, и свисток на шнурке, надетом на шею, и короткую, свинцовую дубинку с шипами, выглядывающую из кармана широкой верхней куртки или бушлата. Он сидел, спокойно глядя на нее, но эти видимые глазу дополнения к его костюму, эта густая шапка волос и бакенбарды цвета пакли придавали ему грозный вид.

- Поверьте мне на слово, - повторил незнакомец, Плезент молча кивнула. Следом за ней и он молча кивнул головой. Потом поднялся и стал ближе к камину, сложив руки на груди и поглядывая то в огонь, то на Плезент, которая, тоже со сложенными на груди руками, стояла, прислонившись к каминной доске.

- Чтобы не скучать в ожидании вашего отца, - вдруг заговорил он, расскажите-ка мне, как у вас тут теперь - частенько моряков грабят, убивают?

- Нет, - ответила Плезент.

- А все-таки, случается?

- Поговаривают, будто в Уэппинге * и Рэтклифе, вообще в тех местах, беспокойно. Да походи разбери, где тут правда, где ложь!

- Вот именно! Да и кому это нужно - грабить, убивать?

- И я того же мнения, - подхватила Плезент. - Была бы нужда! А ведь моряки, дай бог им здоровья, и сами при себе ничего удержать не могут.

- Правильно! Обчищать их и так можно, без смертоубийства, - сказал незнакомец.

- Конечно, можно, - согласилась Плезент. - Их обчистят, а они опять на корабль и опять при деньгах. Корабль самое хорошее место для моряка, и чем скорее он туда попадет, тем лучше. В плавании ему самое житье.

- Знаете, почему я об этом спрашиваю? - Незнакомец поднял глаза от огня. - Со мной однажды тоже вот так разделались и бросили, думали, что мертвый,

- Да неужто? - воскликнула Плезент. - Где же это с вами случилось?

- Где случилось? - задумчиво повторил незнакомец, поглаживая правой рукой подбородок, а левую опуская в карман куртки. - По-моему, где-то здесь, поблизости. В какой-нибудь миле отсюда.

- Вы пьяный были? - спросила Плезент.

- Мне чего-то подсыпали. Вина я не пил. Одного глотка хватило, чтобы одурманить. Понимаете?

Плезент, нахмурившись, покачала головой. Это должно было означать, что она все поняла и негодует.

- Надо по-честному, а это никуда не годится! Разве можно так поступать с матросом!

- Такие чувства делают вам честь, - сказал незнакомец с хмурой улыбкой, потом добавил вполголоса: - Тем более что ваш отец, по-видимому, их не разделяет. Да, мне тогда нелегко пришлось. Я всего лишился и еле отстоял свою жизнь - так ослаб.

- А эти люди хоть поплатились? - спросила Плезент.

- Расплата последовала страшная, - с еще большей серьезностью ответил незнакомец, - но я тут ни при чем.

- А кто же? - спросила Плезент.

Он указал пальцем вверх, медленно опустил руку и, снова взявшись за подбородок, устремил взгляд на огонь. Плезент Райдергуд уставилась на него своим, унаследованным от отца, косым взглядом, чувствуя, что поведение этого человека, державшегося так таинственно, строго и спокойно, все больше и больше начинает тревожить ее.

- Ну, как бы там ни было, - сказала она, - а я, признаться, рада, что они поплатились, и не хочу этого скрывать. Такие злодеяния только кладут тень на наше дело. Я, как и сами моряки,

против всяких покушений на них. Меня еще покойная матушка наставляла: с моряками, говорила она, надо вести дело по-честному и чтобы никаких грабежей, никаких побоев. - Что касается честного ведения дел, то мисс Плезент охотно брала бы и брала, когда предоставлялась возможность, - по тридцать шиллингов в неделю за комнату со столом, которые не стоили и пяти шиллингов, и совершала операции в ссудной лавке на столь же справедливых основах. И все же совесть у мисс Райдергуд была такая чувствительная и сердце такое нежное, что стоило кому-нибудь нарушить ее принципы, как она становилась поборницей прав матросского племени и ополчалась тогда даже против отца, которому редко осмеливалась перечить.

Говорить дальше Плезент помешал сердитый отцовский возглас: "Ну, ты, попугай!", и отцовский головной убор, который его рука запустила ей прямо в лицо. Привыкшая к тому, что он только таким способом и выражает свое понимание родительского долга, Плезент утерлась волосами (как водится, рассыпавшимися у нее по плечам) и опять закрутила их в пучок на затылке. Таков был второй обычай, которого придерживались обитательницы гавани в пылу словесных или кулачных поединков.

- Вот научили попугая болтать! - пробормотал мистер Райдергуд и, подняв шапку с полу, подскочил к дочери боком, норовя толкнуть ее локтем и головой, потому что разговоры на такую деликатную тему, как ограбление моряков, приводили его в бешенство, а сегодня к тому же он был не в духе. Чего расстрекоталась! Сложила ручки и готова стрекотать, как попугай, хоть до утра. Делать тебе больше нечего!

- Оставьте ее в покое, - сказал незнакомец. - Мы с ней разговаривали. Какая в этом беда?

- Оставить в покое? - возмутился мистер Райдергуд, оглядывая его с головы до ног. - А вы разве не знаете, что она моя дочь?

- Знаю.

- А то, что я не позволю своей дочери болтать, как попугай, тоже знаете? И не только ей не позволю, а и никому другому. Да вы, собственно, кто такой? Да вам, собственно, что здесь надо?

- А вы замолчите, тогда я скажу, - резко осадил его незнакомец.

- Ладно, - сказал мистер Райдергуд, несколько струсив. - Помолчу послушаю. Только не болтайте, как попугай.

- Выпить хотите? - посмотрев на него в упор, также резко отчеканил незнакомец.

- Еще бы! - воскликнул мистер Райдергуд. - Будто я когда отказывался от выпивки! (Нелепость вопроса возмутила его.)

- Что будете пить? - спросил незнакомец.

- Херес, - в тон ему ответил мистер Райдергуд, - если вас на это хватит.

Незнакомец сунул руку в карман, вынул полсоверена и попросил мисс Райдергуд не отказать в любезности принести бутылку хереса. - Не раскупоренную, - добавил он, выразительно поглядев на ее отца.

- Об заклад готов побиться, что вы стреляный воробей! - пробормотал тот, кривя губы в хмурой улыбке. - Видел я вас раньше или нет?.. Н-нет, не видел. Незнакомец ответил:

- Да, не видели. - И они продолжали угрюмо смотреть друг на друга до тех пор, пока Плезент не вернулась.

- Достань рюмки с полки, - приказал дочери мистер Райдергуд. - Мне дай ту, что без ножки. Человеку, который добывает хлеб в поте лица своего, и такая сойдет. - Эти слова, казалось бы, свидетельствовали о скромности и самопожертвовании, но, как не замедлило выясниться, ставить безногую рюмку с вином на стол было нельзя, ее приходилось опоражнивать сразу после наполнения, вследствие чего мистер Райдергуд ухитрялся пить втрое больше гостя.

Держа свой Фортунатов кубок * наготове, он сел за стол ближе к огню, незнакомец занял место напротив, а Плезент устроилась на табуретке между ним и камином. Фон этой мизансцены - шейные платки, шляпы, куртки, рубашки и прочее тому подобное старье "из закладов" - чем-то смутно напоминал подслушивающих людей, особенно в том углу, где

висела блестящая клеенчатая куртка и шляпа, - ни дать ни взять какой-нибудь неуклюжий матрос, который так заинтересовался беседой за столом, что замер на месте спиной к обществу, успев только просунуть руки в рукава и поднять плечи до самых ушей.

Для начала гость поднес бутылку к свече, посмотрел вино на свет и обследовал пробку. Удостоверившись в ее целостности, он медленно вынул из внутреннего кармана куртки заржавленный складной нож, открыл в нем штопор и откупорил бутылку. Потом опять обследовал пробку, вывинтил из нее штопор, положил то и другое на стол и протер горлышко изнутри уголком платка, завязанного у него узлом на шее, - все это обстоятельно, не спеша.

Глядя на своего неторопливого гостя, поглощенного всеми этими манипуляциями, Райдергуд сначала сидел спокойно, вытянув руку с зажатой в ней наготове безногой рюмкой. Но вот мало-помалу рука его стала тянуться назад, рюмка опускалась все ниже и ниже, и, наконец, он поставил ее на стол, доньшком вверх. Также постепенно вниманием его завладел складной нож. И когда незнакомец поднял бутылку, готовясь наполнить рюмки, Райдергуд встал, нагнулся над столом, чтобы разглядеть нож как следует, и потом перевел взгляд на своего гостя.

- Что такое? - спросил тот.

- А нож-то знакомый! - сказал Райдергуд.

- Еще бы не знакомый!

Он мотнул головой, показывая Райдергуду на рюмку, и наполнил ее до краев. Райдергуд выпил все до капли и снова начал:

- Этот нож...

- Подождите, - сдержанно проговорил незнакомец. - Я хочу выпить за вашу дочь. Будьте здоровы, мисс Райдергуд.

- Этот нож я видел у одного матроса, у Джорджа Рэдфута.

- Правильно.

- Этого матроса я хорошо знал.

- Правильно.

- Какая же его постигла судьбина?

- Его постигла смерть. Жестокая смерть. Смотреть на него после этого, - ответил незнакомец, - было страшно.

- После чего "после этого"? - спросил Райдергуд, сдвигая брови.

- После того, как его убили.

- Убили? Кто убил?

Вместо ответа незнакомец пожал плечами, наполнил безногую рюмку, и Райдергуд, выпив ее, перевел изумленный взгляд с дочери на гостя.

- Вы что же, так прямо и заявляете мне, честному человеку... - начал было он, сжимая в кулаке пустую рюмку, как вдруг куртка гостя приковала к себе его взгляд. Он навалился на стол, стараясь разглядеть ее поближе, дотронулся до рукава, отвернул обшлаг, посмотрел подкладку (незнакомец терпел все это с полным хладнокровием) и воскликнул: - Сдается мне, что куртка тоже Джорджа Рэдфута!

- Угадали! Он был в ней в тот последний раз, когда вы его видели, но больше вам не придется его видеть на этом свете.

- Сдается мне, что вы попросту признаетесь в убийстве! - воскликнул Райдергуд, но тем не менее позволил налить себе вина.

Вместо ответа незнакомец снова пожал плечами, не проявив ни малейшего замешательства.

Райдергуд с минуту смотрел на своего гостя во все глаза, потом выпил вино залпом и пробормотал:

- Убей меня бог, не знаю, как мне быть с этим молодчиком! Ну, выкладывайте карты на стол! Скажите что-нибудь повразумительнее!

- Скажу, - негромко, но веско проговорил его гость, наклоняясь к нему через стол. - Вы лжец!

Неподкупный свидетель вскочил со стула и взмахнул рукой, точно собираясь швырнуть рюмку незнакомцу в лицо. Тот даже бровью не повел, а только многозначительно и строго погрозил Райдергуду пальцем, после чего этот образец неподкупности сразу одумался, сел на место и поставил рюмку на стол.

- Признавайтесь, когда вы явились к тому адвокату в Тэмпле со своими выдумками, - продолжал незнакомец так уверенно, что это хоть кого могло вывести из себя, - у вас были сильные подозрения насчет вашего дружка? Признавайтесь, ведь были?

- У меня - подозрения? Насчет какого дружка?

- Повторите, чей это нож? - потребовал незнакомец.

- Этот нож принадлежал тому и был собственностью того, кого я вам назвал. - Райдергуд не мог придумать ничего умнее, как обойти в своем ответе имя убитого.

- Повторите, чья это куртка?

- Эта носильная вещь тоже принадлежала тому и ею владел... тот, кого я назвал, - тупо, точно на допросе в Олд-Бейли *, повторил Райдергуд.

- Я подозреваю, что вы приписали убийство ему и решили: вот хитрец, как он ловко выпутался! Но для того, чтобы выпутаться таким способом, большой хитрости не требовалось. Он поступил бы гораздо хитрее, если бы встал из могилы на одну-единственную минуту.

- Нечего сказать, в хорошем положении я очутился! - пробормотал мистер Райдергуд и поднялся из-за стола, готовый защищаться до последнего. - Всякие наглецы напялят на себя куртку с покойника, с его собственным ножом в кармане, приходят в дом к живому честному человеку, который добывает хлеб в поте лица своего, несут бог весть что, возводят на честного человека бог весть какую напраслину! Почему это я должен был его подозревать?

- Потому, что вы знали, - ответил гость, - потому, что вы с ним действовали заодно, и потому, что вас своей личиной он не обманывал. Потому, что в ту ночь, в которую по вашим соображениям и произошло убийство, он явился сюда прямо с корабля и спрашивал у вас, где бы ему найти комнату. Разве с ним не было другого человека?

- Был, да не вы! Под присягой готов подтвердить, - ответил Райдергуд. - Вы меня запугиваете, а, на мой взгляд, дело-то против вас оборачивается. Джордж Рэдфут, видите ли, пропал без вести, и никто его не хватился! Да разве с матросами так не случается сплошь и рядом? На большой срок пропадают, и то ничего. Записываются в команду под чужой фамилией, уходят в дальнее плавание, да мало ли что! А потом, глядишь, опять появился на свет божий, и никто этому не удивляется. Спросите мою дочь. Без меня вы с ней, как попугай, болтали. Пусть теперь этот попугай вам ответит. Вы меня заподозрили, будто я его заподозрил! А, думаете, я вас ни в чем не подозреваю? Вы говорите, что Джордж Рэдфут убит. Так будьте любезны ответить, кто его убил, и откуда вам известно, что он убит? У вас в кармане его нож, а на плечах его куртка. Будьте любезны ответить, как они к вам попали! Дайте мне бутылку! - Тут мистер Райдергуд, по-видимому, впал в искреннее заблуждение, сочтя вино своей собственностью. - А ты! - Он повернулся к дочери, наливая херес в безногую рюмку. - Вот только доброго вина жаль, а то швырнул бы в тебя бутылкой! Настрекотала ему с три короба! Много ли такому надо, чтобы заподозрить невинного? Послушал попугая, и готово дело. А уж если я кого в чем заподозрю, так сумею доказать, я человек честный, добываю хлеб в поте лица своего, как все честные люди. Он снова налил себе хересу, отпил половину, подержал вино во рту, прежде чем проглотить, и, заглянув, в рюмку, медленно всколыхнул ее содержимое, а Плезент, прическа которой после такой отповеди немедленно пришла в беспорядок, стала закручивать волосы на затылке, как закручивают хвост лошади, прежде чем вести ее на ярмарку.

- Ну? Кончили? - спросил незнакомец.

- Нет, - ответил Райдергуд. - Не кончил. До конца еще далеко. Сначала я хочу узнать, что приключилось с Джорджем Рэдфутом и каким образом вам достались его пожитки?

- Может, когда и узнаете, только не сейчас.

- А еще я хочу узнать, - продолжал Райдергуд, - не собираетесь ли вы приписывать дело этого... как его там...

- Дело Гармона, отец, - подсказала Плезент.
- Молчи, попугай! - рявкнул он. - Держи язык на привязи! Так вот, сударь, я хочу знать, не приписываете ли вы это преступление Джорджу Рэдфуту.

- Может, когда и узнаете, только не сейчас.

- А уж не убийца ли вы сами? - с угрожающим жестом проговорил Райдергуд.

- Тайна этого преступления известна мне одному, - ответил незнакомец, строго покачав головой. - И мне одному известно, что в ваших выдумках нет ни слова правды. Мне одному известно, что они ложны от начала до конца, и вы сами в них не верите. Вот и все, что вам удастся узнать от меня сегодня.

Мистер Райдергуд с минуту сидел в раздумье, уставившись своим косым глазом на гостя, потом налил себе вина и в три глотка опорожнил рюмку.

- Закрой лавку! - вдруг крикнул он дочери, поставив свой безногий сосуд на стол. - Запри дверь на ключ и не отходи от нее. А если вам все это известно, сударь, - обратился он к незнакомцу, становясь между ним и дверью, - почему вы не пошли к адвокату Лайтвуду?

- И это известно только мне одному, - последовал хладнокровный ответ.

- Ну, а если убийство Гармона не ваших рук дело, тогда своим обличением вы можете зашибить пять, а то и все десять тысяч фунтов. Это вам известно? - спросил Райдергуд.

- Известно. И когда я потребую вознаграждение, там будет и ваша доля.

Честный человек умолк и шагнул чуть ближе к незнакомцу и чуть дальше от двери.

- Мне все известно, - спокойно повторил незнакомец, - и то, что за вами и Джорджем Рэдфутом числится не одно черное дело, и то, что вы, Роджер Райдергуд, оклеветали ни в чем не повинного человека в расчете на вознаграждение, и то, что я могу уличить вас во всем этом - и уличу, сам буду свидетелем, клянусь вам! - если вы будете противиться мне.

- Отец! - взмолилась Плезент, все еще стоявшая у двери. - Уступи ему! Не противься! Не то накличешь на себя еще не такую беду! Отец!

- Замолчи! попугай! Цыц! - крикнул мистер Райдергуд, в бешенстве не зная, к кому из них кинуться. Потом заканючил, приниженно, льстиво: Помилуйте, сударь! Вы так и не сказали, что вам от меня нужно! Это несправедливо, это вам не к лицу - говорите, будто я противлюсь, а чему противлюсь, не объясняете!

- Мне нужно немного, - сказал незнакомец. - То ли вы обвинили человека, то ли нет - не поймешь, и этого так оставить нельзя. Вы погнались за денежками, а теперь возьмите свои поклепы обратно.

- Слушайте, друг...

- Какой я вам друг! - сказал незнакомец.

- Ну, тогда капитан, - не сдавался Райдергуд. - Капитаном-то можно вас называть? Это звание почетное, вам оно в самый раз. Капитан! Ведь человек-то давно умер! Нет, вы по чести скажите! Умер Старик или нет?

- Да, - нетерпеливо отрезал тот. - Умер. Ну и что же из этого?

- Разве слова могут повредить покойнику? Я, капитан, хочу, чтобы вы мне по чести ответили.

- Слова могут повредить памяти покойного, и они могут повредить его детям, которые живы. Сколько их было у этого человека?

- У кого, капитан, у Старика?

- О ком же еще речь! - воскликнул незнакомец и чуть не ударил Райдергуда ногой, словно тот пресмыкался перед ним не только морально, но и физически. - Я слышал о сыне и дочери. Мне надо знать точно, и я спрашиваю вашу дочь, предпочитая разговаривать с ней. Сколько детей оставил Хэксем?

Плезент взглядом попросила у отца разрешения ответить, и честный человек гневно крикнул:

- Ты что же не отвечаешь капитану, черт тебя подери! Когда не надо, так она, шельма, стрекочет не хуже попугая!

После такого поощрения мисс Райдергуд сообщила, что у Хэксема было двое детей: дочь

Лиззи и сын - подросток. - Оба смирные, порядочные, добавила она.

- Какое ужасное пятно лежит на них! - воскликнул незнакомец, и эта мысль так взволновала его, что он встал и заходил по комнате взад и вперед, повторяя вполголоса: - Ужасно! Просто ужасно! Но кто мог это предвидеть! Потом остановился и спросил: - Где они живут?

Плезент снова пояснила, что с Хэксемом жила только дочь и сразу же после его смерти она уехала из гавани.

- Это я знаю, - сказал гость. - Я был у них в доме, когда опознавали труп. А нельзя ли разведать, где она сейчас живет, только без огласки?

Разумеется, можно. Как она думает, сколько ей на это потребуется времени? Самое большее день. Вот и хорошо! Он пойдет за ответом и надеется, что к его приходу она все выяснит. Райдергуд молча выслушал их разговор и затем подобострастно обратился к "капитану":

- Капитан! Что бы я там ни наговорил на Старика, он всегда был порядочным мерзавцем, всегда промышлял воровством, и вы этого не забываете. Я, может, хватил через край, когда был у тех двоих хозяев - у мистера Лайтвуда и у другого хозяина, - но что мною руководило? - заботился о правосудии или, если это угодно, распалился, как всякий человек, когда у него есть надежда сорвать большой куш для своей семьи. Опять же вино у тех почтенных джентльменов не пошло мне на пользу, хотя они вряд ли чего-нибудь в него подмешали, этого я не утверждаю. И вы, капитан, вот еще о чем не забываете: разве я стоял на своем, когда Старик ушел? Разве я говорил тем двоим почтенным джентльменам: "Что я показал, то показываю и теперь. Что вы записали с моих слов, от того я не отступлюсь". Нет! Я им заявил по-честному и - заметьте, капитан, - без всяких уверток: "Может, тут произошла ошибка, может, в моих показаниях что и не так записано. Я лжесвидетельствовать не хочу, нет! Может, вы после этого перестанете меня уважать, но, что поделаешь, лжесвидетельствовать я все равно не стану". И если уж на то пошло, - заключил мистер Райдергуд, видимо в доказательство своей хорошей репутации, - так меня теперь многие не уважают, и вы, капитан, не уважаете, если я правильно вас понял. Но, по мне, лучше Это, чем лжесвидетельствовать. Вот и все. Если, на ваш взгляд, я действовал со злым умыслом, назовите меня злоумышленником.

- Вы должны подписать бумагу, - сказал незнакомец, не вняв его тираде. - Бумагу, в которой будет написано, что все ваши показания ложны. Ее передадут несчастной девушке. В следующий раз я приду к вам с этой бумагой за вашей подписью.

- Когда прикажете вас ждать, капитан? - спросил Райдергуд, на всякий случай опять становясь между ним и дверью.

- Долго ждать не придется. Не бойтесь, я не обману.

- А имя свое вы мне не назовете, капитан?

- Нет, не назову. И не собираюсь называть.

- Вы сказали "должен подписать"! Слова-то какие серьезные! торговался Райдергуд, продолжая нерешительно топтаться между дверью и незнакомцем. - Когда человеку говорят, ты должен сделать то, другое, третье, это получается вроде приказания. Вам самому так не кажется?

Незнакомец остановился, не дойдя до двери, и посмотрел ему прямо в глаза.

- Отец! Отец! - крикнула Плезент, поднося дрожащую руку к губам. - Не спорь! Накличешь на себя еще не такую беду!

- Выслушайте меня, капитан! Выслушайте, не уходите! - залезил мистер Райдергуд, уступая незнакомцу дорогу. - Я только вот что хочу сказать: а как же насчет награды? Вы ведь сначала не поспешили, обещали!

- Когда я ее потребую... - он не добавил "собака", но это слово ясно подразумевалось в ответе, - там будет и ваша доля.

Не сводя глаз с Райдергуда, незнакомец снова повторил вполголоса, на этот раз даже с каким-то яростным восхищением перед столь совершенным образцом человеческой низости:

"Нет, каков лжец!" - и, сопроводив свой комплимент покачиванием головы, быстро вышел из лавки. Но с Плезент он попрощался приветливо.

Честный человек, который добывал хлеб в поте лица своего, стоял, точно оцепенев, до тех пор, пока его мысли не перешли к безногой рюмке и недопитой бутылке хереса. Из мыслей и рюмка и бутылка немедленно перешли к нему в руки, остатки хереса - в желудок. Покончив с этим, честный человек очнулся от оцепенения и понял, что виной всему происшедшему болтливый попугай. Не желая упускать возможности исполнить свой родительский долг, он швырнул в Плезент парой матросских башмаков. Она увернулась и заплакала, бедняжка, утираясь волосами вместо носового платка.

ГЛАВА XIII - Соло и дуэт

По улицам гулял такой ветер, что, когда незнакомец ступил из лавки в темноту и грязь гавани, его чуть не внесло обратно. Повсюду оглушительно хлопали двери, мигали, а то и вовсе гасли фонари, раскачивались вывески, вода в канавах, подхваченная вихрем, разлеталась брызгами, как дождь. Не смущаясь всем этим и даже радуясь, что из-за непогоды на улицах пусто, незнакомец пытливо оглядывался по сторонам.

- Эти места я помню, - бормотал он. - Я не был здесь с той самой ночи, да и раньше (до той ночи) не бывал, но эти места запомнились мне крепко. Куда же мы свернули, когда вышли из лавки? Вправо, - как я сейчас поворачиваю, но больше я ничего не помню. Может быть, мы шли вот по той улице? Или этим проулком?

Он попробовал и тот и другой путь, но сбился окончательно и пришел на старое место.

- Помню, из окон верхних этажей торчали шесты, на которых сушилось белье, помню приземистую харчевню в узком тупичке и как оттуда несло пиликанье скрипки и шарканье ног по полу. Но вот проулок, где торчали шесты, вот та самая харчевня, а мне этого мало - все мерещится какая-то стена, темный дверной проем, лестница и комната.

Он зашагал в другом направлении, но память и тут не пришла ему на помощь, - слишком много попадалось по дороге стен, темных дверных проемов и лестниц. И как все, кто блуждает наугад, он кружил и кружил вокруг одного места, каждый раз возвращаясь туда, откуда начинал свои поиски.

- Так описываются в книгах побеги из тюрем, - сказал он. - Короткий путь беглецов в ночной темноте всегда оказывается нескончаемым путешествием по кругу. Видимо, в этом есть какой-то скрытый закон.

И тут незнакомец, которого недавно разглядывала мисс Плезент Райдергуд, исчез - ни волос, серых, как пакля, ни такого же цвета бакенбард. Он оставил на себе только матросскую куртку и сразу превратился в такое точное подобие бесследно пропавшего мистера Джулиуса Хэнфорда, равное которому трудно было бы сыскать во всем мире. Выбрав минуту, когда ветер загнал его в один из закоулков, где не было ни души, незнакомец сунул свои косматые волосы и бакенбарды в карман. И в ту же самую минуту он стал секретарем - секретарем мистера Боффина, - ибо Джон Роксмит превратился в такое точное подобие бесследно пропавшего мистера Джулиуса Хэнфорда, равное которому трудно было бы сыскать во всем мире.

- Все нити, ведущие к месту моей смерти, потеряны, - продолжал он. Впрочем, так ли это важно теперь? Но раз уж я пришел сюда, не побоявшись разоблачения, почему бы мне не проделать хоть часть нашего тогдашнего пути? - Эти странные слова положили конец его поискам. Он вышел из гавани, зашагал к церкви и там остановился, глядя сквозь высокие чугунные ворота на кладбище. Он разглядел в темноте высокую колокольню, похожую на призрак, сопротивляющийся порывам ветра, надгробные памятники, белеющие точно мертвецы в саванах, и сосчитал удары колокола - пробило девять часов.

- Мало кому из смертных приходилось испытать то, что испытываю сейчас я, - сказал он. - Ненастным вечером смотреть на кладбище, сознавать, что тебе, подобно этим мертвецам, нет места среди живых, и помнить к тому же, что ты сам лежишь похороненный где-то, как они лежат здесь. Трудно свыкнуться с этой мыслью. Какой призрак, расхаживая неузнанным среди людей, мог бы чувствовать себя более одиноким, более чужим, чем я!

Но это романтическая сторона дела, а есть еще другая, вполне реальная, и она полна таких сложностей, что хоть я и ломаю над ними голову изо дня в день, а придумать ничего не могу. Надо заняться этим сейчас, по дороге домой. Нечего скрывать от себя, что, как многие, вернее, как почти все люди, - я уклоняюсь от разрешения самых трудных задач, которые задает нам жизнь. Но попробую себя заставить. Не уклоняйся, Джон Гармон, не уклоняйся! Додумай все до конца.

Возвращаясь в Англию из-за границы, куда мне сообщили о полученном мною богатом наследстве, - возвращаясь в страну, с которой меня связывали только самые тяжелые чувства, я боялся отцовских денег, боялся воспоминаний об отце, не доверял навязанной мне в жены корыстной девушке, не доверял намерению отца принудить меня к такому браку, не доверял самому себе, замечая, что алчность уже начинает овладевать мною, что во мне угасает признательность к тем благородным, честным друзьям, любовь которых была для нас с сестрой единственным светлым лучом в детстве. Я возвращался растерянный, в полном смятении, опасаясь и себя и всех, с кем мне пришлось бы здесь встретиться, помня только то, что богатства моего отца приносили людям одно лишь несчастье. Теперь подожди, Джон Гармон, и продумай все как следует. Так ли это было на самом деле? Да, именно так.

На корабле третьим помощником капитана служил некто Джордж Рэдфут. Я услышал его имя впервые, примерно за неделю до нашего отплытия, когда один из клерков пароходного агентства назвал меня "мистер Рэдфут". Дело было так: я поднялся в тот день на пароход посмотреть свою каюту. На палубе клерк подошел ко мне сзади, тронул меня за плечо и со словами: "Мистер Рэдфут, взгляните-ка", показал мне какие-то бумаги. А дня через два после этого, когда наш пароход стоял еще в порту, узнал мое имя и Рэдфут, но от другого клерка, который тоже подошел к нему сзади, тронул его за плечо и сказал: "Простите, мистер Гармон..." Видимо, мы с ним были одного роста и сложения, но на том наше сходство и заканчивалось, потому что когда нас видели вместе, разница между нами сразу становилась очевидной.

Как бы то ни было, обмен репликами по поводу этой путаницы легко послужил предлогом для знакомства, к тому же погода тогда стояла жаркая, а Джордж Рэдфут устроил меня в прохладную каюту, рядом со своей собственной; потом оказалось, что Джордж Рэдфут получил образование в Брюсселе, так же, как и я, и, так же, как и я, научился говорить по-французски, потом Джордж Рэдфут поведал мне свою историю - сколько в ней было правды и сколько вымысла, один бог ведает! - историю, похожую чем-то на мою. Я и сам служил когда-то во флоте. Таким образом, мы с ним стали беседовать откровенно, а этому способствовало еще то обстоятельство, что и он и все до единого на пароходе уже успели прознать, зачем я еду в Англию. Мало-помалу ему стали известны мои тревоги и зревшее у меня в мыслях намерение посмотреть на свою суженую и составить хоть какое-то представление о ней, прежде чем она узнает во мне Джона Гармона (а заодно, и испытать миссис Боффин, подготовив ей радостный сюрприз). И вот мы составили следующий план: переодеться простыми матросами (Рэдфут брался сопровождать меня в Лондоне), подыскать жилье где-нибудь по соседству с Бэллой Уилфер, попасться ей на глаза, использовать встречу, как только представится случай, и посмотреть, что из этого выйдет. Если ничего не выйдет, я ничего не проиграю, и все ограничится только отсрочкой моего визита к Лайтвуду. Точно ли это изложено? Да, совершенно точно.

Для Рэдфута выгода тут заключалась в том, что я должен был на некоторое время исчезнуть (исчезнуть на день, на два), сразу же после высадки на берег, чтобы никто меня не узнал, не опередил и не испортил всего дела. Поэтому я сошел с парохода с маленьким чемоданом (как показали потом стюард Поттерсон и пассажир Джейкоб Киббл) и стал ждать Рэдфута в темноте у той самой церкви в гавани Лаймхауз, что сейчас у меня за спиной. Так как в прежние годы я всегда старался обходить лондонский порт стороной и совсем не знал его, Рэдфут еще с парохода показал мне шпиль этой церкви. Теперь, в случае нужды, я, может быть, и вспомнил бы улицы, по которым шел к ней один от Темзы, а вот как мы вдвоем с Рэдфутым добрались от церкви до лавки Райдергуда, этого я себе не представляю - не

представляю, куда мы поворачивали, как петляли. Он, очевидно, всячески старался сбить меня с толку.

Но оставим эти домыслы, не надо примешивать их к фактам. Вел ли он меня прямым путем или окольным - какое это имеет теперь значение? Возьми себя в руки, Джон Гармон.

Когда мы зашли к Райдергуду и Рэдфут заговорил с этим мерзавцем якобы только о том, где нам поселиться, разве у меня были какие-нибудь подозрения на его счет? Нет! Ни малейших подозрений не было до тех самых пор, пока к этому не представилось повода. Помоему, он взял у Райдергуда какой-то пакетик с порошком, с каким-то снадобьем, которым впоследствии и одурманил меня, но все же я в этом далеко не уверен. Сегодня я мог приписать ему только давнее сообщничество с Райдергудом - приписать наверняка, без всякого риска ошибиться, так как они были явно на короткой ноге, да и слава у Райдергуда дурная, как мне теперь известно. Но одурманили меня или нет, это так и остается невыясненным. Подозрения мои основываются всего лишь на двух фактах. Первый: когда мы вышли из лавки, Рэдфут переложил из одного кармана в другой какой-то пакетик. Второй: теперь мне известно, что Райдергуд уже был однажды арестован за участие в ограблении какого-то горемыки матроса, которого предварительно чем-то одурманили.

Мы прошли от лавки не больше мили, в этом я твердо уверен, а потом помню стену, темный дверной проем, лестницу и комнату. Лил дождь, ночь была темная, хоть глаз выколи. Вспоминая все это, я и сейчас слышу, как дождевые струи хлещут по булыжной мостовой тупика. Комната выходила окнами то ли на Темзу, то ли на какой-то канал, то ли на доки; был отлив. Еще не потеряв ощущения времени, я знал, что в тот час вода в Темзе должна стоять на самом низком уровне, и в ожидании кофе подошел к окну, отдернул занавеску (темно-коричневую занавеску) и увидел, как свет фонарей отражается внизу, в оставшейся после отлива тине.

У Рэдфута была холщовая сумка с одеждой. А я ничего с собой не захватил, так как собирался купить матросское платье. "Мистер Гармон, вы же насквозь промокли! А меня спас брезентовый плащ, - как сейчас слышу эти слова! - Возьмите мою одежду, переоденьтесь. Может, она вам и завтра пригодится и не надо будет покупать новую. А пока вы переодеваетесь, я потороплю, чтобы скорее подавали горячий кофе". Я стал переодеваться, и вскоре он вернулся в сопровождении какого-то смуглого, почти черного человека в белой полотняной куртке, который поставил поднос с дымящимся кофе на стол и даже ни разу не взглянул на меня. Так ли это было, ничего не упущено? Нет, все точно, все так и было.

Теперь перейду к впечатлениям болезненным, бредовым. Эти впечатления так сильны, что им можно верить, хотя они перемежаются провалами, которые не оставили никакого следа в моей памяти и не поддаются временным измерениям.

Едва я успел выпить кофе, как Рэдфут начал расти, пухнуть, и вдруг меня точно толкнуло к нему. Мы схватились около двери. Он высвободился из моих рук, потому что я бил наугад, ничего перед собой не видя, кроме ходившей ходуном комнаты и вспыхивавших между нами языков пламени. Я замертво рухнул на пол. Меня перевернули ногой, оттащили за шиворот в угол. Я слышал чьи-то голоса. Опять меня кто-то перевернул. Я увидел человека своего двойника, лежавшего на кровати в моей одежде. И вдруг тишины, длившейся не знаю сколько - дни, недели, месяцы, годы? - этой тишины как не бывало: в комнате началась отчаянная драка. У моего двойника отнимали мой чемодан. В свалке меня топтали ногами, через меня падали. Я слышал звуки ударов, и мне казалось, что это рубят дерево в лесу. Я не мог бы тогда назвать свое имя, не мог бы даже вспомнить, как меня зовут. Я слышал звуки ударов, и мне чудилось, будто я лежу в лесу, а рядом со мной дровосек рубит дерево топором.

Нет ли тут ошибки в чем-нибудь? Нет, все точно, если не считать того, что мне трудно избежать слово "я". Это был не я. Меня тогда не существовало.

А потом вниз, по какому-то желобу... оглушительный шум, сноп искр перед глазами, в ушах потрескивание разгорающегося огня, и только тогда в мозгу у меня пронеслась мысль: "Джон Гармон тонет! Джон Гармон, не сдавайся! Джон Гармон, призови бога на помощь и спасай свою жизнь!" Кажется, я кричал это во весь голос, вне себя от ужаса, и вдруг то

непонятное, что давило, сковывало меня, исчезло, и я - не кто иной, как я! - забился в воде!

Река быстро несла меня, бессильного, изнемогающего от дурноты и непреодолимой сонливости. Поверх черной воды я видел огни на обоих берегах, пронесившиеся так быстро, будто они спешили убежать и оставить меня в темноте на верную смерть. Отлив все еще продолжался, но где мне было понять это в те минуты! И когда я, одолев с помощью божией мощной напор воды, ухватился за одну из лодок, стоявших у причала, меня втянуло под нес и чуть живого выбросило по другую сторону.

Долго ли я пробыл в воде? Не знаю. Во всяком случае, простыть до мозга костей я успел. Но холод оказался благодетельным для меня, потому что студеный ночной воздух и дождь помогли мне прийти в чувство на каменных плитах причала. Когда я дополз до ближайшей харчевни, меня там приняли, разумеется, за пьяного, свалившегося в реку, так как я не имел понятия, где нахожусь, не мог выговорить ни слова - отравы подействовала и на язык - и принимал сегодняшнюю ночь за вчерашнюю, благо было так же темно и так же хлестал дождь. А на самом деле с тех пор прошли целые сутки.

Сколько раз ни приходилось мне высчитывать время, которое я провел в этой кофейне, каждый раз выходило, что никак не меньше двух дней. Проверю снова. Да, так и есть. Ведь именно там, лежа в постели, я решил использовать постигшую меня беду, притворившись без вести пропавшим, и таким образом испытать Беллу. Страдая робостью с тех самых пор, когда мы с моей несчастной сестрой были еще детьми, я не мог не ужасаться при мысли о том, что нас с Беллой навязали друг другу и что наш брак увековечит проклятье, тяготеющее над богатствами моего отца, так как они всегда приносили людям одно лишь зло.

И по сей день никак не могу представить, что то место, где я выбрался из воды, и тот притон, куда меня заманили, находятся на противоположных берегах Темзы. Даже сейчас, когда я иду по направлению к дому и река остается позади, мне думается, неужели она протекает между мной и теми местами и море тоже на той стороне? Но не буду отвлекаться и перескакивать от прошлого к настоящему.

Я не смог бы привести в исполнение свой план, если бы на мне не остался непромокаемый нательный пояс с деньгами. Деньги небольшие - сорок с чем-то фунтов. Не так уж много для человека, унаследовавшего сто с чем-то тысяч! Но я был рад и сорока фунтам. Без них мне пришлось бы открыть свое инкогнито. Без них я не попал бы в Биржевую кофейню, не снял бы комнату у миссис Уилфер.

В кофейне я прожил около двух недель до того самого дня, когда увидел труп Рэдфута в полицейском участке. Под влиянием страшных галлюцинаций, возникавших в моем мозгу, - тоже одно из следствий отравления - мне казалось, что это время тянулось бог знает как долго, но на самом деле прошло дней двенадцать, не больше. С тех пор мои страдания постепенно утихли, а если возвращались, то лишь на короткий срок, и теперь, надеюсь, я от них освободился, хотя даже теперь бывают минуты, когда мне приходится делать над собой усилие и сдерживаться, прежде чем заговорить, иначе не скажешь того, что нужно сказать.

Вот я опять отвлекаюсь и не довожу мысль до конца. Но конец близок, зачем сбиваться с пути! Итак, вперед, никуда не сворачивая!

Я ежедневно просматривал газеты - не напечатают ли о моем исчезновении, но ничего такого не было. И вот, выйдя однажды вечером погулять (показываться на улицах засветло было опасно), я увидел на Уайтхолле толпу, собравшуюся у какого-то объявления. А в этом объявлении описывался я, Джон Гармон, изуродованный труп которого был обнаружен в Темзе при крайне подозрительных обстоятельствах; описывалось мое платье, перечислялись бывшие при мне бумаги, указывалось место, где меня выставили для опознания. Презрев осторожность, я, как безумный, кинулся туда, и там к галлюцинациям, особенно сильным в те дни, приметалось страшное обличье миновавшей меня смерти, и я понял, что кто-то убил Рэдфута, позарившись на деньги, из-за которых он хотел покончить со мной, и что, может статься, нас обоих спустили по темному желобу в темные воды Темзы, глубокие и быстрые в часы отлива.

В тот вечер мне стоило немалых трудов заставить себя сохранить свою тайну, хотя ни

подозрений, ни улики у меня не было, и я не знал ровным счетом ничего, кроме того, что убитый это не Джон Гармон, а Рэдфут. На второй день, пока я колебался, не зная, как мне быть, и на третий день, пока я все еще колебался, вся страна, видимо, решила счесть меня покойником. В результате дознания было установлено, что я покойник, правительство признало меня покойником. Стоило мне прислушаться из своей комнаты к голосам на улице, и не проходило пяти минут, как меня называли покойником.

Итак, Джон Гармон умер, Джулиус Хэнфорд бесследно исчез, и на свет появился Джон Роксмит. Разве можно было предугадать, какое он причинит зло посторонним людям! Но об этом ему рассказали со слов Лайтвуда, и он счел своим долгом исправить это зло.

Значит, все продумано до конца? Вплоть до сегодняшнего дня? Ничего не упущено? Нет, ничего. Ну, а как быть с тем, что простирается за сегодняшний день? Продумать до конца будущее труднее, чем продумать до конца прошлое, хотя задача эта займет меньше времени. Джон Гармон умер. Надо ли Джону Гармону возвращаться к жизни?

Если "да", то для чего? Если "нет", то почему?

Обсудим сначала первое. Для того, чтобы пролить свет на преступление человека, который уже недосыгаем для правосудия, но мать которого, может быть, еще жива. Для того, чтобы направить светоч правосудия на мощный бульварный тупик, лестницу, коричневую оконную занавеску и смуглого, почти черного человека. Для того, чтобы получить отцовские деньги и совершить низкий поступок - купить на них красивую девушку, которую я люблю, - да, люблю, ничего не поделаешь. Разум бессилен против этой любви. Вопреки разуму, я люблю девушку, которая скорее полюбит нищего на углу, чем меня ради меня самого. Вот какому делу послужат эти деньги, и как это под стать тем делам, которым они служили издавна!

Теперь обсудим второе - почему Джону Гармону не следует возвращаться к жизни. Потому, что он сам допустил, чтобы его верные старые друзья вступили во владение наследством. Потому, что они рады своему богатству, употребляют его на благо другим, стирают давнюю ржавчину и грязь, лежавшую на нем. Потому, что они по сути дела удочерили Беллу Уилфер и позаботятся о ее будущем. Потому, что по натуре своей Белла привязчива, сердце у Беллы не злое, и при благоприятных обстоятельствах доброе начало может развиваться в ней. Потому, что ее недостатки усугубила только та роль, которую отвел ей в своем завещании мой отец, теперь же она с каждым днем становится все лучше и лучше. Потому, что брак с Джоном Гармоном - об этом я слышал из ее собственных уст - был бы жестоким издевательством, которое всегда тяготело бы над нами, издевательством, которое унизило бы и меня и мою жену в наших собственных глазах и в глазах друг друга. Потому, что, если Джон Гармон вернется к жизни и не женится на Белле, наследство перейдет в те самые руки, что владеют им теперь.

Чего мне желать? Мертвый, я убедился, что мои старые друзья сохраняют к Джону Гармону такую же любовь, верность и преданность, как и при его жизни, и творят добро из уважения к его памяти, к его имени. Мертвый, я убедился, что они не только не опорочили этого имени, перешагнув через могилу Джона Гармона в алчном стремлении к благополучию и богатству, но, подобно простодушным детям, то и дело замедляют шаги на своем новом жизненном пути и вспоминают свою былую привязанность к несчастному, запуганному ребенку. Мертвый, я услышал от девушки, которая могла бы стать женой Джона Гармона, отталкивающую своей неприглядностью истину, что Джон Гармон купил бы ее, как султан покупает рабыню, не заботясь, любит она его или нет.

Чего же мне еще желать? Если бы мертвые знали, как к ним относятся живые, кто из их сонма мог бы сказать, что он обрел на земле более бескорыстную верность? Неужели мне этого мало? Если б я вернулся тогда, эти благородные люди встретили бы меня, как родного, поплакали бы надо мной, отдали бы мне все с радостью. Но я не вернулся, и они с чистой совестью заняли мое место. Пусть все так и останется, как есть, и для них и для Беллы. Но что же мне делать дальше? Вот что: прилагая все усилия к тому, чтобы меня не разоблачили, довольствоваться своей скромной ролью секретаря до тех пор, пока мои друзья не свыкнутся

с переменной, происшедшей в их жизни, пока полчища вымогателей всех родов и обличий не найдут себе новую жертву. К тому времени моя система ведения дел, к которой я приучаю и буду день ото дня приучать их, настолько наладится, что они сами смогут управлять ею, как безотказно работающим механизмом. Я знаю: стоит мне воззвать к их щедрости, и отказа не будет. Когда наступит время, я попрошу у них ровно столько, сколько мне будет нужно, чтобы вернуться на свое прежнее поприще, и Джон Роксмит удовольствуется этой стезей. Но Джон Гармон к жизни не вернется.

Чтобы никогда, даже в самом далеком будущем не мучиться сомнениями, а вдруг Белла согласилась бы принять меня в свое сердце, если б я попросил ее стать моей женой, я спрошу ее об этом прямо, и окончательно уверюсь в том, что мне слишком хорошо известно и так. А теперь все продумано от начала и до конца, и на душе у меня стало легче.

Живой мертвец был до того погружен в разговор с самим собой, что ничего не замечал вокруг и сопротивлялся порывам ветра так же машинально, как и сворачивал с одной улицы в другую. Но, очутившись в Сити возле стоянки кэбов, он задержал шаги в раздумье - ехать ли ему прямо к себе на квартиру или в особняк мистера Боффина. Наконец выбор был сделан на том основании, что матросскую куртку, перекинутую у него сейчас через руку, лучше оставить в особняке, чем везти с собой в Холлоуэй, так как миссис Уилфер и мисс Лавиния, снедаемые любопытством, пожирали глазами каждую вещь, принадлежавшую их жильцу.

Войдя в особняк, он узнал, что мистер и миссис Боффин куда-то уехали, но мисс Уилфер дома и сидит в гостиной. Мисс Уилфер не поехала с мистером и миссис Боффин по нездоровью и вечером справлялась, у себя ли мистер Роксмит.

- Передайте мисс Уилфер мои наилучшие пожелания и скажите, что я вернулся.

В ответ мисс Уилфер тоже прислала мистеру Роксмиту свои наилучшие пожелания вместе с просьбой подняться к ней перед уходом, если это не причинит ему особого беспокойства.

Какое же тут беспокойство! И мистер Роксмит поднялся наверх.

Она была очень хорошенькая, она была очень, очень хорошенькая в тот вечер! Ах! Если б отец покойного Джона Гармона оставил наследство сыну без всяких оговорок! Если бы его сын независимо от отцовской воли узнал эту достойную любви девушку и имел бы счастье сам удостоиться ее любви!

- Бог мой! Вы нездоровы, мистер Роксмит?

- Нет, совершенно здоров. Но мне сказали, к моему огорчению, что вам самой нездоровится.

- Пустяки! У меня разболелась голова - теперь уже все прошло, а в театре такая духота, вот я и решила остаться дома. Я спросила о вашем самочувствии потому, что вы очень бледны.

- В самом деле? У меня был хлопотливый вечер.

Она сидела у камина на низком диване, рядом с которым стоял сверкающий инкрустацией чудо-стол с ее вышиванием и книжкой. Ах, что за жизнь была бы у покойного Джона Гармона, если б он имел завидное право сесть на этот диван, обнять эту тоненькую талию и спросить: "Надеюсь, ты скучала без меня, дорогая? Как ты уютно здесь устроилась, богиня нашего семейного очага!"

Но Джон Роксмит, не имеющий ничего общего с покойным Джоном Гармоном, держался на почтительном расстоянии от этого дивана. На небольшом расстоянии в смысле пространства, но огромном - в смысле отчужденности от той, что сидела перед ним.

- Мистер Роксмит, - сказала Белла, беря со столика свое вышивание и сосредоточенно разглядывая его уголок за уголком, - я все искала случая объяснить, почему я была так резка с вами во время нашего недавнего разговора. Вы не имеете права думать обо мне дурно, сэр.

Не то обиженный, не то капризный взгляд, который она метнула на него при этих словах, привел бы в восторг покойного Джона Гармона.

- Если бы вы знали, как хорошо я о вас думаю, мисс Уилфер.

- Да, правда, вы, должно быть, очень высокого мнения обо мне, мистер Роксмит, если полагаете, что, живя в роскоши, я забываю о своем родном доме!

- Кто вам сказал, что я так полагаю?

- Во всяком случае, полагали, - ответила Белла.

- Я взял на себя смелость указать вам на одно маленькое упущение, которое вы сделали - совершенно невольно, непреднамеренно. Вот только и всего.

- А разрешите вас спросить, мистер Роксмит, - сказала Белла, - почему вы взяли на себя такую смелость? Надеюсь, мой вопрос не покажется вам обидным, ведь я повторяю ваши собственные слова.

- Потому, что я питаю к вам глубокий, искренний, душевный интерес, мисс Уилфер. Потому, что мне хочется видеть вас всегда достойной самой себя. Потому, что я... позволите продолжать?

- Нет, сэр! - воскликнула Белла, вся вспыхнув. - Вы и так сказали больше, чем нужно. Я прошу прекратить этот разговор. Если в вас есть хоть капля великодушия, хоть капля чести, вы не добавите ни слова!

Глядя на это горделивое личико с опущенными глазами и на блестящие каштановые локоны, колыхавшиеся на прелестной шейке в такт взволнованному дыханию, покойный Джон Гармон, вероятно, замолчал бы надолго.

- Я хочу объясниться с вами, сэр, раз и навсегда, - продолжала Белла, - и не знаю, как к этому приступить. Я просидела здесь весь вечер с твердым намерением объясниться с вами, чувствуя, что объяснение необходимо. Дайте мне только подумать минуту.

Он все молчал, она все сидела отвернувшись и лишь изредка делала легкое движение, точно порываясь поднять голову и заговорить. И, наконец, она заговорила:

- Вам известно мое положение здесь, сэр, и вам известно мое положение дома. Я вынуждена объясняться с вами сама, так как мне некого попросить сделать это за меня. С вашей стороны невеликодушно, с вашей стороны нечестно относиться ко мне так, как вы относитесь.

- Разве моя преданность вам, мое увлечение вами говорят об отсутствии великодушия, об отсутствии честности?

- Возмутительно! - воскликнула Бема. Такой ответ на его слова мог бы показаться покойному Джону Гармону слишком презрительным и высокомерным.

- Теперь я вынужден продолжать, - сказал секретарь, - хотя бы ради того, чтобы оправдаться и защитить самого себя. По-моему, мисс Уилфер, даже такому человеку, как я, нельзя ставить в вину честное признание в своих чувствах.

- Честное признание! - повторила Белла, подчеркнув первое слово.

- А разве это не так?

- Будьте добры прекратить ваши допросы, - ответила Белла, прибегнув к оскорбленному тону. - Надеюсь, сэр, вы сочтете вполне извинительным с моей стороны то, что я требую избавить меня от этого.

- Ах, мисс Уилфер, нельзя быть такой жестокой! Я переспросил только потому, что вы сами подчеркнули это слово. Хорошо, не буду настаивать на своем вопросе. Но что сказано, то сказано. Я не могу, я не хочу брать назад свое признание в глубокой преданности вам.

- Мне оно не нужно! - сказала Белла.

- Я был бы слеп и глух, если бы не приготовился заранее к такому ответу. Не казните меня, ведь ваша вина несет наказание в самой себе.

- Какое наказание? - спросила Белла.

- Разве то, что мне приходится переносить сейчас, не есть наказание? Впрочем, виноват, я не хочу снова подвергать вас допросам.

- Вы подхватили неосторожно брошенное мною слово, - сказала Белла, чувствуя легкий укор совести, - чтобы выставить меня... бог знает в каком свете. Я сказала так, без всякого умысла. Если это дурно с моей стороны, прошу прощения. Но вы повторяете мои слова с умыслом, а это непростительно. Что же касается остального, то, пожалуйста, поймите, мистер Роксмит, - мы говорим обо всем этом в первый и последний раз.

- В первый и последний раз, - повторил он.

- Да! Я вас умоляю, сэр, - с жаром продолжала Белла, - перестаньте преследовать меня. Умоляю! Не пользуйтесь своим положением в этом доме для того, чтобы сделать мою жизнь здесь неприятной и тягостной. Умоляю вас! Перестаньте навязывать мне свое внимание, да еще так подчеркнуто, что это замечаю не только я, но может заметить и миссис Боффин.

- Неужели я заслужил ваш упрек?

- Ну еще бы! - ответила Белла. - Если миссис Боффин ничего не заметила, мистер Роксмит, то не по вашей вине.

- Надеюсь, это впечатление ложное. По-моему, я не подавал к нему повода. Во всяком случае, не хотел бы подавать. Но впредь можете быть совершенно спокойны. Что было, то прошло.

- Рада это слышать, - сказала Белла. - У меня совсем другие виды на будущее, зачем же вам портить свою жизнь?

- Мне портить жизнь? - воскликнул секретарь. - Мою жизнь? - Белла подметила странный тон, которым он произнес эти слова, и не менее странную улыбку. Под ее взглядом улыбка эта исчезла. - Простите меня, мисс Уилфер, продолжал он, глядя ей в глаза, - но у вас, несомненно, есть основания, чтобы так жестоко упрекать меня, а я их не знаю. Отсутствие великодушия и честности? В чем же оно сказывается?

- Я не желаю отвечать на такие вопросы, - проговорила Белла, надменно опуская глаза.

- Я не стал бы задавать их, но вы сами вынуждаете меня к этому. Пожалейте меня, ответьте... Ответьте, хотя бы из чувства справедливости.

- Ах, сэр! - после минутного колебания сказала Белла, снова глядя на него. - Разве это великодушно и честно - использовать против меня власть, которую вам дает благосклонность мистера и миссис Боффин и ваше умение вести их дела!

- Использовать власть против вас?

- Разве это великодушно и честно - клонить все к тому, чтобы подкрепить их одобрением свое искательство, которое, как вы уже знаете, мне не нравится и которое я решительно отвергаю!

Покойный Джон Гармон мог бы многое вытерпеть, но такое подозрение ранило бы его в самое сердце.

- Я не знаю, так ли это на самом деле, надеюсь, что нет, - но разве было великодушно и честно поступать на должность секретаря, предвидя заранее, что я буду жить здесь и невыгодой моего положения можно будет воспользоваться!

- Воспользоваться низко, жестоко, - сказал секретарь.

- Да, - подтвердила Белла.

Минуту секретарь молчал, потом заговорил снова:

- Вы ошибаетесь, мисс Уилфер. Если б вы знали, как вы ошибаетесь! Впрочем, вашей вины тут нет. Я, может быть, и заслуживаю лучшего отношения к себе, но почему, - вам этого не дано знать.

- А вам, сэр, - возразила ему Белла, снова преисполняясь негодования, - вам дано знать, почему и как я очутилась здесь. Говорят, будто вы знаете чуть ли не наизусть каждую строку и букву этого завещания и вообще все дела мистера Боффина. Так неужели же вам недостаточно того, что меня оставили кому-то в наследство точно лошадь, собаку или птицу! Неужели вы тоже решили распорядиться мною и строите какие-то планы на мой счет, лишь только я перестала быть притчей во языцех и посмешищем для всего Лондона! Неужели мне суждено на веки вечные переходить из одних рук в другие!

- Вы не правы, мисс Уилфер, - сказал секретарь. - Если бы вы знали, как вы не правы!

- Я с радостью убедилась бы в своей неправоте, - ответила Белла.

- Вряд ли это когда-нибудь случится. Прощайте. Я, разумеется, постараюсь, чтобы мистер и миссис Боффин ничего не узнали о нашем объяснении. С тем, в чем вы меня упрекаете, покончено навсегда, можете быть уверены в этом.

- Тогда я рада, что высказалась, мистер Роксмит. Это было трудно, мучительно трудно, но это следовало сделать. Если я вас обидела, простите меня. Я неопытна в жизненных делах,

немного избалована, иной раз бываю взбалмошна, но я совсем не такая дурная, как кажется некоторым, в том числе и вам.

Секретарь вышел из гостиной, после того как Белла, с присущим ей своеобразием и непоследовательностью, снизошла до такого признания. Оставшись одна, она откинулась на диванные подушки и воскликнула:

- Кто бы мог подозревать, что в обворожительной женщине сидит такой дракон! - Потом поднялась, бросила на себя взгляд в зеркало и сказала, обращаясь к своему отражению: - Ну, чего же ты надулась, дурочка! - потом быстро прошла по комнате и вздохнула: - Ах, если бы папа был здесь, мы бы с ним поговорили о браках по расчету! Но, слава богу, его нет, а то я растрепала бы ему волосы, бедняжке! - А потом она откинула в сторону свое вышивание, швырнула следом за ним книгу, села на диван, запела какую-то песенку, сфальшивила на первых же нотах и окончательно не сладила с ней.

А Джон Роксмит? Что делал в это время Джон Роксмит?

Он спустился в свой кабинет и там закопал Джона Гармона еще глубже. Потом взял шляпу, вышел из особняка и по дороге в Холлоуэй, или не в Холлоуэй - ему было все равно, куда идти, - набросал горы земли на могилу Джона Гармона. Эта прогулка закончилась только на рассвете. И он так трудился всю ночь, засыпая землей могилу Джона Гармона, что к утру над Джоном Гармоном вырос целый Монблан. Но могильщик Джон Роксмит все еще продолжал подбрасывать и подбрасывать землю, облегчая себе работу погребальной песней, а слова у нее были такие: "Завали его, придави его так, чтобы он не встал!"

ГЛАВА XIV - Непокколебимое решение

То, что всю ночь напролет Роксмит заваливал землей могилу Джона Гармона, не способствовало крепкому сну, но утром могильщик все-таки задремал ненадолго и поднялся, окончательно утвердившись в своем решении. Что было, то прошло, призрак не потревожит покоя мистера и миссис Боффин; невидимый и безгласный, этот призрак помедлит еще немного около жизни, которую он оставил, а потом навсегда покинет те пределы, где ему нет места.

Секретарь Роксмит снова продумал все с начала и до конца. С ним случилось то, что случается со многими людьми, если они не учитывают заранее совокупной силы всех обстоятельств, влияющих на иные жизненные положения. Когда недоверчивость - след тяжелого детства и того пагубного, только пагубного влияния, которое отцовские деньги и сам отец распространяли на всех, кто так или иначе соприкасался с ними, - натолкнула его на мысль прибегнуть к обману, это было задумано как нечто совершенно безобидное, это было рассчитано на несколько часов или на несколько дней, это затрагивало только девушку, которую ему навязала отцовская прихоть и которой он сам был навязан отцовской прихотью, и, наконец, это было задумано из честных побуждений, ради ее же блага. Если б он увидел, что брак с ним может сделать эту девушку несчастной (потому ли, что она отдала сердце другому или по каким-нибудь иным причинам), ему осталось бы только сказать самому себе: "Чего же ожидать от этих роковых денег, кроме зла! Пусть лучше они достанутся тем, кто защищал и пригревал своей дружбой меня и мою сестру!" Когда расставленная ему ловушка так далеко продвинула его первоначальный замысел, что на всех лондонских стенах появились полицейские объявления о смерти Джона Гармона, он принял неожиданную помощь судьбы, не подумав о том, насколько это укрепит мистера и миссис Боффин в положении наследников. Когда же он увидел и узнал их заново и со своей выгодной для наблюдения позиции не обнаружил на их совести ни пятнышка, перед ним встал вопрос: "Неужели мне надо возвращаться к жизни только для того, чтобы обездолжить этих людей?" Какое благо можно было противопоставить столь тяжкому испытанию? Он слышал из уст самой Беллы - в тот вечер, когда пришел к ним снимать квартиру и стоял за дверью, - что она вышла бы за него замуж лишь по расчету. С тех пор он под видом секретаря Роксмита пытался пробудить в ней чувство к себе, и она не только отвергла его попытки, но и пришла в негодование. Купить Беллу в жены - позор; наказывать ее - низость, ему ли идти на это? Но, вернувшись к жизни и приняв отцовское условие, он свершит первое, а вернувшись к жизни и отвергнув эти условия,

свершит второе.

Еще одно последствие, которое никак нельзя было предвидеть: в его предполагаемом убийстве запутали ни в чем не повинного человека. Надо получить от доносчика отказ от его прежних показаний, загладить причиненное зло и восстановить истину. Но ведь не задумай он этого обмана, невинному человеку не сделали бы зла. Значит, все те передраги и огорчения, которых ему стоит его обман, следует принять мужественно, как неизбежность, и не жаловаться.

Таковы были утренние раздумья Джона Роксмита, и за это утро гора, выросшая ночью над могилой Джона Гармона, поднялась еще выше.

Выйдя из дому раньше обычного, он встретил у калитки херувима. Им оказалось по дороге, и они отправились вместе.

Перемену в наружности херувима нельзя было не заметить. Сам он стеснялся своего нарядного вида и счел нужным скромно сообщить:

- Это все подарки моей дочери Беллы, мистер Роксмит.

Его слова приятно поразили секретаря, потому что он помнил о пятидесяти фунтах и потому что он все еще любил Беллу. Нечего и говорить, это было проявление слабости с его стороны, - некоторые авторитеты всегда считают такие чувства проявлением слабости, - но он любил Беллу.

- Не знаю, мистер Роксмит, приходилось ли вам читать книги, где описываются путешествия по Африке? - спросил Р. У.

- Кое-что читал.

- Помните? Король Георг, или король Мальчик с пальчик, или король Самбо, или Билл, или Бык, или Ром, или Хлам? Какую кличку матросы ни придумают, под такой эти короли там и ходят.

- Где - там?

- Да везде. В этой самой Африке. Их там повсюду можно встретить, потому что черные короли товар дешевый и... - заключил Р. У. изменившимся тоном, - и, по-моему, дрянной.

- Совершенно с вами согласен, мистер Уилфер. Но вы хотели сказать...

- Я хотел сказать, что такие короли большей частью щеголяют в одном лондонском цилиндре, или в одних манчестерских подтяжках, или при одной эполете, а то напялят мундир ногами в рукава или сотворят еще что-нибудь столь же несуразное.

- Да, бывает, - подтвердил секретарь.

- Я шепну вам по секрету, мистер Роксмит, - продолжал повеселевший херувим, - что, когда все мои дети жили при мне и всех их приходилось кормить, поить, я до чрезвычайности напоминал африканского короля. Вы, человек холостой, даже не подозреваете, каких ухищрений мне стоило, чтобы иметь на себе больше одной приличной вещи сразу!

- Охотно вам верю, мистер Уилфер.

- А говорю я об этом только для того, - в порыве чувств заключил Р. У., - чтобы вы знали, какая у меня милая, нежная и заботливая дочка. Если она у нас и была избалована, так самую малость, и теперь я не ставлю ей этого в вину. Нет, нет! Ни под каким видом! А какая моя Белла красавица! Надеюсь, вы со мной согласитесь, мистер Роксмит, что Белла у меня красавица?

- Разумеется, соглашусь. С этим кто угодно согласится.

- Вот, вот! - сказал херувим. - Да тут и сомневаться нечего. А какая ей выпала удача в жизни, мистер Роксмит! Какие перед моей Беллой открываются виды на будущее!

- Лучших друзей, чем мистер и миссис Боффин, мисс Уилфер трудно было бы найти.

- Ни за что не найти! - от всей души воскликнул херувим. - И знаете, я начинаю подумывать, что все к лучшему. Если бы мистер Джон Гармон был жив...

- Он умер, и слава богу! - отрезал секретарь.

- Нет, этого я не говорю, это уж слишком! - сказал херувим, как бы возражая против такого решительного и безжалостного заявления. - Но он мог бы не пригнуться Белле, а Белла - ему. Да мало ли что могло быть! А теперь, я надеюсь, она сама найдет себе избранника.

- И, может быть... простите, что я об этом спрашиваю, но, поскольку вы оказываете мне такое доверие... может быть, у нее уже есть избранник? с запинкой проговорил секретарь.

- Нет, что вы! - ответил Р. У.

- Бывает так, - осторожно заметил секретарь, - иная девушка найдет своего избранника, а отцу об этом не скажет.

- Нет, у нас так быть не может, мистер Роксмит. Между мной и Беллой по всем правилам заключен союз и договор о взаимном доверии. Мы утвердили его совсем недавно. Он вошел в силу вот с этих... с этих пор, - херувим легонько похлопал себя по лацканам пиджака и по карманам. - Нет, нет, она еще никого не нашла. Правда, Джордж Самсон... это было в те дни, когда мистера Джона Гармона...

- Которому лучше бы не родиться на свет! - нахмурившись, проговорил секретарь.

Р. У. бросил на него недоуменный взгляд, удивляясь, с чего это он так озлобился на несчастного покойника, и продолжал:

- В те дни, когда мистера Джона Гармона разыскивали, Джордж Самсон действительно увивался вокруг Беллы, и Белла позволяла ему увиваться. Но этому и тогда никто не придавал особого значения, а теперь и подавно. Ведь Белла, мистер Роксмит, - девушка с большими запросами, я почти наверно могу предсказать, что она выйдет за какого-нибудь богача. И уж на сей раз перед ней предстанет и человек и его состояние, так что выбор будет сделан не вслепую. Мне сюда. Очень жаль с вами расставаться. Всего хорошего, сэр!

Секретарь отправился своим путем, не очень-то ободренный этой беседой, и, придя в особняк Боффинов, застал там поджидающую его Бетти Хигден.

- Не считите это за дерзость, сэр, но нельзя ли мне поговорить с вами хоть минутку, - начала Бетти. - Я буду вам очень признательна.

- Хотя целый час, - ответил секретарь, провел ее в свой кабинет и усадил в кресло.

- Я, сэр, насчет Хлюпа, - сказала Бетти, - и нарочно пришла одна. Дай, думаю, встану, пока он спит, и уйду. Мне не хочется, чтобы Хлюп знал, о чем будет речь.

- Откуда только у вас силы берутся! - воскликнул секретарь. - Вы будто мне ровесница! Бетти Хигден печально покачала головой.

- Для своих лет, сэр, я еще крепкая, но молодость моя, благодарение богу, позади.

- И вы благодарите бога за это?

- Да, сэр. Ведь если б я была молодая, вся моя жизнь началась бы сначала, и до конца оставалось бы еще, ох, сколько! Но зачем толковать обо мне, старухе! Я пришла насчет Хлюпа.

- А что с ним, Бетти?

- Дело такое, сэр: придумал он, что сможет принять благодеяние вашей доброй хозяйки и вашего доброго хозяина и работать у меня тоже, и никакими силами этого у него из головы не выбьешь. Да разве он сможет так? Волей-неволей чем-нибудь надо поступиться - или надеждой на хороший заработок, или мною. А меня он ни за что не хочет бросать.

- Его надо уважать за такое решение, - сказал секретарь.

- Уважать, сэр? Да я, пожалуй, тоже так считаю, но потакать ему в этом нельзя. Вот я и надумала: если он не согласен мною поступиться, так я сама им поступлюсь.

- Как же это, Бетти?

- Убегу от него.

Вглядевшись в полное непоколебимого мужества лицо старухи, в ее ясные глаза, пораженный секретарь повторил:

- Убежите?

- Да, сэр, - ответила Бетти, кивнув головой. И в этом кивке, в твердо сжатых губах была такая решимость, в силе которой сомневаться не приходилось.

- Ну, полно, полно! - запротестовал секретарь. - Это надо еще обдумать. Спешить некуда, попробуем сначала разобраться во всем как следует, а потом решим, что делать.

- А вы рассудите, голубчик, - сказала Бетти. - Не сердитесь на меня, но ведь по годам я вам в прабабушки гожусь. Вы, голубчик, рассудите сами. Ремесло у меня тяжелое, не прибыльное, и если б не Хлюп, давно бы я бросила работу. Но она кормила нас с ним. Теперь,

когда я осталась одна, когда даже мой Джонни и тот ушел, - лучше мне быть на ногах и уставать побольше, чем сидеть все время у очага да складывать белье. А сказать вам почему? Потому, что становлюсь я как мертвая, забытье находит от такой жизни, и начинает мне вдруг казаться, будто на руках у меня то Джонни, то его мать - моя внучка, то моя дочь... или вдруг покажется, будто я сама, ребенком, лежу на руках у матери. И тогда все во мне цепенеет - и мысли и чувства, вскочишь с места, и так страшно становится: неужто, думаю, ты не лучше тех нищих стариков и старух, которых забирают в работные дома? Вам, верно, приходилось видеть, как они бродят по улицам, когда их выпускают погреться на солнышке, - испуганные, жалкие. Я в молодые годы была проворная, не любила сидеть без дела. Так я и вашей хозяйке похвасталась, как только глаза мои увидели ее доброе лицо. Я и теперь могу ходить по двадцать миль. На ногах-то лучше, чем сидеть дома и пропадать с тоски. И вязальщица я хорошая, навяжу всего побольше и буду торговать. Если ваша хозяйка и ваш хозяин дадут мне займы шиллингов двадцать, на такие деньги можно целую корзину товара справить. Буду ходить с ней по разным местам, похожу, похожу, - притомлюсь, и перестанет у меня все холодеть внутри. И на кусок хлеба себе заработаю. Что же еще надо старухе?

- Так вот как вы задумали уйти из дому! - сказал секретарь.

- Лучше-то не придумаешь! Голубчик! Лучше ничего не придумаешь! Я ведь знаю, и вы тоже знаете, что ваша хозяйка и ваш хозяин всем бы меня обеспечили, если б мы такое между собой допустили! Королевой бы прожила остаток дней! Но мы такого между собой не допустим! Ни я, ни близкие мои сроду чужими щедротами не жили. И если бы меня теперь склонили на это, я предала бы и самое себя, и детей своих покойных, и внуков!

- Может случиться так, что это будет вполне извинительно и неизбежно... в конце концов, - осторожно намекнул секретарь, сделав легкое ударение на последних словах.

- А я надеюсь, никогда этого не будет! И не потому, что гордость во мне говорит, нет! - просто сказала старуха. - Я не могу против самой себя идти, я хочу своими силами продержаться до последнего своего часа, вот и все.

- А уж Хлюп, - добавил секретарь ей в утешение, - Хлюп только и будет о том мечтать, как бы ему поскорее выйти в люди и стать для вас тем, чем вы для него были.

- Уж на этот счет будьте спокойны, сэр! - радостно воскликнула Бетти. - Только пусть поторапливается, потому что годы у меня немалые. Но пока что я крепкая, и ни дождь, ни холод, ни дальние дороги мне не страшны. Уж вы будьте так любезны, поговорите с вашей хозяйкой и с вашим хозяином, скажите им, о чем я прошу их и зачем мне это нужно.

Секретарь понял, что спорить с этой героиней бесполезно и, придя к миссис Боффин, посоветовал ей не препятствовать решению Бетти Хигден, хотя бы первое время.

- Я знаю, вам было бы гораздо приятнее взять на себя заботы о ней, добавил он, - но, по моему, долг велит оказать уважение независимому человеческому духу.

Миссис Боффин не устояла перед таким доводом. Они с мужем тоже были когда-то тружениками и, живя среди мусорных насыпей, сберегли в чистоте свою бесхитростную совесть и честь. И если у них был какой-то долг по отношению к Бетти Хигден, этот долг им надлежало выполнить.

- Бетти! - сказала миссис Боффин, войдя вместе с Джоном Роксмитом в кабинет и словно приласкав старуху взглядом. - Бетти, я все понимаю, но зачем же уезжать из дому!

- Хлюпу так будет легче, - ответила миссис Хигден, покачав головой. А может, мне самой легче. Объясняйте как хотите, дело ваше.

- Когда же ты думаешь уходить?

- Да теперь же, - последовал ясный и прямой ответ. - Сегодня, голубушка моя, или завтра. Слава богу, мне не привыкать стать! Я исходила все здешние места, когда никакой другой работы, кроме как на огородах и в хмельниках, не было.

- Если я даже отпущу тебя, Бетти... Мистер Роксмит считает, что нельзя не отпустить... Бетти низко присела перед ним.

- ...мы не потеряем тебя из виду. Мы не хотим совсем расставаться с тобой, мы хотим все знать о тебе.

- Хорошо, голубушка моя, только писем вы от меня не ждите. Наш брат и в молодые годы не больно горазд писать. Но ведь я буду приходить в город. Не бойтесь! Не упущу случая поглядеть на ваше доброе лицо и сил набраться. А кроме того, - с уверенностью заключила Бетти, - ведь мне придется выплачивать мой долг вам, значит я обязательно буду вас навещать.

- Что же, так тому и быть? - все еще колеблясь, спросила миссис Боффин секретаря.

- По-моему, да.

Снова посовещались и, наконец, решили, что так тому и быть, и миссис Боффин позвала Беллу составить список вещей, которые потребуются Бетти на ее новом поприще.

- Ты не бойся за меня, голубушка, - сказала эта стойкая душа, взглянув на Беллу. - Вот пристроюсь я со своей корзиной на каком-нибудь сельском рынке, буду там сидеть-посиживать и наторгую не меньше любой фермерши.

Секретарь воспользовался случаем, чтобы выяснить один практический вопрос, а именно: к чему Хлюп выказывает способности?

- Из него вышел бы хороший столяр, - ответила миссис Хигден, - если б нашлись деньги на учебу. - Она помнит, как Хлюп брал инструменты у соседей, чтобы починить каток или сломанный стул, и так ловко ими орудовал, просто любо-дорого было глядеть! Игрушки питомцам мастерил из всякого хлама, чуть не каждый день! А один раз в переулке у них собралось человек десять - полюбоваться, как он починил шарманку у итальянца с обезьянкой.

- Вот и хорошо! - сказал секретарь. - Значит, его нетрудно будет пристроить.

Так как теперь над могилой Джона Гармона поднимались высокие горы, секретарь решил поскорее покончить со всеми его делами и разделаться с ним навсегда. Он подготовил пространную бумагу на подпись плуту Райдергуду (не сомневаясь, что тот скрепит ее своим именем после еще одного и на сей раз более короткого вечернего визита к нему) и потом задумался - кому же вручить эту бумагу? Сыну или дочери Хэксема? Решено без задержки - дочери. Но от встречи с дочерью Хэксема лучше воздержаться - осторожность никогда не помешает! - потому что сын Хэксема видел Джулиуса Хэнфорда, а когда сестра расскажет ему о полученной бумаге, это разбудит таящиеся у них подозрения, что в свою очередь может привести к нежелательным последствиям. "Чего доброго, - мысленно проговорил секретарь, - меня еще схватят за участие в убиении собственной персоны!" Значит, бумагу надо послать дочери по почте. Плезент Райдергуд взялась узнать, где она живет, и бумага будет послана ей в запечатанном конверте без единого сопроводительного слова. До сих пор все ясно.

Он знает о дочери Хэксема только со слов миссис Боффин, передавшей ему рассказы мистера Лайтвуда, который, по-видимому, славится как рассказчик и взял патент на эту историю. История действительно интересная, и любопытно было бы узнать ее дальнейшее развитие - например, получит ли дочь Хэксема оправдательный документ и останется ли довольна им. Но для того, чтобы выяснить это, надо воспользоваться каким-нибудь другим источником, помимо Лайтвуда. Лайтвуд тоже видел Джулиуса Хэнфорда, Лайтвуд разыскивал Джулиуса Хэнфорда через газеты, и он, секретарь, всячески избегал этого Лайтвуда. "Но с этим Лайтвудом случай может столкнуть меня в любой день недели, в любой час дня".

Теперь надо подумать, как бы отыскать другой источник. Сын Хэксема готовится стать учителем, и кто-то руководит его занятиями. Секретарь запомнил это, потому что в рассказах Лайтвуда о семье Хэксема ему больше всего понравилось то, как сестра устроила судьбу брата. Хлюпа надо подучить грамоте. Если он, секретарь, наймет ему того самого учителя, новый источник будет открыт. Дальше потребовалось справиться, знает ли миссис Боффин его имя. Нет, зато она знает, где находится школа. Больше ничего и не надо. Секретарь тут же написал директору этой школы, и вместо ответа Брэдли Хэдстон явился к нему в тот же вечер самолично.

Секретарь рассказал учителю, что от него требуется: давать у себя на дому уроки юноше, которого мистер и миссис Боффин хотят вывести на дорогу. Учитель согласился взять такого ученика. Секретарь спросил, каковы его условия? Учитель изложил их. Итак, с этим делом покончено.

- Разрешите узнать, сэр, - сказал Брэдли Хэдстон, - кому я обязан рекомендацией?

- Да будет вам известно, что я здесь лицо второстепенное - служу секретарем у мистера Боффина. Мистер Боффин тот самый джентльмен, который унаследовал состояние... вы, вероятно, слышали об этом... состояние Гармона.

- Мистер Гармон, - сказал Брэдли (и как он удивился бы, узнав, с кем разговаривает!), - был убит, и труп его нашли в Темзе.

- Был убит, и труп его нашли в Темзе.

- Так это...

- Нет, - секретарь не дал ему закончить и улыбнулся, - рекомендация не его. Мистер Боффин слышал о вас от некоего мистера Лайтвуда. Вы, кажется, знакомы с мистером Лайтвудом или слышали о нем?

- К сожалению, слышал, сэр. Я не знаком с мистером Лайтвудом, и не горюю об этом. Ничего дурного о самом мистере Лайтвуде я сказать не могу, но некоторые его друзья мне отвратительны. Вернее, один его друг. Близкий друг.

Даже теперь, спустя долгое время, он еле выговорил эти слова, - такую ярость (сдержать которую ему стоило мучительных трудов) пробуждало в нем воспоминание о том, как небрежно и презрительно держался с ним Юджин Рэйберн.

Секретарь понял, что разбередил больное место, и хотел переменить тему разговора, но Брэдли не так-то легко было отвлечь, он упрямо продолжал свое:

- Хоть этот человек и отвратителен мне, я все же скажу вам, как его зовут. Этого человека зовут Юджин Рэйберн.

Секретарь помнил Юджина Рэйберна. В его болезненных впечатлениях, связанных с той ночью, когда он преодолевал в себе действие отравы, образ Юджина виднелся точно в тумане, но все же он запомнил его имя, и его голос, и как Юджин вместе со всеми осматривал труп Хэксема, и где Юджин стоял, и что он говорил.

- А скажите, мистер Хэдстон, - спросил секретарь, снова пытаюсь перевести разговор на другое, - как зовут сестру Хэксема?

- Ее зовут Лиззи, - ответил учитель, и лицо его передернулось.

- Говорят, она незаурядная девушка - это правда?

- Да. Во всяком случае, настолько незаурядная, что куда до нее мистеру Юджину Рэйберну! Впрочем, он и с любым заурядным человеком не выдержит сравнения. Надеюсь, сэр, вас не обидит, если я спрошу, почему вы ставите эти два имени рядом?

- Да так получилось, - ответил секретарь. - Я заметил, что Юджин Рэйберн - тема для вас неприятная, и попытался заговорить о другом, но, кажется, невпопад.

- А вы знаете мистера Рэйберна, сэр?

- Нет.

- Следовательно, нельзя предполагать, что вы поставили эти два имени рядом, основываясь на каких-либо его намеках?

- Разумеется, нет!

- Я осмелился спросить об этом, - сказал Брэдли, глядя себе под ноги, - потому что такой пустой, хвастливый и наглый человек способен на все. Я... я надеюсь, вы не истолкуете меня превратно, сэр. Я... я весьма заинтересован в Чарльзе Хэксеме и его сестре, и все, что их касается, вызывает во мне сильные чувства. Очень сильные чувства. - Дрожащей рукой Брэдли вынул из кармана носовой платок и утер лоб.

Взглянув ему в лицо, секретарь подумал, что перед ним действительно забил источник и что источник этот, сверх всяких ожиданий, оказался мутным, глубоким, бурным и трудным для разведок. А Брэдли, еще не справившись со своим волнением, вдруг ответил ему вызывающим взглядом. Он точно спрашивал его: "Что вы такого во мне увидели?"

- Чарльз Хэксем - вот кто, собственно, послужил вам рекомендацией, сказал секретарь, как ни в чем не бывало возвращаясь к первоначальному предмету их разговора. - Мистер и миссис Боффин слышали от мистера Лайтвуда, что этот юноша ваш ученик. Я же расспрашиваю о нем и о его сестре не по долгу службы и не от лица мистера Боффина, а сам по себе, в своих собственных интересах. Почему тут затронуты мои интересы, объяснить не

стоит. Вы знаете, как был обнаружен труп мистера Гармона и какое касательство имел к этому их отец - Старик Хэксем?

- Сэр, - ответил Брэдли, так и не успокоившись, - все обстоятельства этого дела известны мне досконально.

- Тогда скажите, мистер Хэдстон, приходится ли сестре Хэксема страдать из-за нелепого - вернее, ни на чем не основанного обвинения, которое сначала возвели на ее отца, но затем в основном сняли?

- Нет, сэр, - чуть ли не с гневом отрезал Брэдли.

- Рад это слышать.

- За сестрой Хэксема... - Брэдли раздельно выговаривал каждое слово, точно читая по книге, - ...нет ничего такого, что не позволило бы поставить ее рядом с собой человеку с безукоризненной репутацией, человеку, собственными силами пробившему себе дорогу в жизни. Заметьте! Я говорю "поставить ее рядом с собой", а не "поднять до себя". Ей не приходится и не придется терпеть позора, если только она сама не навлечет его на свою голову. А раз человек с безукоризненной репутацией считает возможным смотреть на нее как на равную и раз он твердо убежден, что ее не в чем упрекнуть, по-моему этого вполне достаточно.

- И такой человек есть? - спросил секретарь.

Брэдли Хэдстон сдвинул брови, выпятил свой массивный подбородок и, уставившись себе под ноги, проговорил с решительностью, казалось бы и неуместной в данном случае:

- И такой человек есть!

У секретаря не было больше причин и поводов продолжать эту беседу, и на том она кончилась. Через три часа лохматый парик цвета пакли снова нырнул в ссудную лавку, и в тот же вечер отказ Плути Райдергуда от прежних показаний лежал в почтовой конторе, запечатанный в конверт, на котором был написан новый адрес Лиззи Хэксем.

Все эти дела так поглотили Джона Роксмита, что он увиделся с Беллой только на следующий день. По молчаливому уговору они старались держаться подальше друг от друга, но так, чтобы мистер и миссис Боффин не заметили перемены в их отношениях. Проводы Бетти Хигден только способствовали этому. Белла с охотой помогала ей укладываться, остальные тоже были заняты ее сборами, и им было не до Беллы с Роксмитом.

- Миссис Хигден, - сказал Роксмит, когда все они столпились около Бетти, - все, кроме Беллы, которая, стоя на коленях перед стулом, вместе с ней складывала вещи в корзину. - Вам надо будет иметь при себе хоть письмо с нашим адресом. Я напишу там от имени мистера и миссис Боффин, что они ваши друзья, - слово "покровители" им, пожалуй, не понравится.

- Да, да, да! - воскликнул мистер Боффин. - Нельзя ли без покровителей! Все что угодно, а от этого увольте!

- Этого добра и без нас хватает, правда, Нодди? - сказала миссис Боффин.

- Правда, старушка, - подтвердил Золотой Мусорщик. - Чего другого, а этого хватает.

- А ведь некоторым людям нравится, когда у них есть покровители? спросила Белла, поднимая на него глаза.

- Только не мне! А кому нравится, пусть поразмыслят над этим как следует, - ответил мистер Боффин. - Покровители и покровительницы, вице-покровители и вице-покровительницы, усопшие покровители и усопшие покровительницы, экс-вице-покровители и экс-вице-покровительницы! Как прикажете понимать все эти словеса? А ведь ими полны те толстые книги, которыми разные благотворительные общества завалили Роксмита! Если мистер Том Ноукс пожертвовал пять шиллингов, вот вам и покровитель, и если миссис Джек Стайлз пожертвовала пять шиллингов, вот вам и покровительница! Что за чепуха такая! Как это назвать? Бесстыдство - другого названия не придумаешь!

- А ты не кипятишь, Нодди, - остановила его миссис Боффин.

- Не кипятишь! - воскликнул он. - Да тут взорваться недолго! Куда ни сунешься, везде натыкаешься на покровителей! А я не хочу, чтобы мне покровительствовали. Если я покупаю билет на музыку, на цветочную выставку или на какое-нибудь другое увеселение, и покупаю за большие деньги, при чем тут всякие покровители и покровительницы, ведь не они за меня

платили! Если кто делает доброе дело, пусть только ради добра и старается. А если дело дурное, его никакие покровители с покровительницами не поправят. Опять же, начнут строить какое-нибудь новое заведение и глядишь, про все забыли - и для кого оно строится и как оно строится, - самое важное тут покровители и покровительницы. Хоть бы кто сказал мне, неужто в других странах покровители с покровительницами тоже такую силу взяли, как в нашей? И уж как этим покровителям и покровительницам самих себя не совестно, просто не понимаю! Пилюли это, что ли, или средство для ращения волос, или снадобье для укрепления нервов, что о них трубят на всех перекрестках!

Облегчив себе душу этим монологом, мистер Боффин, по своему обыкновению, рысцой пробежался по комнате и вернулся на прежнее место.

- А что до письма, Роксмит, - сказал он, - так вы это правильно. Дайте ей такое письмо, заставьте ее взять такое письмо, суньте ей такое письмо в карман силой! Она может заболеть. Ведь вы на самом деле можете заболеть, миссис Хигден! Не упрямитесь, не спорьте со мной! Можете заболеть, можете!

Старуха рассмеялась и сказала, что с благодарностью возьмет письмо.

- Вот и хорошо! - воскликнул мистер Боффин. - Вот и умница! Только благодарить надо не нас - мы сами до этого не додумались, благодарите мистера Роксмита.

Письмо написали, прочли его вслух и отдали ей.

- Ну, как? - спросил мистер Боффин. - Не жалеете?

- Что беру письмо? Нет, сэр, оно складно написано.

- Да не о письме речь, а о том, что вы задумали! - сказал мистер Боффин. - Хватит у вас сил на это?

- Сил у меня только прибавится, сэр, и цепенеть больше не буду. А другого выхода нет.

- Напрасно вы так говорите, - стоял на своем мистер Боффин. - Есть и другой выход. Например, в "Приюте" было бы не худо поселить домоправительницу. Может, вы посмотрите наш "Приют", а заодно познакомитесь с отставным литератором Веггом, который там живет? У него деревянная нога.

Преодолев даже такой соблазн, старая Бетти закуталась в шаль и надела свой черный капор.

- Все же я вас ни за что бы не отпустил, - сказал мистер Боффин, - а если отпускаю, так только ради Хлюпа. Вот увидите, оглянуться не успеем, как он обучится ремеслу и человеком станет. Бетти, что это у вас? Неужто кукла?

Это был гвардеец, который стоял на часах у кровати Джонни. Осиротелая старуха показала игрушку и снова прикрыла ее шалью. Потом она простилась с миссис Боффин, с мистером Боффином, с Роксмитом и напоследок обвила свои морщинистые руки вокруг стройной юной шейки Беллы и повторила слова Джонни: "Поцелуй касивую леди!"

Секретарь смотрел с порога на юное личико "касивой леди" в кольце старческих рук и продолжал смотреть на "касивую леди", когда она осталась одна, а отважная Бетти вышла на улицу и, устремив прямо перед собой свой ясный, твердый взгляд, отправилась в путь, спасаясь от душевного оцепенения и от нищеты.

ГЛАВА XV - Вот как обстоит дело

Брэдли Хэдстон не переставал думать о следующей встрече с Лиззи Хэксем. Просить о ней его заставило чувство, близкое к безнадежности, и с тех пор оно не давало ему покоя. И вот, вскоре после разговора с секретарем, под вечер серого осеннего дня Брэдли и Чарли Хэксем вышли из дому, что не укрылось от глаз мисс Пичер, и отправились на это безнадежное свидание.

- А кукольная швея не устаивает своей благосклонностью ни меня, ни тебя, Хэксел, - сказал Брэдли.

- Противная горбунья! Да к тому же дерзкая, мистер Хэдстон! Я боялся, что она выкинет какую-нибудь штуку и помешает нам - с нее станет! Решил, лучше предложу вам пойти в Сити сегодня вечером и встретить сестру на полпути.

- Так я и думал, - сказал Брэдли, натягивая перчатки на свои дрожащие от волнения руки.

- Так я и думал.

- Только моя сестрица с ее нелепыми фантазиями и могла отыскать себе такую чудную товарку, - продолжал Чарли. - Ей, видите ли, надо жертвовать собой ради других. Она сама мне так сказала в тот день, когда мы с вами были у нее.

- Почему же она должна жертвовать собой ради какой-то кукольной швей? - спросил Брэдли.

- А-а! - воскликнул мальчик, весь вспыхнув. - Обычные романтические бредни! Сколько я ни толковал ей об этом, все попусту. Но сегодня, мистер Хэдстон, мы с вами поставим на своем, а остальное как-нибудь наладится.

- Ты по-прежнему полон надежд, Хэксем.

- Разумеется, сэр! Все на нашей стороне. "Все, кроме твоей сестры, пожалуй", - подумал Брэдли. Но только подумал, а сказать не сказал.

- Все на нашей стороне, - с мальчишеской самоуверенностью повторил Чарли. - Солидное положение, выгоды такого родства для меня, здравый смысл - решительно все!

- Правда, твоя сестра всегда выказывала преданность тебе, - сказал Брэдли, хватаясь хоть за эту тень надежды.

- Ну еще бы, мистер Хэдстон! Она послушная. И теперь, когда вы удостоили меня своим доверием и поделились своими мыслями со мной первым, я опять скажу: все на нашей стороне!

И Брэдли снова подумал: "Все, кроме твоей сестры, пожалуй".

Пыльно-серый, чахлый вечер в лондонском Сити не способен внушать надежды. В запертых на замки товарных складах и конторах есть что-то мертвенное, а присущая нам, англичанам, боязнь ярких красок придает всему траурный вид. Колокольни и шпили церквей, стиснутых домами, - темные, закоптелые, как и само небо, которое того и гляди навалится на них, ничуть не разряжают сумрачности городского пейзажа; у солнечных часов, погруженных в густую тень на церковной стене, такой вид, точно они обанкротились и на веки вечные отказались от своих обязательств; жалкие привратники и метельщики сметают в канавы ключья газет и прочие жалкие отбросы, а отбросы человеческие, еще более жалкие, наклоняются над этим мусором, роются, шарят там в поисках чего-нибудь еще годного на продажу. Толпы,двигающиеся из Сити, похожи на узников, выпущенных на свободу, и мрачная Ньюгетская тюрьма кажется не менее подходящей резиденцией для могущественного лорд-мэра, чем его великолепные особняк.

Таким-то вечером, когда городская пыль оседает на волосах, слепит глаза, въедается в кожу, когда ветер крушит своими колесами листья, разлетевшиеся по закоулкам с чахлых городских деревьев, учитель и ученик вышли на Леднхолл-стрит и направились к востоку от нее - подкарауливать Лиззи. Придя на место немного раньше, чем нужно, они спрятались за угол и стали ждать ее появления. Даже самые элегантные из нас сильно проигрывают, если им приходится выглядывать из-за угла, а уж для такого, как Брэдли, эта позиция была и вовсе не выгодна.

- Вон она, мистер Хэдстон. Пойдемте ей навстречу.

Едва они показались, Лиззи сразу увидела их и явно встревожилась. Но она поздоровалась с братом, как всегда тепло, и коснулась протянутой руки Брэдли.

- Чарли, милый, куда это ты? - спросила она.

- Никуда. Мы пришли повидаться с тобой.

- Повидаться со мной, Чарли?

- Да. Мы тебя проводим. Только не веди нас по людным улицам, где так шумно, что и поговорить нельзя. Выбирай где потише. Вон у той церкви большой мощеный двор и там никого нет. Пойдемте туда.

- Но это нам совсем не по пути, Чарли.

- Нет, по пути, - нетерпеливо ответил мальчик. - Если мне по пути, значит и тебе тоже.

Она не отпустила руки брата и чуть ли не с мольбой посмотрела на него. Чтобы не встретиться с ней взглядом, он обратился к учителю:

- Идемте, мистер Хэдстон. - Брэдли пошел не рядом с ней, а рядом с Чарли, руку которого она все еще держала в своей. Через двор они прошли на мощеное кладбище с земляной насыпью в середине, по грудь вышиной, обведенной чугунной решеткой. Там, высоко над уровнем всего живого, было отведено удобное и здоровое место для мертвецов и надгробных памятников, причем последние заметно отклонялись от перпендикуляра, точно стыдясь тех лживых слов, что были выбиты на них.

Брат, сестра и учитель в напряженном и неловком молчании прошли вдоль всей решетки, и тогда мальчик остановился и сказал:

- Лиззи, мистер Хэдстон хочет поговорить с тобой. Я не стану мешать ни тебе, ни ему и пойду погуляю тут поблизости, а потом вернусь. Я знаю, о чем мистер Хэдстон будет говорить, и от всей души одобряю это и надеюсь, что ты тоже одобришь... Нет, не надеюсь, а верю! Мне незачем напоминать тебе, Лиззи, что я многим обязан мистеру Хэдстону и желаю ему успеха во всех его делах. И надеюсь... нет! верю, что ты желаешь ему того же.

- Чарли, - ответила она, удерживая его за руку, - тебе лучше остаться. А мистеру Хэдстону лучше не говорить того, что он хочет сказать.

- А откуда ты знаешь, о чем он собирается говорить? - спросил мальчик.

- Может быть, и не знаю, но...

- Может быть, не знаешь? Разумеется, Лиз! Ты бы так не ответила, если бы знала. Ну, пусти меня, не глупи! Удивляюсь тебе! Ведь мистер Хэдстон на нас смотрит!

Лиззи отпустила его руку, и мальчик отошел от них, сказав:

- Будь умницей, Лиз, будь хорошей сестрой!

Они с Брэдли остались вдвоем, но он заговорил только после того, как она подняла на него глаза.

- Когда мы виделись с вами в последний раз, - начал Брэдли, - я сказал, что еще не все объяснил вам, не объяснил того, что, может быть, повлияет на ваше решение. С этим я и пришел сегодня - высказать все до конца. Надеюсь, вы не станете судить обо мне по тому, как я говорю с вами нерешительно, несмело. Я проигрываю в ваших глазах. Мне хочется предстать перед вами в самом выгодном свете, а я роняю себя. И в этом все мое несчастье.

Наступило молчание. Лиззи медленно двинулась вперед, и учитель так же медленно пошел рядом с ней.

- Я могу показаться вам эгоистом, потому что начинаю с рассуждений о самом себе, - продолжал он. - Мне самому кажется, что я говорю совсем не то и совсем не так, как надо. Но сладить с собой я не в силах. Что поделаешь? Вы моя погибель.

Она вздрогнула - такая страсть была в этих последних словах и в движении рук, которыми они сопровождалась.

- Да! Вы моя погибель... погибель... погибель! Я не знаю, что с собой делать, я перестаю доверять самому себе, я не владею собой, когда вижу вас или только думаю о вас. А мои мысли теперь непрестанно полны вами. Я не могу избавиться от этих мыслей с первой нашей встречи! Какой это был день для меня! Какой злосчастный, гибельный день!

Что-то похожее на жалость примешалось к чувству отвращения, которое он вызывал в ней, и она сказала:

- Мистер Хэдстон, мне очень жаль, но я никак не хотела причинить вам зло.

- Вот! - с отчаянием крикнул он. - Теперь получается, будто я в чем-то вас упрекаю, вместо того чтобы раскрыть перед вами душу! Сжальтесь надо мной! У меня все выходит не так, как нужно, когда дело касается вас! Такова уж моя участь!

Стараясь взять себя в руки и то и дело поглядывая на слепые окна домов, выходивших на кладбище, - точно на их тусклых стеклах было написано что-то, что могло помочь ему, - он прошел рядом с ней до самого конца решетки и только тогда заговорил снова.

- Я постараюсь высказать вам все. Вы должны это услышать, мне нельзя больше молчать. Может быть, я кажусь вам жалким, может быть, в вашем присутствии я выгляжу совершенно беспомощным, но знайте - есть немало людей, которые хорошего мнения обо мне, есть люди, которые очень меня уважают. Знайте, что я собственными силами завоевал себе положение в

жизни, которое стоило завоевать! Поверьте этому, прошу вас!

- Я верю вам, мистер Хэдстон! Я давно знаю обо всем этом от Чарли.

- Поверьте мне, прошу вас, что если б я предложил разделить со мной мое положение - такое, как оно есть, мой домашний очаг - такой, как он есть, мои чувства - такие, как они есть, - самой уважаемой, самой образованной, самой достойной молодой женщине из тех, что работают на одном поприще со мной, такое предложение, по всей вероятности, было бы принято. И принято с радостью.

- Я не сомневаюсь в этом, - проговорила Лиззи, опуская глаза.

- Мне часто приходило на ум - не решиться ли на такой шаг, не устроить ли свою жизнь подобно тому, как ее устраивают многие люди моего звания? Будем учительствовать с женой в одной школе, я в мужских классах, она - в женских. Оба занятия интересной для нас работой.

- Что же вас остановило? - спросила Лиззи Хэксем. - Почему вы до сих пор так не сделали?

- И хорошо, что не сделал! - Брэдли говорил по-прежнему страстно и по-прежнему взмахивал руками, точно стряхивая по каплям кровь своего сердца на камни, к ее ногам. - Последнее время я только в этом и нахожу хоть какое-то утешение! Только в этом! Если б я решился на такой шаг, а потом это безумие овладело бы мной на мою погибель, мне ничего не стоило бы разорвать семейные узы, словно тонкую нить!

Она испуганно посмотрела на него и подалась назад. Он воскликнул, как бы отвечая на ее невысказанные слова:

- Нет, нет! Это произошло бы независимо от моей воли. Ведь не зависит же от моей воли то, что я сейчас здесь. Вы притягиваете меня к себе. Если б я сидел в глухом каземате, вы исторгли бы меня оттуда! Я пробился бы сквозь тюремные стены и пришел бы к вам! Если б я был тяжело болен, вы подняли бы меня с одра болезни, я сделал бы шаг и упал к вашим ногам!

Дикая сила, звучавшая в словах этого человека, - сила, с которой спали все оковы, - была поистине страшна. Он замолчал и ухватился рукой за выступ кладбищенской ограды, точно собираясь выворотить камень.

- Ни одному человеку не дано знать до поры до времени, какие в нем таятся бездны. Некоторые так никогда и не узнают этого. Пусть живут в мире с самими собой и благодарят судьбу. Но мне эти бездны открыли вы. Вы заставили меня познать их, и с тех пор это море, разбушевавшееся до самого дна, - он ударил себя в грудь, - не может успокоиться.

- Мистер Хэдстон, я не хочу больше вас слушать! Остановитесь, замолчите! Так будет лучше для нас обоих. Пойдемте поищем моего брата.

- Нет, подождите! Мне надо высказать все. Я не знаю покоя с того самого дня, как заговорил об этом и остановился, не высказавшись до конца. Вы встревожились? Мое несчастье заключается еще и в том, что, говоря с вами или о вас, я запинаясь на каждом слове, а если даю себе волю, то дохожу до безумия! Вон фонарщик. Он сейчас уйдет. Умоляю вас, сделаем еще один круг. Вы напрасно тревожитесь. Я могу сдержать себя и сдержу, обещаю вам.

Она покорилась его мольбе - что же ей оставалось? - и они еще раз обошли кладбище, молча ступая по каменным плитам. Фонарщик зажег один за другим фонари; при их свете суровая серая колокольня будто отступила вдаль, и они опять остались наедине. Он не произнес ни слова до тех пор, пока не дошел до того места, где несколько минут назад прервал свою речь, и там опять задержал шаги и опять ухватился за выступ ограды. И потом, начав говорить, он смотрел не на нее, а на этот выступ, и все сильнее впивался в него пальцами.

- Вы знаете, что я хочу сказать. Я люблю вас. Какой смысл вкладывают в эти слова другие люди, мне неизвестно, а я вкладываю в них вот что: меня влечет к вам непреодолимая сила, она владеет всем моим существом, и противостоять ей нельзя. Вы можете послать меня в огонь и в воду, вы можете послать меня на виселицу, вы можете послать меня на любую смерть, вы можете послать меня на все, чего я до сих пор страшился, вы можете послать меня на любую опасность, на любое бесчестье. Мысли мои мешаются, я перестал быть самим собой, вот

почему вы моя погибель. Но если вы примете мое предложение и согласитесь стать моей женой, в вашей же власти будет подвинуть меня на все самое лучшее, самое доброе. Я вполне обеспечен, и вы ни в чем не будете нуждаться. Репутация у меня безукоризненная, она послужит вам надежной защитой. Когда вы увидите меня за работой, которую я выполняю хорошо, когда увидите, как меня уважают, может быть вы будете даже гордиться мною. Я не пожалею сил на это. Все доводы против такого предложения я откинул и делаю его от чистого сердца. Ваш брат всецело на моей стороне, и весьма вероятно, что мы с ним будем жить и работать вместе. Во всяком случае, я не оставлю его без своей помощи, без своей моральной поддержки. По-моему, больше того, что сказано, сказать нельзя. Лишними словами только все испортишь, а я и так говорил плохо. Добавлю только одно: если серьезность моих намерений что-то значит для вас, то верьте - они серьезны, предельно серьезны!

Куски извести из-под камня, который он все выворачивал из огады, посыпались на мостовую, как бы в подтверждение его слов.

- Мистер Хэдстон...

- Подождите! Прежде чем отвечать мне, давайте еще раз обойдем кладбище. У вас будет лишняя минута подумать, а мне это поможет хоть немного собраться с силами.

Она снова уступила его мольбе, и они снова вернулись на прежнее место, и снова он вцепился пальцами в выступ огады.

- Так как же, - спросил он, не отводя глаз от камня, - да или нет?

- Мистер Хэдстон, я благодарю вас со всей искренностью, я благодарю вас со всей признательностью и надеюсь, что вы скоро найдете себе достойную жену и будете счастливы с ней. А я должна сказать - нет.

- Может быть, вам надо время на раздумье - неделю, несколько дней? спросил он сдавленным голосом.

- Нет, не надо.

- Это окончательное решение? И нет надежды, что вы измените его в мою пользу?

- Это решение окончательное, мистер Хэдстон, и я вынуждена сказать вам, что не изменю его.

- Тогда... - голос у Брэдли сразу окреп, и, круто повернувшись к ней, он с такой силой ударил кулаком по камню, что до крови содрал кожу на суставах, - тогда дай-то бог, чтобы я не убил его!

Злоба и ненависть, которые слышались в этих словах, сорвавшихся с его посиневших губ, окровавленная рука, которую он сжимал, точно в ней был нож, нанесший смертельный удар, - все это так напугало Лиззи, что она повернулась и бросилась бежать. Но он удержал ее.

- Мистер Хэдстон, пустите меня! Мистер Хэдстон, я буду звать на помощь!

- Это мне надо звать на помощь! - сказал он. - Если бы вы только знали, как я в ней нуждаюсь!

Чуть не закричав, она отшатнулась от этого искаженного судорогой лица и, не зная, что делать, стала искать глазами брата. Но прошла секунда, и лицо Брэдли застыло, точно на него легла печать смерти.

- Вот! Видите, я овладел собой. Выслушайте меня!

Она вспомнила, что всю жизнь ей приходилось надеяться только на самое себя, вспомнила, что не обязана отчитываться перед этим человеком в своих поступках, и, с достоинством отведя его руку, смело взглянула ему в лицо. Он словно впервые увидел, как она красива. Глаза его померкли - взгляд этой девушки отнял весь их свет и взял его себе.

- Теперь по крайней мере я ничего не оставлю недосказанным, продолжал он, сложив руки на груди, чтобы не взмахнуть ими в порыве отчаяния. - Теперь, после этого разговора, я по крайней мере не буду мучиться, что упустил возможность высказать все до конца. Мистер Юджин Рэйберн.

- Так это он причина вашей необузданной ярости? - с негодованием воскликнула Лиззи Хэксем.

Брэдли закусил губы, посмотрел ей в лицо и не ответил ни слова.

- Так вы угрожали мистеру Рэйберну? Он снова закусил губы, посмотрел ей в лицо и не ответил ни слова.

- Вы просили выслушать вас, а теперь не хотите говорить! Пустите меня, я пойду поищу брата.

- Стойте! Я никому не угрожал.

Взгляд Лиззи упал на его окровавленную руку. Он поднял ее ко рту, вытер о рукав и снова положил на грудь, повторив:

- Мистер Юджин Рэйберн.

- Зачем вы твердите это имя, мистер Хэдстон?

- Затем! что в нем заключено то небольшое, что осталось недосказанным. Заметьте! Я никому не угрожаю! Если вы услышите в моих словах угрозу, остановите меня, поставьте мне это в вину. Мистер Юджин Рэйберн.

В том, как он произносил это имя, чувствовалась такая угроза, страшнее которой не могло и быть.

- Он преследует вас. Вы принимаете его услуги. И его вы слушаете охотно. Мне это известно не хуже, чем ему.

- Мистер Рэйберн очень внимательно и душевно отнесся ко мне после смерти моего несчастного отца, - гордо проговорила Лиззи, - и проявит большую заботу о его памяти.

- Ну, разумеется! Мистер Юджин Рэйберн человек очень заботливый и душевный!

- К вам-то, по-моему, он не имеет никакого касательства, - сказала Лиззи, не в силах сдержать негодование.

- Нет, имеет. Тут вы ошибаетесь. Он имеет ко мне прямое касательство.

- Какое?

- Хотя бы как соперник, - ответил Брэдли.

- Мистер Хэдстон! - воскликнула Лиззи, вся вспыхнув. - С вашей стороны низко так говорить со мной. Но я воспользуюсь этим и скажу, что вы мне не нравитесь, что вы мне сразу не понравились, с первой нашей встречи, и никто, ни один человек в мире не виноват в том, как я к вам отношусь.

Его голова упала на грудь, точно придавленная тяжестью, но не прошло и секунды, как он снова взглянул Лиззи в лицо и провел языком по губам.

- Я говорю вам то небольшое, что осталось недосказанным. Я знал о существовании мистера Юджина Рэйберна с тех самых пор, как вы приковали меня к себе. Знал, - и тщетно старался побороть свое чувство к вам. Это ничего не меняло. Полный мыслью о мистере Юджине Рэйберне, я жил все это время. Полный мыслью о мистере Юджине Рэйберне, я говорил с вами сегодня, и, полный мыслью о мистере Юджине Рэйберне, убедился, что мной пренебрегают, что меня отвергли.

- Если вам угодно именно так понимать мою благодарность и мой отказ от вашего предложения, то я тут не виновата, мистер Хэдстон, - сказала Лиззи, чувствуя жалость к этому человеку, мучительно боровшемуся с самим собой, - жалость, быть может, не меньшую, чем отвращение и страх.

- Я ни на что не сетую, - продолжал он, - а просто говорю вам, как обстоит дело. Меня тянуло к вам вопреки чувству собственного достоинства, вопреки тому, что существует мистер Юджин Рэйберн. Вы понимаете, как я низко пал теперь в собственных глазах?

Ее обида и гнев не утихли, но она не давала им воли, видя его муки и помня, что он друг ее брата.

- И теперь мое чувство собственного достоинства брошено ему под ноги. - Брэдли рывком развел руки, скрещенные на груди, и яростно показал вниз, на камни мостовой. - Запомните! Оно брошено под ноги этому человеку, и он торжествует, топча его.

- Неправда! - воскликнула Лиззи.

- Нет, это правда! - сказал Брэдли. - Я столкнулся с ним лицом к лицу, и он растоптал меня в грязи своего презрения. Почему? Потому, что он знал, что мне будет уготовано сегодня, и торжествовал заранее!

- Мистер Хэдстон, вы как в бреду!

- Нет, я спокоен. Я отдаю себе полный отчет в своих словах. Теперь сказано все. Запомните, у меня не вырвалось ни единой угрозы. Я только объяснил вам, как обстоит дело... как обстоит дело сегодня, сейчас.

В эту минуту невдалеке появился ее брат. Она кинулась к нему, ухватилась за него. Брэдли подошел к мальчику с другой стороны и положил свою тяжелую руку ему на плечо.

- Чарли Хэксем, я ухожу. Я пойду один и запрусь у себя в комнате. Говорить со мной сегодня не надо. Выжди полчаса после моего ухода, дай мне побыть одному. Увидимся мы завтра. Утром я приду в школу как обычно.

Сжав руки, он вскрикнул не своим голосом и зашагал прочь. Брат и сестра стояли теперь одни под фонарем на пустынном кладбище. В упор поглядев на Лиззи, мальчик потемнел в лице, нахмурился и грубо сказал:

- Как это понять? Что ты сделала с моим лучшим другом? Признавайся немедленно!

- Чарли! - проговорила его сестра. - Имей хоть каплю жалости ко мне.

- Брось глупости! Какая там жалость! - ответил мальчик. - Что ты натворила? Почему мистер Хэдстон вдруг ушел от нас?

- Он просил меня... ты знаешь, о чем... он просил меня стать его женой, Чарли.

- Ну? - нетерпеливо крикнул мальчик.

- И я была вынуждена сказать ему, что не могу стать его женой.

- Ах, не можешь! - злобно, сквозь зубы повторил мальчик и грубо оттолкнул ее от себя.

- Не можешь!

А тебе известно, что он один стоит пятидесяти таких, как ты?

- Очень может быть, Чарли, и все-таки выйти за него я не могу.

- То есть ты сознаешь, что не заслуживаешь такого мужа, что он тебе не пара? Так надо понимать твои слова?

- Нет, Чарли, мои слова надо понимать так, что он мне не нравится и что я никогда за него не выйду.

- Нечего сказать, хорошая у меня сестра! - воскликнул мальчик. Нечего сказать, сестра у меня бескорыстная! Значит, все мои старания зачеркнуть прошлое, выйти в люди и вместе с собой вывести в люди и тебя должны пойти прахом из-за твоих нелепых капризов? Так, что ли?

- Я не хочу упрекать тебя, Чарли.

- Нет, вы только послушайте ее! - Мальчик оглянулся в темноте по сторонам. - Она не хочет упрекать меня! Она сделала все, чтоб разрушить и мое и свое счастье, и она же не хочет упрекать меня! Чего доброго ты еще скажешь: не надо упрекать мистера Хэдстона за то, что он спустился к твоим ногам из тех кругов, которые гордятся им, и снизошел до тебя только для того, чтобы ты его оттолкнула!

- Нет, Чарли, как я ему сказала, так скажу и тебе: я благодарю мистера Хэдстона за предложение, но жалею, что оно было сделано, и надеюсь, что он найдет себе лучшую жену, с которой будет счастлив.

Чувство, близкое раскаянию, сжало черствеющее сердце мальчика, когда он поглядел на нее - на терпеливую маленькую нянюшку, ходившую за ним в детстве, на терпеливую воспитательницу, советчицу, подругу его отроческих лет, на беззаветно преданную сестру, которая ради него была готова на все. Он взял ее под руку и сказал совсем другим тоном:

- Полно, Лиз! Зачем нам ссориться! Давай обсудим все спокойно, трезво, поговорим, как подобает брату и сестре. Ты согласна выслушать меня?

- Ах, Чарли! - ответила она сквозь слезы. - Разве я не слушала тебя? Разве не мне ты говорил все эти жестокие слова?

- Ну, прости, Лиз, прости! Я искренне раскаиваюсь. Но ты сама выводешь меня из терпения. Так вот слушай. Мистер Хэдстон полюбил тебя. Он чистосердечно признался мне, что в нем словно все перевернулось с той самой минуты, как я познакомил его с тобой. У нас есть учительница, мисс Пичер молодая, хорошенькая и все такое прочее. Она очень

расположена к мистеру Хэдстону, это всем известно, а он даже не глядит на нее и слышать о ней не хочет. Его чувства к тебе совершенно бескорыстны! Жениться на мисс Пичер ему было бы гораздо выгоднее во всех отношениях, а от женитьбы на тебе он ничего не выиграет. Ведь правда?

- Да, правда, видит бог, правда!

- Ну вот, - сказал мальчик. - Это говорит в его пользу, что очень важно. Теперь насчет меня. Мистер Хэдстон всегда старался дать мне ход, а от него многое зависит. Став моим шурином, он будет еще больше заботиться обо мне. Мистер Хэдстон самым деликатным образом поделился со мной своими чувствами и сказал: "Надеюсь, Хэксем, моя женитьба на твоей сестре будет тебе и приятна и полезна?" Я говорю: "Мистер Хэдстон! Да это мое самое заветное желание!" Тогда мистер Хэдстон говорит: "Следовательно, я могу рассчитывать, Хэксем, что, хорошо зная своего учителя, ты замолвишь за него доброе словечко перед сестрой?" А я ему говорю: "Разумеется, мистер Хэдстон, ведь сестра меня очень слушается". Верно, Лиз?

- Верно, Чарли.

- Вот и отлично! Видишь? Когда толково обо всем говоришь, как полагается брату и сестре, дело сразу идет на лад. Хорошо! Теперь насчет тебя. Как жена мистера Хэдстона, ты будешь занимать почетное положение и гораздо лучшее место в обществе. Ты, наконец, избавишься от Темзы и от всего неприятного, что с ней издавна связано, разделаешься навсегда с разными кукольными швейками, с их пьянчугами отцами и тому подобной публикой. Я не хочу сказать ничего дурного о мисс Дженни Рен, она в своем роде не так уж плоха, но то, что пристало ей, не пристало будущей жене мистера Хэдстона. Теперь ты понимаешь, Лиз, что для нас троих - для мистера Хэдстона, для меня и для тебя - ничего лучшего не придумаешь.

Мальчик говорил все это, медленно шагая рядом с сестрой, но теперь он остановился, решив проверить, как подействовали его слова. Сестра молча смотрела ему в лицо, и, не прочтя в этом взгляде уступки, мальчик повел ее дальше. Когда он заговорил снова, в его голосе прозвучала плохо скрытая неуверенность.

- Ты меня во всем слушаешься, Лиз, и мне, должно быть, следовало поговорить с тобой, не дожидаясь, пока мистер Хэдстон объяснится сам. Но тут все настолько ясно и бесспорно, а ты всегда была такая умная и рассудительная, что мне это показалось совершенно лишним. Не знаю, может я ошибся? Но мы быстро поправим дело. А для этого нужно только, чтобы, придя домой, я мог передать от тебя мистеру Хэдстону, что твой ответ был не окончательный и что мало-помалу все уладится.

Он снова остановился и поглядел на бледное лицо сестры. Ее взгляд был полон тревоги и нежности к нему, и все-таки она отрицательно покачала головой.

- Что же ты молчишь? - резко спросил он.

- Мне очень не хочется это говорить, Чарли, но сказать придется. Я не могу передать с тобой такой ответ мистеру Хэдстону, я не могу отпустить тебя к мистеру Хэдстону с таким ответом. К тому, что я сказала ему сегодня - сказала окончательно, добавить нечего.

- И она считает себя хорошей сестрой! - воскликнул мальчик, с презрением отталкивая ее от себя.

- Чарли, милый! Вот ты опять чуть меня не ударил. Ты только не обижайся. Я понимаю, видит бог, понимаю, что у тебя не было злого умысла, но зачем ты так отшатнулся от меня?

- Я все знаю! - сказал мальчик, будто и не слыша ее упрека и думая только о своей обиде, о своем разочаровании, - я знаю, что за этим кроется, и опозорить себя не позволю.

- Я сказала тебе все, как есть, Чарли. Ничего другого за этим не кроется.

- Неправда! - злобно крикнул он. - И ты сама знаешь, что это неправда! Все дело в твоём драгоценном мистере Рэйберне - вот в ком!

- Чарли! В память наших прежних дней - перестань, замолчи!

- Опозорить себя я не позволю, - упрямо продолжал он. - Я выбрался из грязи, и тебе не удастся столкнуть меня в эту грязь обратно. Позор сестры не ляжет на брата, если он отречется

от нее, и я отрекаюсь от тебя навсегда!

- Чарли! Сколько ненастных вечеров, таких, как этот, и худших, чем этот, сидела я на улице с тобой на руках! Возьми назад свои слова, просто возьми назад, не прося прощения за них, и мои обьятия откроются тебе так же, как и мое сердце!

- Нет, я не возьму их назад! Я повторю их еще раз. Ты плохая сестра, ты бесчестная, и я отрекаюсь от тебя, отрекаюсь навсегда!

Он поднял свою неблагодарную, безжалостную руку, точно воздвигая преграду между собой и сестрой, круто повернулся и зашагал прочь. Она так и осталась на месте, безмолвная, неподвижная, и простояла там до тех пор, пока бой башенных часов не заставил ее очнуться. И первое же ее движение растопило слезы, скованные точно льдом словами себялюбца брата. "Умереть, лечь вот тут в могилу!" и "Чарли, Чарли! Так вот к чему привели картины, которые виделись нам среди углей!" - это было все, что она сказала, закрыв лицо руками и припав головой к каменному выступу ограды.

Какой-то человек поравнялся с ней, прошел мимо и вдруг, задержав шаг, оглянулся на нее. Это был согбенный старик в широкополой шляпе с низкой тульей и в длинном сюртуке. Нерешительно переступив с ноги на ногу, он повернул назад и проговорил голосом, полным мягкости и участия:

- Простите, что я обращаюсь к вам, сударыня, но вы чем-то опечалены. Я не могу пройти, как бы ничего не заметив, не могу оставить вас здесь одну, в слезах. Чем помочь вам? Как вас утешить?

Она подняла голову, услышав эти ласковые слова, и радостно воскликнула:

- Мистер Райя, неужели это вы?

- Дочь моя! - сказал старик. - Удивлению моему нет конца! Я заговорил с вами, не зная, что это вы. Возьмите мою руку, обопритесь о нее. Что вас так огорчило? Кто тому виной? Бедная девушка, бедная девушка!

- Мы поссорились с братом, - всхлипывая, проговорила Лиззи, - он знает меня больше не хочет.

- Неблагодарный щенок! - в гневе воскликнул старик. - Не удерживайте его. Отряхните прах с ног своих и забудьте о нем. Пойдемте, дочь моя! Пойдемте ко мне. Мой дом совсем близко. У меня вы успокоитесь, осушите свои слезы, а потом я провожу вас. Путь далек, на улицах людно, время позднее, а вы и так задержались.

Девушка приняла протянутую ей руку, и они медленно вышли с церковного двора. Переулок вывел их на большую проезжую улицу, и тут какой-то человек, который со скучающим видом прогуливался по тротуару, поглядывая то направо, то налево, то вперед, то назад, кинулся к ним со словами:

- Лиззи! Куда вы запропастились? Позвольте! Да что с вами такое?

Услышав голос Юджина Рэйберна, она прижалась к старику еврею и опустила голову. Райя окинул Юджина быстрым, пронизывающим взглядом и тоже потупился, не произнеся ни слова.

- Лиззи, скажите, что случилось?

- Мистер Рэйберн, если я когда-нибудь и смогу ответить на ваш вопрос, то не сейчас, не сегодня. Прошу вас, оставьте меня!

- Но, Лиззи, ведь я пришел сюда, чтобы встретиться с вами! Я знаю, когда вы возвращаетесь с работы, и решил пообедать в кофейне, тут неподалеку, а потом проводить вас домой. И вот слоняюсь по улице взад и вперед, точно судебный пристав, или, - Юджин поглядел на Райю, - или старьевщик.

Еврей поднял глаза и снова окинул Юджина быстрым взглядом.

- Мистер Рэйберн, прошу вас! Оставьте меня, я под надежной охраной. И умоляю, будьте осторожнее, берегите себя!

- Удольфские тайны! * - сказал Юджин, с удивлением глядя на нее. - Но все же разрешите мне спросить в присутствии вашего престарелого защитника кто он такой, этот добрый джентльмен?

- Друг, который печется обо мне, - ответила Лиззи.

- Я освобожу его от попечений о вас, - сказал Юджин, - но говорите, Лиззи, что вас так огорчило?

- Брат огорчил, - ответил старик, взглянув на него.

- Ах, братец огорчил! - презрительно бросил Юджин. - Наш братец не стоит ни одной нашей слезинки. Но все-таки, что же наш братец сделал?

Старик внимательно посмотрел сначала на Юджина, потом на Лиззи, которая стояла потупившись. Оба эти взгляда были полны такого значения, что Юджин сразу осекся и ничего не сказал, ограничившись задумчивым "гм!".

Старик снова опустил глаза, продолжая удерживать руку Лиззи в своей, и, вероятно, мог бы простоять так в полной неподвижности, не произнося ни слова, всю ночь - столько покорности и безграничного терпения чувствовалось в нем.

- Если мистер Аарон соизволит поручить мне заботы о своей подопечной, - сказал Юджин, когда ему наскучило молчать, - у него останется время на посещение синагоги. Мистер Аарон, будьте любезны...

Но старик не тронулся с места.

- Прощайте, мистер Аарон, - вежливо проговорил Юджин. - Не смеем вас задерживать. - И, обращаясь к Лиззи: - Кажется, наш друг, мистер Аарон, несколько туг на ухо?

- Я очень хорошо слышу, сударь, - спокойно ответил старик. - Но сейчас слуха моего может коснуться только один голос. Если эта девушка сама попросит меня не провожать ее домой и уйти, я так и сделаю. А никого другого слушать не буду.

- Разрешите полюбопытствовать, почему, мистер Аарон? - осведомился невозмутимый Юджин.

- Простите, сударь. Если этот вопрос задаст мне она сама, я ей отвечу. А никому другому отвечать не буду.

- Я ни о чем не стану вас спрашивать, - сказала Лиззи. - Проводите меня домой. Мистер Рэйберн, мне очень тяжело сегодня, и я надеюсь, вы не сочтете меня неблагодарной, изменчивой, скрытной. Дело не в этом. Я несчастна. Прошу вас, запомните, что я вам сказала. Берегите себя, будьте осторожней!

- Лиззи, милая, - вполголоса проговорил Юджин, наклоняясь к ней. Чего мне остерегаться? Кого остерегаться?

- Того, кто недавно приходил к вам и ушел в гневе.

Он щелкнул пальцами и рассмеялся.

- Ну, хорошо, поскольку ничего лучшего не придумаешь, мы с мистером Аароном поделим между собой обязанности попечителя и вместе проводим вас до дому. Мистер Аарон пойдет с той стороны, я - с этой. Если у мистера Аарона не будет никаких возражений, эскорт выступит в путь.

Он был уверен в своей власти над ней. Он был уверен, что она не отошлет его. Он был уверен, что теперь, когда ему грозит какая-то опасность, она не захочет расстаться с ним. Несмотря на свою беспечность и ветреность, он безошибочно читал те ее сокровенные мысли, которые ему хотелось прочесть.

И сейчас он, такой веселый, спокойный, шагал рядом с ней, он шутил, несмотря на все то, что ему пришлось выслушать. Как это возвышало его над мрачным, скованным в каждом своем движении искателем ее руки и над озлобленным, эгоистичным братом! Он оставался верен ей, когда родной брат от нее отрекся! Какое же огромное преимущество, какую власть над ней давало ему все это в тот вечер! А если вспомнить, сколько его поносили из-за нее и сколько она сама, бедняжка, из-за него вытерпела, то разве удивительно, что участливые, проникновенные нотки, проскальзывавшие в его голосе (вопреки беспечному тону, который должен был успокоить ее), малейшее его прикосновение, мимолетный взгляд, само его присутствие на этой темной, убогой улице точно пронизывали ее светом, падавшим из какого-то волшебного мира, и сияния этого не властны были угасить ни ревность, ни злоба, ни подлость, ни насмешки духов тьмы.

О том, чтобы идти к Райе, ничего больше не было сказано, и они пошли туда, где жила Лиззи. Не дойдя несколько шагов до двери, она простилась со своими спутниками и вошла в дом одна.

- Мистер Аарон, - сказал Юджин, когда они остались на улице вдвоем. Премного благодарен вам за компанию, но теперь, как это ни прискорбно, нам надо расстаться.

- Сударь, - ответил ему старик, - разрешите пожелать вам доброй ночи и посетовать, что вы такой легкомысленный.

- Мистер Аарон, - сказал Юджин, - разрешите мне тоже пожелать вам доброй ночи и посетовать, что вы такой глубокомысленный, а следовательно, скучный.

Но лишь только роль, которую Юджин исполнял в тот вечер, была сыграна и, повернувшись к Райе спиной, он сошел со сцены, вид у него тоже стал глубокомысленный. "Как это Лайтвуд меня спрашивал тогда?" - пробормотал он, останавливаясь и закуривая сигару. "Так чем же это кончится? Что ты делаешь? Куда ты идешь?.." Тяжкий вздох: "А-а! Скоро мы все это узнаем!"

Такой же тяжкий вздох, точно подхваченный эхом, послышался час спустя, когда Райя, сидевший в темноте напротив дома, где жила Лиззи, встал и медленно зашагал по улице, похожий в своем длинном ветхозаветном одеянии на призрак давно минувших времен.

ГЛАВА XVI - Годовщина

Одеваясь в своей квартирке над конюшней (на Дьюк-стрит, в Сент-Джеймс-сквере) и слыша, как внизу совершается туалет лошадей, почтенный Твемлоу приходит к выводу, что в общем и целом он находится в менее выгодном положении, чем эти благородные животные в стойлах, ибо хоть при нем и нет слуги, который угощал бы его увесистыми шлепками и командовал бы ему грубым голосом: "Тпру! Стой!", все же слуги-то у него нет вовсе, а так как по утрам суставы пальцев и прочие суставы работают у нашего кроткого джентльмена со скрипом, он, пожалуй, согласился бы, чтобы его привязали к двери спальни, но только бы вымыли, вытерли, почистили и одели, предоставив ему играть пассивную роль во время этой нелегкой процедуры.

Как чувствует себя обольстительная Типпинз, наряжаясь для прельщения мужчин, известно только грациям и ее горничной. Этой очаровательной особе не приходится обслуживать самое себя, как бедному Твемлоу, но все же она охотно сократила бы хлопоты, неизбежные при ежедневном восстановлении ее прелестей, так как лицо и шея у нашей богини похожи на панцирь той разновидности раков, которые каждое утро сбрасывают свое одеяние и прячутся в укромных уголках до тех пор, пока на них не затвердеет новая оболочка.

Тем не менее Твемлоу, наконец, ухитряется надеть воротничок, галстук и манжеты, доходящие ему до кончиков пальцев, и отбывает на завтрак. И как вы думаете, у кого он будет завтракать? У своих ближайших соседей, супругов Лэмл на Сэквил-стрит, которые предупредили его, что на этом завтраке он познакомится со своим дальним родственником, мистером Фледжби. Грозный Снигсворт, может, и наложил бы табу на Фледжби, изъясил бы Фледжби из обращения, но миролюбивый Твемлоу рассуждает так: "Если он действительно состоит в родстве со мной, я тут не виноват, а знакомство с ним ни к чему меня не обяжет".

Мистер и миссис Лэмл празднуют первую годовщину своего счастливого супружества, и в честь этой знаменательной даты дают завтрак, потому что званый обед должного размаха можно было бы дать только в несуществующем роскошном особняке, который возбуждает такую бешеную зависть у их знакомых. И вот Твемлоу, по-стариковски семеня ногами, выходит на Пикадилли и вспоминает, что раньше его фигура отличалась большей статностью, а его жизнь не подвергалась такой опасности среди быстро мчащихся экипажей. Впрочем, это было в те дни, когда он еще надеялся получить от грозного Снигсворта разрешение заняться чем-нибудь и стать кем-нибудь в жизни; это было еще до того, как этот величественный самодур издал рескрипт: "Поскольку он, Твемлоу, не сможет отличиться ни на каком поприще, пусть будет неимущим джентльменом-пенсионером, и пусть живет отныне на пенсию, получаемую от меня".

Ах, Твемлоу, Твемлоу! Поведай нам, хилый седенький старичок, какие мысли теснятся

сегодня в твоей голове о ней, о Мечте - назовем прежним именем ту, что ранила твое сердце в ту пору, когда оно была у тебя еще совсем юное и когда волосы у тебя были каштановые. Поведай нам, что хуже, что мучительнее - верить в свою Мечту по сей день или знать, что она превратилась в алчного, закованного в броню крокодила, который не способен ни представить себе, какое нежное, мягкое, чувствительное местечко таится у тебя под жилетом, ни пронзить это местечко вязальной спицей. Поведай нам также, милый Твемлоу, что лучше - быть бедным родственником могущественной особы или стоять у извозчицкой биржи в зимнюю слякоть и поить лошадей из мелкой колоды, - той самой, в которую ты сейчас сослепу чуть не угодил ногой? Но Твемлоу оставляет эти вопросы без ответа и молча продолжает свой путь.

Когда он останавливается у дома Лэмлей, к подъезду подкатывает маленькая одноконная карета; в ней восседает божественная Типпинз. Опустив стекло, Типпинз, настроенная весьма игриво, перевозит кавалера, который будто бы только затем сюда и пришел, чтобы помочь ей выйти из экипажа. Твемлоу помогает ей выйти с такой учтивостью и серьезностью, точно Типпинз и вправду существо вполне реальное. Поднимаясь об руку с ним вверх по лестнице, Типпинз с трудом ступает заплетающимися ногами и делает вид, будто произвольные подпрыгивания ее ненадежных конечностей объясняются свойственной им от природы живостью.

- Здравствуйте, дорогая миссис Лэмл и дорогой мистер Лэмл! Когда же вы уезжаете за копченым окороком в это... ну, как его? поместье графа Уорвикского - Дан-Кау, что ли? Ах, вот он, Мортимер, имя которого навсегда вычеркнуто из списка моих поклонников в отместку, во-первых, за его непостоянство и, во-вторых, за презренное отступничество. Ну, здравствуйте, негодник! Как, и мистер Рэйберн здесь? А он зачем пожаловал? Ведь мы заранее знаем, что из него слова не вытянешь! Ч. П. Вениринг! Ну, как дела в палате? И когда вы изгоните оттуда эту мерзкую оппозицию? Миссис Вениринг, душенька, неужели правда, что вы каждый вечер ходите туда, сидите в духоте и слушаете эти нудные речи? Кстати, Вениринг, почему мы не слышим ваших речей? Ведь вы в палате рта не открыли за все это время? А нам так хочется вас послушать! Мисс Подснеп, милочка! Папа тоже здесь? Ах, вот как! И мамы нет? А-а, мистер Бутс! Прелестно! Мистер Бруэр! Все в сборе! - Так щебечет Типпинз, наводя свой золотой монокль на Фледжби, на "чужаков" и как девочка-резвушка порхая по комнате. Есть еще знакомые? Кажется, нет. Здесь - нет. Там - тоже нет. Нигде больше нет.

Мистер Лэмл, искрометный с головы до ног, выдвигает на первый план своего друга Фледжби, заявляя, что тот умирает от желания представиться леди Типпинз. Фледжби представляют. Судя по выражению его лица, он хочет что-то сказать, судя по выражению его лица он ничего не хочет сказать, судя по выражению его лица, он погружается в размышления, потом им овладевают сомнения и чувство внутреннего опустошения, он пятится, натываясь на Бруэра, описывает круг около Бутса и, окончательно ступешавшись на заднем плане, проводит рукой сперва по левой, потом по правой щеке, как будто долгожданные бакенбарды могли вырасти там за последние пять минут.

Но Лэмл снова извлекает Фледжби на свет божий, не дав ему времени окончательно убедиться в бесплодии его физиономии. По-видимому, Фледжби чувствует себя совсем плохо, так как, если верить Лэмлу, он опять умирает. На сей раз Фледжби умирает от желания представиться Твемлоу.

Твемлоу протягивает ему руку. Он рад познакомиться.

- Мы с вашей матушкой в родстве, сэр.

- Да, кажется, - отвечает Фледжби, - но она была не в ладах со своей родней.

- Вы сейчас живете в городе? - спрашивает Твемлоу.

- Я всегда живу в городе, - говорит Фледжби.

- Любите городскую жизнь? - говорит Твемлоу, но Фледжби сразу укладывает его на обе лопатки, заявив обиженным тоном, что он не любитель городской жизни. Пытаясь ослабить силу падения Твемлоу, Лэмл говорит: "Городская жизнь нравится далеко не всем". Фледжби возражает, что это верно только по отношению к нему, и Твемлоу снова сбит с ног.

- Новостей сегодня, кажется, нет? - спрашивает Твемлоу, с удивительным присутствием

духа опять кидаюсь в бой.

Фледджи ничего особенного не слышал.

- Никаких новостей нет, - говорит Лэмл.

- Совершенно никаких новостей, - добавляет Бутс.

- Решительно никаких, - подхватывает Бруэр.

Этот номер программы, исполненный квартетом, почему-то поднимает общее настроение. Долг совершен - все оживляются. Теперь им легче перенести такое бедствие, как общение друг с другом. Даже Юджин, который стоит в оконной нише и сердито крутит кисточку шнура от шторы, вдруг начинает крутить ее еще быстрее, точно у него сразу прибавилось сил.

Завтрак подан. Сервировка на столе пышная, бьющая на эФФект, и в то же время она явно кричит о своем временном, кочевом характере, точно давая понять, что в аристократическом особняке все это будет гораздо пышнее, гораздо эФФектнее. За стулом мистера Лэмла - его собственный лакей; Химик за стулом Вениринга. Вот вам пример того, что слуги обычно делятся на две категории: первые не доверяют знакомым своих хозяев; вторые не доверяют самим хозяевам. Лакей мистера Лэмла принадлежит ко второй категории, так как, судя по его унылому виду, он находится в дурном расположении духа и недоумевает, почему полиция до сих пор не арестовала его хозяина за какое-нибудь тягчайшее преступление.

Ч. П. Вениринг сидит справа от миссис Лэмл, Твемлоу - слева; миссис Вениринг, С. Ч. П. (супруга члена парламента) и леди Типпинз справа и слева от мистера Лэмла. Но можете не сомневаться, что в радиусе действия пленительной улыбки и пленительных взглядов мистера Лэмла сидит маленькая Джорджиана. Можете не сомневаться также, что рядом с маленькой Джорджианой и под наблюдением того же самого рыжеватого джентльмена сидит Фледджи.

За завтраком мистер Твемлоу то и дело поворачивается к миссис Лэмл и говорит ей: "Прошу прощения!" Почему же Твемлоу так странно ведет себя сегодня, ведь это совсем не в его характере? А вот почему: Твемлоу находится под впечатлением, будто миссис Лэмл хочет заговорить с ним, но, поворачиваясь к ней, он каждый раз убеждается, что это ему только показалось и что она смотрит на Вениринга. Странно, но факт остается фактом: Твемлоу хоть и удостоверяется в своей ошибке, а все-таки отделаться от этого впечатления не может.

Вкусив плодов земных (в том числе и нектара, который дает нам виноградная лоза), леди Типпинз заметно веселеет и принимается высекать огонь из Мортимера Лайтвуда. В кругу посвященных знают, что этого неверного обожателя леди Типпинз следует сажать напротив нее, чтобы она могла высекать из него искры светской болтовни. Во время паузы, посвященной пережевыванию и проглатыванию пищи, леди Типпинз вспоминает, глядя на Мортимера, что в доме наших милейших Венирингов, в присутствии всех тех, кто и сейчас налицо, Мортимер рассказал историю о человеке ниоткуда, которая впоследствии так захватывающе интересно развернулась и приобрела такую вульгарно-широкую известность.

- Да, леди Типпинз, - подтверждает Мортимер, - воистину так, если выразаться выпреним языком.

- В таком случае, - заявляет очаровательница, - для поддержания своей репутации расскажите нам дальнейшее.

- Леди Типпинз! В тот день я навеки исчерпал свои возможности, и больше от меня ждать нечего.

Так отражает ее наскок Мортимер, в то же время признаваясь самому себе, что в других домах роль остряка принадлежит не ему, а Юджину, а в этом обществе, где Юджин предпочитает быть молчаливым, он, Мортимер, становится всего лишь дублером своего друга, который всегда служил ему образцом для подражания.

- Нет! - изрекает обольстительная Типпинз. - Я твердо решила добиться от вас новых сведений. Изменник! До меня дошли слухи о новом исчезновении. Говорите, что это значит?

- Если эти слухи дошли до вас, - парирует Лайтвуд, - может быть, вы сами и доложите

нам о них?

- Прочь с глаз моих, чудовище! - восклицает леди Типпинз. - Меня отослал к вам ваш собственный Золотой Мусорщик!

Вступив в их диалог, мистер Лэмл громогласно заявляет, что история человека ниоткуда действительно имеет продолжение. За столом наступает полная тишина.

- Уверяю вас, - говорит Лайтвуд, обводя взглядом всех присутствующих, - больше я ничего не могу рассказать. - Но так как Юджин бормочет вполголоса: "Ну, хорошо, расскажи, расскажи!" - он вынужден добавить: - Во всяком случае, ничего такого, о чем бы стоило рассказывать.

Бутс и Бруэр немедленно приходят к выводу, что рассказывать безусловно стоит, и с назойливой учтивостью требуют продолжения. Их вяло поддерживает Вениринг, и гости понимают, как трудно ему сосредоточиться на чем-нибудь - что поделаешь! Рассеянность свойственна всем членам палаты общин.

- Пожалуйста, не рассчитывайте на долгий рассказ, - говорит Мортимер Лайтвуд. - Я кончу гораздо раньше, чем вы успеете принять удобные позы. Дело обстоит так...

- Дело обстоит так, - нетерпеливо перебивает его Юджин, - как поется в детской песенке: Моя сказка кончится вскоре:

Жил-был Джек Манори.

У Джека был отец.

Вот вам сказки начало,

А вот и конец.

Ну, расскажи, и покончим с этим.

В голосе Юджина слышится раздражение, он сидит, откинувшись на спинку стула и свирепо глядя на леди Типпинз, которая игриво кивает ему головой и называет его злым волком, намекая тем самым, что она не кто иная, как Красная шапочка.

- Моя досточтимая и прекрасная повелительница и оппонентка, продолжает Мортимер, - по всей вероятности, имеет в виду следующие события: несколько дней назад молодая девушка Лиззи Хэксем, дочь покойного Джесса Хэксема по прозвищу Старик - того самого, который, как вы помните, обнаружил в Темзе тело человека ниоткуда, получила - от кого, неизвестно полный отказ от обвинений, возведенных на ее отца неким Райдергудом, тоже промышляющим на реке. Обвинениям этим никто не верил, потому что сей Райдергуд, - не могу не применить к нему пословицу "и душою худ, и просто плут", утверждал то одно, то другое и, по сути, запутался в своих наветах. Так или иначе, Лиззи Хэксем получила письмо с отказом от обвинений получила его весьма загадочным образом, чуть ли не из рук незнакомца в темном плаще и в шляпе с низко опущенными полями, и в подтверждение невинности своего отца препроводила полученное ею письмо моему клиенту мистеру Боффину. Надеюсь, юридическая терминология никого здесь не шокирует. Дело в том, что у меня нет и, по всей вероятности, никогда не будет других клиентов, и я горжусь мистером Боффином как редким произведением природы.

Спокойствие, с которым говорит Лайтвуд, только кажущееся; на душе у него далеко не спокойно. Он как будто и не обращает внимания на Юджина, а сам чувствует, что в присутствии друга эта тема не совсем безопасна.

- Редкое произведение природы, которое служит единственным украшением моего юридического музея, - продолжает он, - приказывает своему секретарю экземпляру из породы раков-отшельников или устриц, по фамилии, кажется, Шоксмит... Впрочем, это не важно, назовем его хоть Артишоком... Итак, приказывает своему Артишоку снести с Лиззи Хэксем. Артишок изъявляет готовность выполнить поручение, действует соответствующим образом и терпит неудачу.

- Как, неудачу? - спрашивает Бутс.

- Почему неудачу? - спрашивает Бруэр.

- Прошу прощения, - говорит Лайтвуд, - но мне придется немного повременить с ответом на ваши вопросы, чтобы не нарушить естественного хода событий. Поскольку Артишок

потерпел полную неудачу, мой клиент, действуя в интересах предмета своих розысков, поручает это дело мне. Я пытаюсь разыскать ее, я даже располагаю, - бросив взгляд на Юджина, - кое-какими наводящими сведениями, которые могут помочь мне разыскать ее... и тоже терплю неудачу, потому что она исчезла.

- Исчезла? - Многоголосое эхо подхватывает его последнее слово.

- Пропала без вести, - говорит Мортимер. - Никто не знает как, никто не знает когда, никто не знает куда. Таков конец истории, который имела в виду моя достопочтенная и прелестная повелительница и оппонентка.

Типпинз взвизгивает чарующим голосом и заявляет, что нас всех до одного зарежут во сне. Взгляд Юджина ясно говорит, что всех не надо, а одного - вернее, одну - пожалуйста. С. Ч. П. миссис Вениринг замечает, что, наслушавшись рассказов обо всех этих социальных загадках, побоишься оставлять малютку дома. Весьма посредственно копируя форму парламентского запроса: "Видя достопочтенного джентльмена, возглавляющего департамент внутренних дел, на месте, и т. д.", Ч. П. мистер Вениринг желает знать, следует ли истолковывать слова Мортимера так, что исчезнувшее лицо похитили и вообще совершили над ним какое-либо насилие? За Лайтвуда отвечает Юджин, и отвечает поспешно, с раздражением:

- Нет, нет! Ничего подобного! Он хотел сказать, что это лицо исчезло по собственной воле, и исчезло бесследно, неизвестно куда.

Однако нельзя же допустить, чтобы столь важная тема беседы, как супружеское счастье мистера и миссис Лэмл, исчезла вслед за другими исчезновениями - исчезновением убийцы Джона Гармона, исчезновением Джулиуса Хэнфорда, исчезновением Лиззи Хэксем! Венирингу приходится загонять овец в хлев, из которого они разбрелись. Кому же, как не Венирингу, следует ораторствовать о счастье мистера и миссис Лэмл - самых дорогих и самых старинных его друзей во всем мире! И какой аудитории следует ему поведать свои мысли, как не этой аудитории - имя существительное собирательное, обозначающее группу лиц, рассматриваемых как единое целое и являющихся самыми дорогими и самыми старинными его друзьями во всем мире. Разрешив себе ораторствовать сидя, Вениринг начинает монотонно бормотать, как в парламенте, что он видит за этим столом своего дорогого друга Твемлоу, который ровно год назад соединил руку его, Вениринга, дорогого друга Лэмла с прелестной рукой его дорогого друга Софронии и что он видит за этим столом также своих дорогих друзей Бутса и Бруэра, которые объединились вокруг него в те дни, когда его дорогой друг леди Типпинз тоже объединилась вокруг него - одна из первых! - и он будет помнить это до тех пор, пока память не откажет ему. Нельзя не отметить, что за этим столом нет его старинного дорогого друга Подснепа, хотя Подснепа самым достойным образом представляет здесь его, Вениринга, юный дорогой друг Джорджиана. Далее он видит тут за столом (Вениринг провозглашает это так торжественно, будто глаза его вооружены телескопом необычайной силы) своего дорогого друга мистера Фледжби, если тот позволит ему называть себя его другом. Принимая во внимание все эти и многие другие обстоятельства, о которых вы, люди чрезвычайно проникательные, разумеется, догадаетесь сами, он должен со всей почтительностью доложить вам, что настало время, когда мы с бокалами в руках, со слезами на глазах, с благословениями на устах и вообще со всем тем, чем полны наши душевные закрома, единодушно провозгласим тост за здоровье наших дорогих друзей Лэмлей и пожелаем им много, много лет, таких же счастливых, как и этот истекший год, и много, много друзей, живущих в браке душа в душу так же, как они сами. И вот о чем надо еще сказать: Анастасия Вениринг (которая незамедлительно начинает всхлипывать) создана по образу и подобию своей старинной закадычной подруги Софронии Лэмл в том смысле, что она тоже предана человеку, завоевавшему ее любовь, и доблестно исполняет обязанности жены. Не найдя другого выхода из тупика, Вениринг на всем скаку осаживает своего ораторского Пегаса и летит кувыркком наземь со словами:

- Лэмл! Да благословит вас бог!

Очередь Лэмла. Какое у него все аляповатое! В особенности нос, неправильный, грубый.

И каков нос, таковы и манеры и склад ума. Слишком широко он улыбается - трудно поверить в искренность такой улыбки; слишком озабоченно хмурится - а вот озабоченность, видимо, неподдельная; слишком много у него зубов, слишком они крупные - того гляди укусит! Он благодарит вас, дорогие друзья, за ваши добрые слова и надеется, что следующий прием может быть, по случаю второй столь же радостной годовщины - состоится в помещении, более соответствующем вашим понятиям о гостеприимстве. Ему никогда не забыть, что у Венирингов он впервые встретил Софронию. Софронии никогда не забыть, что у Венирингов она впервые встретила его. Они говорили об этом вскоре после свадьбы и решили не забывать, никогда не забывать. В сущности, Венирингу они и обязаны тем, что брачные узы соединили их, и надеются когда-нибудь на деле доказать свое отношение к нему (Вениринг: "Не надо, не надо!"). Нет, надо! Пусть не сомневается - они докажут, если только смогут. Их брак с Софронией нельзя считать браком по расчету. У нее было небольшое состояние, у него было небольшое состояние - вот они и соединили свои небольшие состояния. В основе их брака лежало искреннее расположение друг к другу и сходство характеров. Благодарю вас! Они с Софронией любят видеть около себя молодежь, но вряд ли их дом будет подходящим местом для юношей и девушек, которые дали обет безбрачия, ибо созерцание супружеского счастья, царящего в этом доме, может заставить этих юношей и девушек изменять своему обету. О присутствующих, разумеется, не говорят, особенно о таких присутствующих, как маленькая Джорджиана. Еще раз благодарю! И, между прочим, к его другу Фледжби это тоже не относится. Он признателен Венирингу за теплоту, с которой тот отозвался о их общем друге Фледжби, так как этот молодой джентльмен пользуется его величайшим уважением. Благодарю вас! Сказать правду (снова о Фледжби), чем ближе вы с ним знакомитесь, тем больше находите в нем то, что вам хочется найти. Еще раз благодарю! Благодарю от имени моей дорогой Софронии и от своего собственного имени!

Все это время миссис Лэмл сидит молча, опустив глаза на скатерть. Как только мистер Лэмл кончает речь, Твемлоу почему-то снова поворачивается к своей соседке, видимо не избавившись от ощущения, что она хочет заговорить с ним. И на сей раз она действительно с ним заговаривает. Вениринг беседует со своей соседкой слева, и миссис Лэмл начинает вполголоса:

- Мистер Твемлоу!

Он отвечает:

- Да? Простите? - все еще неуверенно, потому что она не смотрит на него.

- Вы истый джентльмен, и я знаю, что на вас можно положиться. Не дадите ли вы мне возможность сказать вам два-три слова, когда мы поднимемся наверх?

- Разумеется! Почту за честь!

- Только, прошу вас, не подавайте виду и не удивляйтесь моему поведению, если оно не будет соответствовать нашему разговору. За мной могут следить.

Чрезвычайно озадаченный, Твемлоу подносит ко лбу руку и в раздумье откидывается на спинку стула. Миссис Лэмл встает. Все встают. Дамы поднимаются в гостиную. Через несколько минут мужчины идут следом за ними. Эти несколько минут Фледжби посвящает осмотру бакенбард Бутса, бакенбард Бруэра и бакенбард Лэмла и обдумывает, у кого лучше и какие завести ему самому посредством трения, если только Гений его физиономии отзовется на этот способ обработки щек.

В гостиной, как водится, составляются группы. Лайтвуд, Бутс и Бруэр вьются, точно бабочки, вокруг леди Типпинз, похожей одновременно и на оплывающую восковую свечу и на саван. Чужаки охаживают Ч. П. Вениринга и С. Ч. П. миссис Вениринг. Лэмл, сложив руки на груди во образе Мефистофеля, стоит в углу рядом с Джорджианой и Фледжби. Миссис Лэмл садится на диван и, взяв со столика альбом, предлагает его вниманию мистера Твемлоу.

Мистер Твемлоу опускается на кушетку напротив нее, и миссис Лэмл показывает ему какой-то портрет.

- У вас есть все основания удивляться, - тихо говорит она, - но, прошу вас, постарайтесь скрыть это.

Встревоженный Твемлоу пытается скрыть свое удивление и делает его еще более явным.

- Если не ошибаюсь, мистер Твемлоу, вы до сего дня не были знакомы с этим своим дальним родственником?

- Нет, не был.

- А теперь, познакомившись, вы видите, что он собой представляет. Гордиться им нет оснований?

- Сказать по правде - нет, миссис Лэмл.

- Если б вы знали о нем побольше, вам и вовсе не захотелось бы иметь такого родственника. А вот еще один портрет. Что вы о нем скажете?

У Твемлоу хватает присутствия духа, чтобы ответить:

- Большое сходство! Поразительное сходство!

- Вы, вероятно, заметили, кого он удостаивает своим вниманием? Видите, где он стоит и с кем стоит?

- Да. Но мистер Лэмл...

Она бросает на него взгляд, смысл которого ему непонятен, и показывает третий портрет.

- Удачный, не правда ли?

- Прелестный! - говорит Твемлоу.

- Так метко схвачено, что это почти карикатура... Мистер Твемлоу, мне трудно выразить, какую борьбу я выдержала сама с собой, прежде чем решилась заговорить с вами! И я продолжаю этот разговор только потому, что твердо убеждена - вы не выдадите меня. Подтвердите чистосердечно, что вы не обманете моего доверия, что вы отнесетесь к нему с уважением, даже если у вас не останется ни малейшего уважения ко мне, и я приму ваше слово за клятву.

- Сударыня, клянусь честью джентльмена, хоть и бедного...

- Благодарю. Больше мне ничего не нужно. Мистер Твемлоу, умоляю вас, спасите это дитя!

- Какое дитя?

- Джорджиану. Она жертва. Ее хотят заманить в сети и выдать замуж за вашего родственника. Тут заговор в расчете на большую поживу. У этой девочки нет ни силы воли, ни характера, ее продадут, она не сможет отстоять себя и попадет в кабалу на всю жизнь.

- Чудовищно! Но как я смогу предотвратить это? - вопрошает Твемлоу, растерянный и потрясенный до глубины души.

- А вот еще один портрет. И неудачный, правда?

Ошеломленный непринужденностью, с какой она откидывает назад голову, критическим оком разглядывая портрет, Твемлоу все же соображает, что ему тоже следует откинуть голову, и так и делает. Впрочем, рассмотреть он ничего не может, точно этот портрет находится не перед ним, а где-то в Китае.

- Решительно нехорош! - говорит миссис Лэмл. - Вид неестественный и помпезный.

- Неестественный и по... - Но сбитый с толку Твемлоу не может выговорить это слово и сбивается на "по... жалуй".

- Мистер Твемлоу, ее напыщенный, самовлюбленный отец поверит вам. Вы знаете, как он считается с вашей семьей. Не теряйте времени. Предостерегите его!

- Предостеречь? Но от кого?

- От меня.

К величайшему своему счастью, Твемлоу получает в эту критическую минуту порцию возбуждающего средства, и таким возбуждающим средством ему служит голос мистера Лэмла.

- Софрония, дорогая моя, кого вы там показываете Твемлоу?

- Разных знаменитостей, Альфред.

- Покажите ему мой последний портрет.

- Хорошо, Альфред.

Она кладет альбом на столик, берет другой и, перевернув несколько страниц, показывает

Твемлоу своего супруга.

- Вот последний портрет мистера Лэмла. Как он вам нравится? Предостерегите ее отца от меня. Мне так и следует, потому что я с самого начала принимаю участие в заговоре. Он составлен моим мужем, вашим родственником и мною. Я признаюсь вам во всем только для того, чтобы вы поняли, как нуждается эта бедная, глупенькая и привязчивая девочка в друге и спасителе. Ее отцу всего говорить не нужно. Уж настолько-то вы пощадите меня и моего мужа. Сегодняшнее торжество - сплошной обман, но все же он мой муж, и нам надо как-то жить... Вы находите, что сходство есть?

Твемлоу, не помня себя, делает вид, будто сравнивает портрет, который у него в руках, с оригиналом, который бросает в их сторону мефистофельские взгляды из дальнего угла.

- В самом деле, недурно! - Таковы слова, которые Твемлоу с величайшим трудом, наконец, выдавливает из себя.

- Очень рада, что вам нравится. Пожалуй, это действительно лучший из всех. Остальные слишком темные. А этот портрет мистера Лэмла...

- Но я ничего не понимаю! Я не вижу, каким образом, - бормочет Твемлоу, нерешительно наводя монокль на альбом, - каким образом можно предостеречь отца, не сказав ему всего? Что же надо сказать? Что надо утаить? Я... я просто теряюсь!

- Скажите ему, что я заправская сваха. Скажите ему, что я женщина пронырливая и корыстная. Скажите ему, что, по вашему мнению, его дочери не следует бывать в моем доме, в моем обществе. Все это сказать можно, потому что все это сушая правда. Вы знаете, какой он кичливый и как легко задеть его тщеславие. Скажите ровно столько, сколько нужно, чтобы встревожить его и заставить беспокоиться о дочери, а в остальном пощадите меня. Мистер Твемлоу, вы сразу перестали меня уважать, но хотя я давно пала в собственных глазах, мне больно терять ваше уважение. И все же я твердо полагаюсь на вашу порядочность. Если бы вы знали, сколько раз я пыталась заговорить с вами сегодня, вы пожалели бы меня. Повторных заверений мне от вас не нужно, потому что я удовольствуюсь и всегда буду довольствоваться тем, что вы уже пообещали. Надо кончать наш разговор, потому что за мной следят. Если вы согласны успокоить меня, согласны поговорить с отцом этой невинной девушки и тем самым спасти ее, закройте альбом, прежде чем возвращать его мне, и я пойму, что это значит, и поблагодарю вас в глубине души... Альфред, мистеру Твемлоу, как и нам с вами, тоже больше всего нравится ваш последний портрет.

Альфред приближается к ним. Группы гостей расходятся. Леди Типпинз встает и собирается уезжать, миссис Вениринг следует за своим повелителем. Миссис Лэмл продолжает смотреть на Твемлоу, который разглядывает сквозь монокль портрет Альфреда. Проходит минута - монокль Твемлоу повисает на ленточке, он встает и так громко хлопывает альбомом, что хрупкая питомица фей, Типпинз, вздрагивает всем телом.

Прощания за прощаниями. Гости очарованы приемом, достойным золотого века, и опять про копченый окорок и прочее, тому подобное, и вот Твемлоу, невинная, добрая душа, уже бредет по Пикадилли, держась рукой за голову, чуть не попадает под колеса выскочившего из-за угла почтового фургона, но тем не менее благополучно добирается до своего кресла и падает в него, все еще не отнимая руки от головы, обуреваемой вихрем мыслей.